

N $\frac{11}{237}$

8401

$$\sqrt{\frac{11}{237}}$$

Содержание

1-234

ИСТОРИЯ ВОПРОСОВ

1-12

ОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛЫ

В РОССИИ

Содержание

J
3/6/28

1000

В. Чархолускій.

370
4-21.

√ $\frac{11}{237}$ С

801-93
11163-5

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

ОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛЫ

ВЪ РОССИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1909.

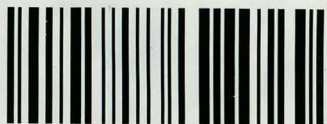
8913.

Редакція «ЕЖЕГОДНИКА ВНѢШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНІЯ» и «ЕЖЕГОДНИКА НАРОДНОЙ ШКОЛЫ» обращается къ авторамъ, просвѣдителямъ, обществамъ, библіотекамъ, музеямъ, складамъ, издателямъ, правительственнымъ, земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, должностнымъ лицамъ и всемъ работникамъ по народному образованію съ покорнѣйшей просьбой высылать въ ея распоряженіе, немедленно же по выходѣ, всѣ новыя изданія, такъ или иначе касающіяся вопросовъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія (книги, періодическія изданія, отчеты, доклады, уставы, проекты, программы, каталоги, циркуляры, инструкціи и т. д.).

Всѣ матеріалы и письма (кромѣ денежныхъ) просятъ направлять по адресу: С.-Петербургъ, Невскій, 132, кв. 29, въ редакцію „Ежегодника народной школы“.

Порученій по высылкѣ книгъ редакція на себя не принимаетъ.

2011096323

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Вмѣсто предисловія	1
I. Сущность эволюціи въ организаціи народнаго образованія	4
II. Мѣсто государства въ общественной организаціи народнаго образованія.	8
III. Организація народнаго образованія мѣстными самоуправленіями.	17
IV. Финансовая сторона организаціи народнаго образованія.	23
V. Права частной инициативы и ея значеніе въ общей системѣ народнаго образованія	27
VI. Національный вопросъ въ системѣ организаціи общественнаго образованія.	33
VII. Права и положеніе учащихся въ общественной организаціи народнаго образованія	36
VIII. Положеніе учащихся въ общественной организаціи народнаго образованія.	42
IX. Семья и общественная организація образованія	47
X. Школьная администрація: школьные комитеты и школьная инспекція	50
XI. Автономія школы	53
XII. Школа, религія и церковь.	56
XIII. Языкъ преподаванія и государственный языкъ.	66
XIV. Гарантіи равенства гражданъ въ системѣ общественной организаціи образованія	75
А. Правовое равенство гражданъ въ области образованія.	—
Б. Бесплатность образованія въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ	76
В. Бесплатное снабженіе учащихся въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ учебниками и учебными пособіями.	79
Г. Снабженіе учащихся на общественный счетъ необходимой одеждой и пищей	80
Д. Законодательная охрана свободы школьнаго возраста.	83
Е. „Всеобщность“ и обязательность образованія.	85
XV. Формы общественнаго образованія	89
А. Дошкольное образованіе.	—
Б. Общеобразовательная школа	91
В. Профессіональное и спеціальное образованіе.	93

Г. Подготовка учительского персонала общеобразовательных школ	95
Д. Образование ненормальных дѣтей	97
Е. Призрѣніе бездомныхъ дѣтей.	98
XVI. Основы учебнаго курса и внутренней постановки общественной школы.	100
А. Основы учебнаго курса общественной общеобразовательной школы.	—
Б. Школа и „политика“	103
В. Совмѣстное обученіе	106
Г. Привилегіи школы и образованія	109
XVII. Итоги	113
XVIII. Общія условія школьной реформы	124
З а к л ю ч е н і е. Къ вопросу о „безпочвенныхъ мечтаніяхъ“ и „практическихъ планахъ“	12

Вмѣето предисловія.

Предлагаемые очерки задуманы уже давно, еще въ то время, когда страна переживала медовый мѣсяць своего пробужденія, когда во всѣхъ областяхъ народной жизни вопросы ставились смѣло и прямо, во всю ихъ глубину и ширину. Тогда были впервые провозглашены также и основные принципы, на которыхъ передовая демократія признавала необходимымъ построить школьное дѣло въ свободной Россіи. Однако, почти всѣ эти основные принципы въ ту пору не были, да и не могли быть подвергнуты детальной разработкѣ и не вылились въ проекты конкретныхъ реформъ: на очереди стояли другія, основные задачи, отъ того или иного разрѣшенія которыхъ зависѣла вся будущая судьба народа, а въ частности, и ближайшія судьбы народнаго образованія. Вскорѣ наступила временная побѣда реакціи. Многіе дѣятели реакціи, пользуясь тѣми же словами, которыми были сформулированы требованія демократіи въ области народнаго образованія въ эпоху высокаго и чистаго подъема народной мысли, стремятся провести подъ этими вѣшними терминами содержаніе, которое совершенно съ ними не вяжется. Другіе, безусловно честные и искренніе друзья народнаго образованія, считая дѣло революціи окончательно проиграннымъ, по крайней мѣрѣ, на предстоящій значительный періодъ времени, хотя и признають выдвинутые революціей великіе лозунги, готовы, однако-же, вступить на путь такихъ компромиссовъ, которые уничтожаютъ все или почти все ихъ живое содержаніе. Многимъ эти лозунги кажутся въ настоящую пору реакціи чѣмъ-то такимъ далекимъ и недостижимымъ, что для текущей практической жизни отъ нихъ не остается почти ничего. Наконецъ, наиболѣе яркіе сторонники реакціи открыто объявили этимъ лозунгамъ самую беспощадную войну.

Таковы главнѣйшія общественныя настроенія въ области народ-

наго образованія въ настоящее время. Каковы бы, однако, не были эти настроенія, и какъ бы не были неблагоприятны теперь условія творческой общественной работы, жизнь все же ставитъ въ области народнаго образованія цѣлый рядъ очередныхъ практическихъ задачъ, на которыя отвѣты должны быть даны и такъ или иначе даются. Стоитъ на очереди и школьная законодательная реформа, въ особенности требующая вполнѣ сознательнаго къ себѣ отношенія. Правда, «реформа» эта во время упадка общественнаго настроенія ни въ коемъ случаѣ не можетъ достигнуть ни той глубины, ни той широты, которыми характеризовались бы, дѣйствительно принципиальныя, органическія реформы въ эпоху полной перестройки государственной и общественной жизни. Тѣмъ не менѣе, даже и неглубокія мѣры сплошь и рядомъ косвенно предрѣшаютъ направленіе будущихъ органическихъ реформъ или, по крайней мѣрѣ, крайне усложняютъ правильное ихъ осуществленіе. Съ другой стороны, въ школьномъ наслѣдїи, доставшемся намъ отъ старой Россіи, есть множество, безусловно отжившихъ свое время съ точки зрѣнія даже самыхъ скромныхъ требованій, частныхъ, ликвидація которыхъ представляется вполнѣ осуществимой даже и въ эпоху реакціи.

Все это позволяетъ мнѣ надѣяться, что задуманная попытка болѣе или менѣе конкретнаго формулированія главныхъ вопросовъ предстоящей Россіи новой организациі народнаго образованія будетъ не бесполезной и въ настоящую тяжелую пору разгула реакціи. Какъ долго еще будетъ длиться этотъ разгулъ—я, разумѣется, предсказывать не берусь. Однако же, нельзя не видѣть, что самая ея безудержность имѣетъ для реакціи роковое значеніе; во всякомъ случаѣ она углубляетъ и расширяетъ великій революціонный процессъ, который уже совершился въ умахъ народа. Этого внутренняго процесса не уничтожить никакой реакціи. Неизбѣжно должно наступить время и притомъ въ близкомъ будущемъ, когда переворотъ, совершившійся въ сознаніи народа, такъ или иначе, съ большей или меньшей полнотой, получитъ свое выраженіе и во внѣшнемъ укладѣ государственной и общественной жизни. Поэтому я придаю огромное реальное значеніе тѣмъ великимъ принципамъ, во имя которыхъ и которыми совершился этотъ революціонный процессъ. Именно теперь, болѣе чѣмъ когда либо, необходимо, подобно мудрымъ евангельскимъ дѣвамъ, ждать неизбѣжнаго прибытія «жениха» съ горящими свѣтильниками этихъ живыхъ принциповъ, но ждать не пассивно, а въ борьбѣ—можетъ быть, пока и

мелочной и мало продуктивной, но все же освѣщаемой тѣмъ же свѣтомъ, который освѣтитъ въ будущемъ своимъ великимъ свободнымъ сіяніемъ всю обновленную страну.

Я буду вполнѣ удовлетворенъ, если мнѣ удастся формулировать и развить въ болѣе или менѣе конкретной формѣ дорогіе мнѣ главные принципы организаціи школьнаго дѣла въ Россіи, выдвинутые столь недавнимъ, но уже столь далекимъ отъ насъ періодомъ коренного пересмотра всего стараго строя. Само собой разумѣется, однако, что моей задачей будетъ развитіе этихъ принциповъ не въ отвлеченной, теоретической формѣ, а съ точки зрѣнія реальныхъ условій русской жизни и указаній живого опыта прошлаго этой жизни. Понятно также, что въ своемъ изложеніи я буду держаться въ предѣлахъ лишь самыхъ основныхъ положеній, избѣгая вдаваться въ такія частности и конкретности, которыя бесполезно было бы предугадывать теоретически, внѣ связи съ тѣми будущими реальными условіями государственной и мѣстной жизни, въ рамкахъ которыхъ эти положенія будутъ осуществляться въ жизни.

I.

Сущность эволюціи въ организациі народнаго образованія.

Наука давно уже и безповоротно установила, что знаніе и искусство, во всѣхъ ихъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ, представляютъ продуктъ общечеловѣческаго творчества. Даже самые геніальные мыслители, внесшіе въ науку самые крупные вклады, могли сдѣлать ихъ, только пользуясь огромнымъ запасомъ научнаго знанія, накопленнымъ до нихъ всѣмъ человѣчествомъ, и, въ частности, являлись лишь завершителями трудовъ болѣе или менѣе длиннаго ряда предшественниковъ, работавшихъ ранѣе въ той же самой области. Еслибы Ньютонъ, Дарвинъ или любой другой геній человѣчества былъ лишенъ накопленнаго до него запаса знаній—его геніальныя способности, разумѣется, не имѣли бы необходимаго матеріала для творчества и онъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ сдѣлался, благодаря этому запасу. Какихъ бы взглядовъ не держаться на главные факторы человѣческаго прогресса, остается безспорнымъ, что въ конечномъ счетѣ онъ обусловливается все большимъ и большимъ ростомъ завоеваній человѣческаго ума—ростомъ науки, искусства, ростомъ *знанія* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Съ увеличеніемъ общаго запаса этого знанія, становится все болѣе и болѣе продуктивной каждая отдѣльная отрасль человѣческаго труда и создаются условія, допускающія возможность все болѣе и болѣе совершеннаго развитія каждой отдѣльной личности.

✓ Однако, при настоящихъ социальнихъ и политическихъ условіяхъ, огромный и безцѣнный капиталъ общечеловѣческаго знанія доступенъ далеко не всѣмъ слоямъ населенія и далеко не всѣмъ индивидуумамъ, или доступенъ имъ въ чрезвычайно различныхъ степеняхъ. Господствующіе слои населенія могутъ черпать изъ него широкой рукой, и полученіе обширнаго образованія является обычно

одной изъ формъ, обезпечивающихъ личности ея привилегированное, по сравненію съ массой трудящагося народа, положеніе. Въ то же время, въ этой массѣ сплошь и рядомъ совершенно гибнуть блестящія природныя дарованія, а сама она, во всей ея совокупности, или вовсе не получаетъ никакого научнаго образованія, или получаетъ его въ такой ничтожной дозѣ, которая далеко не соотвѣтствуетъ ни ея способностямъ къ научному развитію, ни средствамъ, имѣющимся для этого развитія въ распоряженіи современнаго человѣчества. Безспорно, однако, что несмотря на всю несправедливость и ненормальность социальнихъ условій жизни современнаго намъ человѣчества, въ соотвѣтствіи съ признаніемъ, что знаніе есть продуктъ общечеловѣческаго творчества, быстро развивается также мысль о необходимости сдѣлать распространеніе этого знанія во всей массѣ населенія *не частнымъ дѣломъ* каждой отдѣльной личности, а *общественной обязанностью*, которая должна осуществляться органами, представляющими тѣ или другіе человѣческіе коллективы—государствомъ, общинами и т. д. Эволюція, наблюдающаяся въ этомъ отношеніи, представляетъ одну изъ главныхъ, если даже не самую главную черту, характеризующую развитіе народнаго образованія въ настоящее время во всѣхъ культурныхъ націяхъ человѣчества.

Та же самая эволюція наблюдается и у насъ въ Россіи, гдѣ она, впрочемъ, представляется продуктомъ лишь очень недавняго времени. Въ крѣпостной Россіи, являвшейся сословно-бюрократической деспотіей, постановка общественнаго образованія всецѣло опредѣлялась правительствомъ, и сущность ея можетъ быть резюмирована очень кратко. Если оставить въ сторонѣ напыщенные и торжественныя слова о важности народнаго образованія, щедро расточавшіяся правительствами Екатерины II и начала царствованія Александра I, и имѣть дѣло исключительно съ фактами и *дѣлами*, то взглядъ на постановку образованія нашихъ правительствъ, начиная съ Петра I и кончая Николаемъ I, сводится къ тремъ положеніямъ: государство беретъ на себя организацію учебныхъ заведеній, приготавливающихъ специалистовъ, необходимыхъ для различныхъ правительственныхъ функцій, а также образованіе дѣтей, принадлежащихъ къ господствующимъ классамъ населенія; образованіе массъ народа предоставляется «просвѣщенной и благонамѣренной попечительности помѣщиковъ», заботамъ сельскихъ и городскихъ общинъ, совершенно подавленныхъ общимъ строемъ и лишенныхъ какой-бы то ни было возможности развивать нормальную общественную жизнь и, нако-

нецъ, частной благотворительности; почти не участвуя въ расходахъ на народныя школы, правительство вводитъ для нихъ централистическую систему строгаго и всесторонняго бюрократическаго надзора и бюрократической опеки, имѣющую цѣлью направлять постановку образованія въ соотвѣтствіи съ правительственными взглядами. Послѣ освобожденія крестьянъ и введенія земскаго и городского самоуправленій, несмотря на радикально измѣнившійся общій строй жизни государства, правительственная политика въ вопросахъ народнаго образованія, въ сущности, почти не измѣнилась; но на сценѣ появился новый органъ общественнаго управленія — мѣстное самоуправленіе, которое получило нѣкоторыя элементарныя условія для здороваго развитія. Законъ о земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ включилъ въ кругъ ихъ вѣдѣнія заботы о развитіи народнаго образованія, но предоставилъ это дѣло всецѣло ихъ собственному усмотрѣнію и отнесъ попеченіе о народномъ образованіи къ числу «необязательныхъ» для нихъ повинностей. Какъ ни мало удовлетворительны были и организація представительства и общія условія дѣятельности нашихъ земскихъ и городскихъ самоуправленій, однако, они сразу же и безъ существенныхъ отклоненій стали на такой путь организаціи общественнаго хозяйства, въ которомъ нашли себѣ и теоретическое признаніе и практическое осуществленіе принципы, совершенно чуждые крѣпостническому строю. Сущность этихъ принциповъ сводится къ общему для всего современнаго культурнаго человѣчества признанію, что полученіе образованія должно быть обеспечено всему населенію, и что это дѣло должно быть осуществлено на общественныя средства. Это признаніе — прямой и самый важный результатъ земско-городской работы по народному образованію, неизмѣнно пользовавшейся широкой поддержкой передоваго общественнаго мнѣнія страны и ея учительской среды. Однако, земства и города, ставъ, въ общемъ, на вполнѣ правильный путь, не могли пройти по этому пути значительнаго разстоянія: это было обусловлено не только общей постановкой ихъ дѣятельности, крайне ограниченной бюрократическимъ надзоромъ, но и несовершенствомъ ихъ представительства въ социальномъ отношеніи, такъ какъ масса трудящагося населенія или вовсе была устранена отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи (въ городахъ), или же была представлена въ немъ лишь чрезвычайно слабо (въ земствахъ). Тѣмъ не менѣе, какъ я уже сказалъ, несмотря на всѣ осложняющія неблагоприятныя обстоятельства, земская и городская дѣятельность въ области народнаго образованія твердо установила

основной принципъ, что народное образованіе должно быть организовано на общественныя средства. Въ томъ же направленіи работала у насъ все время общественная и научная мысль, что и нашло себѣ яркое, послѣдовательное и систематическое выраженіе въ эпоху революціи. Мало-по-малу этотъ принципъ сталъ находить себѣ признаніе и въ средѣ бюрократическаго правительства, которое выступило въ настоящее время съ проектомъ сравнительно значительныхъ ассигнованій изъ государственныхъ средствъ для осуществленія всеобщности начальнаго образованія.

Принципъ осуществленія народнаго образованія органами общественнаго управленія и на общественныя средства для современной Россіи можно считать окончателно установленнымъ фундаментомъ, на которомъ должно быть воздвигнуто грандіозное зданіе этой великой и важнѣйшей отрасли общественнаго хозяйства. Нѣкоторымъ изъ читателей можетъ даже показаться, что я совершенно напрасно такъ долго останавливался на этой, совершенно безспорной, по ихъ мнѣнію, сторонѣ вопроса. Однако, въ дальнѣйшемъ изложеніи я надѣюсь показать, что твердое установленіе этого принципа безусловно необходимо для правильнаго, сознательнаго развитія общей системы, что изъ него съ логической неизбѣжностью вытекаетъ цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ выводовъ, и что практическое приложеніе его на первыхъ же шагахъ приводитъ къ цѣлому ряду вопросовъ, далеко еще не получившихъ общаго рѣшенія.

Первымъ изъ нихъ является вопросъ объ органѣ или органахъ, въ рукахъ которыхъ должно быть сосредоточено осуществленіе системы образованія на общественныя средства.

II.

Мѣсто государства въ общественной организаціи народнаго образованія.

Едва-ли возможно представить себѣ какой-либо контрастъ, болѣе поражающій, чѣмъ сопоставленіе состоянія науки и техники съ картиной жизни современнаго человѣчества. Съ одной стороны, мы наблюдаемъ блестящія, быстро другъ за другомъ слѣдующія завоеванія человѣческаго ума, открывающія такія огромныя перспективы научнаго познанія и научной техники, такія возможности для производительности человѣческаго труда и для улучшенія всѣхъ условій человѣческой жизни, что еще недавно онѣ показались бы совершенно несбыточными фантазіями. И, однако-же, граница этой несбыточности продолжаетъ быстро отодвигаться все дальше и дальше. И въ то же время по всему лицу земнаго шара не прекращаются насилія одного народа надъ другимъ; нѣтъ ни одной страны, въ которой небольшое господствующее меньшинство не эксплуатировало бы и не угнетало большинства, а во имя поправленныхъ правъ этого большинства не велась-бы долгая, упорная борьба, сопровождающаяся безчисленными, тяжкими жертвами; нѣтъ ни одной стороны общественныхъ и личныхъ отношеній между людьми, свободной отъ болѣе или менѣе значительной массы всякаго рода ненормальныхъ, тяжелыхъ, неразумныхъ проявленій. Что же касается состоянія того самого интеллекта, развитіе котораго было главнымъ факторомъ, выдвинувшимъ человѣчество далеко впередъ въ ряду другихъ животныхъ видовъ, то наукой твердо установленъ уже поразительный фактъ, что различіе между разумомъ такихъ людей, какъ Гете, Кантъ, Дарвинъ, съ одной стороны, и первобытныхъ дикарей, съ другой, гораздо значительнѣе, чѣмъ разница между разумомъ этихъ послѣднихъ и разумнѣйшихъ млекопитающихъ.—человѣко-обезьяны,

собаки, слона. А какое огромное количество людей въ цѣломъ рядѣ отсталыхъ странъ и, въ частности, въ Россіи стоятъ на такой стадіи умственнаго развитія, которая не особенно сильно отличается отъ интеллекта дикарей? Даже въ самыхъ передовыхъ странахъ замѣчается еще огромная разница въ образованіи господствующихъ и низшихъ классовъ народа, для уничтоженія которой дѣлаются еще только первые шаги. Благодаря этой разницѣ, на почвѣ существующихъ социальнo-политическихъ отношеній, сама наука и образованіе дѣлаются орудіемъ униженія, господства и эксплуатаціи одной націи другой, одного класса другимъ, одной личности другой.

Тѣмъ не менѣе, фактъ исключительнаго значенія, которое имѣетъ наука и образованіе въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, въ жизни всѣхъ человѣческихъ коллективовъ, въ развитіи всѣхъ безъ исключенія отраслей человѣческаго труда и общественнаго хозяйства—совершенно безспоренъ и ясенъ для всѣхъ. Совершенно безспорно также, что это значеніе можетъ и должно быть еще колоссальнѣе. Однако, и наука, и образованіе—не болѣе, какъ проявленія человѣческой дѣятельности, хотя и оказывающія могущественное вліяніе на весь строй человѣческой жизни, но и сами, въ свою очередь, испытывающія огромное вліяніе существующаго общаго жизненнаго уклада. Въ этомъ укладѣ имъ отводится опредѣленное мѣсто и, въ зависимости отъ общихъ условій жизни той или другой страны, дается та или другая общественная организація. Ни одна изъ этихъ организацій, разумѣется, не можетъ изъять науку и образованіе отъ искажающихъ и осложняющихъ вліяній существующаго социальнo-политическаго строя, но однѣ изъ нихъ открываютъ для этого большее, другія—меньшее мѣсто. Въ высшей степени существенно поэтому опредѣлить, какой же именно типъ общественной организаціи образованія обезпечиваетъ ему наибольшую свободу и независимость? И прежде всего, какая роль, съ этой точки зрѣнія, должна принадлежать въ этомъ дѣлѣ государству?

Государство, построенное на принципѣ принудительной власти надъ своими подданными, является крупнѣйшей изъ современныхъ социальнo-политическихъ организацій человѣчества. Въ немъ съ наибольшей яркостью отразились всѣ характерныя особенности переживаемаго человѣчествомъ капиталистическаго періода социальной жизни, и существующій строй имѣетъ въ этомъ институтѣ свою центральную опору. Въ его распоряженіи вооруженныя силы народа, огромная инертность котораго позволяетъ правительствамъ

пользоваться ими для подавленія народныхъ требованій. На его службѣ—бюрократическая армія всякаго рода связанныхъ дисциплиной чиновниковъ:—«подчиненныхъ», сплошь и рядомъ ограниченныхъ въ правахъ, сравнительно съ другими гражданами, по отношенію къ центральному правительству, «властей» по отношенію къ народу. Въ рядахъ этой арміи, составляющей своего рода классъ, связанный массой общихъ интересовъ, далеко не совпадающихъ съ интересами народа, всего долше и всего крѣпче держатся тѣ традиціи произвола и насилія, на которыхъ всецѣло построены государства автократическія и полицейскія, и немало которыхъ сохранилось въ современныхъ «правовыхъ» государствахъ. Государство бдительно охраняетъ «священные» права частной собственности на землю и капиталы. Въ рукахъ государства находится «внѣшняя политика», до сихъ поръ проникнутая началами грубаго эгоизма, осуществляемая «дипломатіей» съ ея тайными интригами, хитроумными комбинаціями и преклоненіемъ передъ военной силой. Въ его же рукахъ и «политика внутренняя», въ которой отражается весь комплексъ различныхъ, сплошь и рядомъ діаметрально противоположныхъ, интересовъ различныхъ классовъ и группъ населенія, и изъ-за «направленія» которой ведется неустанная борьба. Тотъ или иной исходъ этой борьбы отражается на всѣхъ отрасляхъ государственнаго управления, и на дѣлѣ образованія едва ли не сильнѣе, чѣмъ на чемъ-либо другомъ. Такъ какъ до сихъ поръ интересы науки не играли въ этой борьбѣ почти никакой роли, то понятно, въ чемъ заключалась сущность всѣхъ связанныхъ съ нею перемѣнъ въ судьбахъ народнаго образованія: ходъ послѣдняго опредѣлялся не требованіями науки, а ничею общаго съ наукой неизмѣющимися интересами политическихъ угнетателей народа или его экономическихъ эксплуататоровъ. Понятно, какую приманку представляла для нихъ школа, построенная сообразно съ ихъ своекорыстными интересами. Исторія народнаго образованія во всѣхъ странахъ переполнена множествомъ примѣровъ «направленія» школы во имя всевозможныхъ цѣлей, кромѣ одной, единственно для нея нужной и важной: цѣли распространенія свободнаго научнаго знанія. Исторія русской школы отнюдь не представляетъ исключенія въ этомъ смыслѣ. Россія еще не знала школы, свободной отъ систематическаго давленія правительственной политики. Дѣйствующія школьныя программы въ гораздо большей степени сообразованы съ тенденціями этой политики, чѣмъ съ требованіями педагогики. Наши учителя тракуются правительствомъ прежде всего, какъ чиновники, обязанные слѣдовать его видамъ и

намѣреніямъ не взирая на то, насколько это соотвѣтствуетъ здоровымъ требованіямъ ихъ профессиональныхъ обязанностей. Правительственная школьная администрація несла и несетъ у насъ почти исключительно полицейско-административныя функціи и значеніе ея въ творческой просвѣтительной работѣ или прямо отрицательное или, въ лучшемъ случаѣ, сводится къ нулю. Правда, прежній государственный строй Россіи потерпѣлъ крушеніе, но въ школьномъ дѣлѣ пока это еще не отразилось почти ничѣмъ, сколько-нибудь значительнымъ. Правительственная школьная система и школьная администрація дѣйствовали слишкомъ долго, создали слишкомъ прочныя традиціи, и, чтобы покончить съ ними, необходима коренная, органическая реформа всей школьной организаціи. Но какъ бы велика не оказалась въ концѣ концовъ побѣда освободительнаго движенія въ политической области, и послѣ нея въ полной силѣ останутся тѣ соображенія о роли государства въ современномъ строѣ, которыя я приводилъ выше. Специально по отношенію къ Россіи ихъ необходимо дополнить еще рядомъ другихъ. Россія—огромное по территоріи государство, съ безконечно разнообразными мѣстными условіями, населенное множествомъ національностей, стоящихъ на очень различныхъ ступеняхъ культуры, принадлежащихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, имѣющихъ свою исторію, свои традиціи. При такихъ условіяхъ централистическая система народнаго образованія чревата чрезвычайными осложненіями. Вполнѣ естественно поэтому то требованіе децентрализаціи народнаго образованія и передачи его органамъ мѣстнаго самоуправленія, которое стало однимъ изъ общепризнанныхъ лозунговъ всего освободительнаго движенія. Безусловная необходимость и жизненность этого лозунга, какъ мы видѣли, диктуется и общими принципиальными соображеніями и всей прошлой исторіей народнаго образованія въ Россіи.

Несмотря на чрезвычайно широкую популярность лозунга децентрализаціи завѣдыванія народнымъ образованіемъ, конкретное его содержаніе далеко еще не установлено съ необходимой определенностью, а изъ глубокаго принципиальнаго значенія его далеко не сдѣланы всѣ выводы. За послѣднее время, съ ростомъ народнаго образованія въ странѣ, само министерство народнаго просвѣщенія признало необходимость децентрализаціи — въ смыслѣ передачи ряда второстепенныхъ функцій центрального управленія своимъ мѣстнымъ органамъ: попечителямъ учебныхъ округовъ и директорамъ народныхъ училищъ. Съ другой стороны, въ земской и городской средѣ очень распространено признаніе необходимости болѣе

или менѣе значительнаго расширенія правъ, которыя предоставлены закономъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ въ дѣлѣ завѣдыванія народнымъ образованіемъ, при чемъ рѣчь идетъ не о *новомъ*, по сравненію съ существующимъ порядкомъ, *типъ* взаимоотношеній въ этой области между государствомъ и мѣстными самоуправленіями, а *лишь объ измѣненіи существующаго типа* въ пользу самоуправленій. Понятно, что вопросъ ставится здѣсь далеко не такъ принципиально и такъ глубоко, какъ онъ поставленъ жизнью. На такомъ пути нельзя достигнуть главнаго—возможно большей степени устраненія того вреднаго и искажающаго вліянія на постановку образованія, которое оказываетъ государство, какъ центральный и самый могущественный органъ современнаго капиталистическаго строя, полный еще всякаго рода пережитковъ политическаго деспотизма. Радикальное разрѣшеніе вопроса могло бы заключаться только въ совершенномъ устраненіи государства отъ завѣдыванія народнымъ образованіемъ, — такъ, чтобы народное образованіе ✓ было цѣликомъ и во всѣхъ отношеніяхъ передано органамъ мѣстнаго самоуправленія и составляло предметъ мѣстнаго школьнаго законодательства, не подлежащаго утвержденію со стороны государственной власти. Существующій примѣръ такой организаціи образованія мы видимъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Швейцаріи, но она безусловно осуществима и въ Россіи, независимо отъ того или иного рѣшенія общегосударственнаго вопроса о федеративной организаціи всего строя страны. Необходимость и цѣлесообразность именно такого типа организаціи народнаго образованія вытекаетъ изъ опыта всей прошлой дѣятельности нашихъ органовъ самоуправления. Мало того, даже дѣйствующее наше законодательство представляетъ рядъ прецедентовъ для такого именно рѣшенія вопроса. Современные земства или прямо по закону, или благодаря признанію со стороны правительства совершившагося факта, имѣютъ уже въ своемъ полномъ завѣдываніи цѣлый рядъ важныхъ отраслей общественнаго хозяйства. Таковы, напримѣръ, земско-медицинское и ветеринарное дѣло, дорожное дѣло, общественная агрономія. Для нѣкоторыхъ другихъ отраслей земской дѣятельности (напр., страхование, оцѣнка) закономъ опредѣлены лишь самыя общія основы, предоставляющія дѣло во всемъ остальномъ рѣшенію самихъ самоуправленій. Необходимо помнить, что все это мы имѣемъ при наличности общаго режима, ставящаго земскую дѣятельность въ чрезвычайно тѣсныя рамки. Необходимо помнить также, что земская дѣятельность, въ ея основныхъ творческихъ

принципахъ, давно уже переросла не только свои внѣшнія рамки, но и тѣ формы своего практическаго проявленія, которыя она пока могла создать, благодаря общимъ неблагопріятнымъ условіямъ своего развитія. Итакъ, не только съ точки зрѣнія общихъ принципіальныхъ соображеній, но и съ точки зрѣнія русской дѣйствительности, невозможно представить никакихъ серьезныхъ возраженій противъ требованія полной передачи народнаго образованія въ руки мѣстнаго самоуправленія, наравнѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ отраслей общественнаго хозяйства (медицина, ветеринарія, агрономія, дорожное дѣло и т. д.).

Полная передача народнаго образованія мѣстному законодательству и изыятіе его изъ области правительственнаго хозяйства въ общихъ условіяхъ современнаго государства, однако, не можетъ и не должно совершенно исключать его изъ круга обще-государственныхъ вопросовъ и государственнаго законодательства. Несмотря на классовый характеръ государства и на ожесточенную экономическую и политическую борьбу, которая вокругъ него ведется, въ органическихъ государственныхъ законахъ закрѣпляются теперь основныя политическія и обще-гражданскія права, признаваемые за всѣми гражданами. Съ ростомъ активной силы народныхъ массъ, кругъ такихъ правъ все болѣе и болѣе расширяется и далеко уже выходитъ теперь изъ области однихъ политическихъ правъ. Такая же эволюція происходитъ и въ общекультурныхъ вопросахъ и, въ частности, въ вопросахъ народнаго образованія. Во многихъ дѣйствующихъ конституціяхъ имѣются спеціальныя постановленія по этимъ вопросамъ.

Содержаніе органическаго государственнаго законодательства по народному образованію опредѣляется двумя основными задачами, которыя оно должно и можетъ преслѣдовать, не опасаясь нарушить автономіи мѣстныхъ самоуправленій и затормозить ихъ свободную творческую дѣятельность въ этой области. Обѣ онѣ основываются на обще-человѣческомъ характерѣ науки и образованія и на универсальной важности ихъ для нормальной жизни человѣчества во всѣхъ ея видахъ; обѣ онѣ вытекаютъ изъ самаго характера государства, какъ представителя въ этой области всей совокупности составляющихъ его гражданъ.

Первой задачей государственнаго законодательства по народному образованію является гарантія всѣмъ гражданамъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, равнаго права на образованіе. Это—элементарное требованіе общественной справед-

ливости и въ то же время необходимое условіе для нормальнаго развитія государственной жизни. Конкретнаго содержанія этой гарантіи мы сейчасъ касаться не будемъ, такъ какъ каждое изъ входящихъ въ него правъ гражданъ требуетъ спеціальнаго обоснованія, что и будетъ сдѣлано ниже. Общій характеръ ихъ, однако-же, вполне ясенъ: всѣ они выносятся за скобки дѣятельности мѣстныхъ самоуправленій только потому, что съ точки зрѣнія интересовъ всѣхъ безъ исключенія гражданъ допускаютъ одно общее рѣшеніе, и что отрицаніе этого рѣшенія было-бы равносильно нарушенію правъ той или другой группы гражданъ, а слѣдовательно, и нарушенію въ области образованія интересовъ всей совокупности гражданъ. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть какихъ-нибудь, разъ навсегда установленныхъ истинъ: какъ виды такъ и объемъ правъ, которыя государство гарантируетъ своимъ гражданамъ, могутъ и должны измѣняться, въ соотвѣтствіи съ общей эволюціей народной жизни.

Второй задачей государственнаго законодательства по народному образованію является установленіе для всей территоріи государства того минимума образованія, полученіе котораго должно быть обезпечено каждому гражданину. Полная самостоятельность въ дѣятельности мѣстныхъ самоуправленій по народному образованію отнюдь, разумѣется, не исключаетъ того, что, при наличности опредѣленныхъ общихъ условій народной жизни, въ каждую данную эпоху дѣятельность эта будетъ имѣть болѣе или менѣе опредѣленный средній уровень, который можетъ быть признанъ вполне осуществимымъ для всей страны. Такъ какъ для государства, какъ представителя интересовъ всѣхъ гражданъ, правильное и равномерное повышение этого средняго уровня представляетъ, разумѣется, огромное значеніе, то ему должно быть предоставлено право періодически опредѣлять достигнутый мѣстными самоуправленіями средній уровень обезпеченности населенія образовательными средствами и спеціальнымъ закономъ признавать его обязательнымъ для всѣхъ мѣстныхъ самоуправленій минимумомъ, на который имѣетъ право каждый гражданинъ страны. Понятно, однако, что въ этомъ вопросѣ необходимо съ особой строгостью держаться общаго основнаго принципа полной самостоятельности мѣстныхъ самоуправленій и узаконять тотъ или другой минимумъ въ предѣлахъ, отнюдь не нарушающихъ этой самостоятельности. Въ дальнѣйшее конкретное развитіе этого положенія я входить пока не буду. Скажу только, что полная осуществимость выдвигаемаго положенія и принципиальная выдержан-

ность намѣченныхъ для него границъ наглядно иллюстрируются хотя бы такими примѣрами, какъ установленіе обязательной для всѣхъ мѣстностей минимальной продолжительности учебнаго курса начальной школы и всего цикла общаго образованія и т. д.

Права, признанныя за всѣми гражданами государственнымъ законодательствомъ, не нуждаются со стороны государства ни въ какой специальной охранѣ; не нуждаются они и въ существованіи мѣстной правительственной школьной администраціи. Единственной, но вполне достаточной охраной ихъ является общій судъ, къ которому каждый можетъ обратиться съ требованіемъ возстановить его нарушенное право или предоставить ему возможность дѣйствительно осуществить право, признанное за нимъ общегосударственнымъ закономъ.

При такой постановкѣ государственнаго участія въ организаціи народнаго образованія, существующая правительственная учебная администрація, разумѣется, представляется совершенно ненужной. Всѣ звенья этой администраціи, охватывающія теперь всю страну,— инспектора и деректора народныхъ училищъ, попечители учебныхъ округовъ и, наконецъ, нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія—должны быть цѣликомъ упразднены. Вмѣсто всей этой обширной бюрократической организаціи, государство должно сохранить только одинъ центральный административный органъ, который не долженъ обладать никакой принудительной властью ни надъ мѣстными самоуправленіями, ни надъ школьной администраціей этихъ самоуправленій, ни надъ ихъ учебными и другими образовательными учрежденіями. Несмотря на свою «безвластность», такой центральный государственный органъ по народному образованію, назовемъ его хотя бы государственнымъ комитетомъ образованія, имѣетъ очень большое значеніе, а реальное вліяніе, которое онъ можетъ получить на весь ходъ образованія въ странѣ, несомнѣнно, должно быть очень крупнымъ. Главнѣйшія функціи его заключаются въ слѣдующемъ:

Прежде всего, онъ долженъ объединять дѣятельность тѣхъ высшихъ ученыхъ и просвѣтительныхъ учреждений, которыя по самому существу ихъ должны оставаться государственными. Таковы государственныя книгохранилища, высшія ученія учрежденія и, по всей вѣроятности, значительная часть университетовъ и другихъ высшихъ школъ страны. Само собой разумѣется, что каждое изъ этихъ просвѣтительныхъ учреждений должно быть организовано на принципѣ широкой автономіи, но вся совокупность ихъ, конечно, нуждается въ общемъ объединяющемъ центрѣ, роль котораго и долженъ играть

✓Государственный комитетъ образованія. Второй функціей комитета является планомѣрное, систематическое изученіе положенія всѣхъ отраслей образованія въ Россіи и другихъ странахъ и опубликованіе результатовъ такого изученія. Въ частности, на комитетѣ должно лежать періодическое, въ заранѣе опредѣленные закономъ сроки (напр., каждые 10 л.), статистическое и научное обслѣдованіе всего школьнаго и просвѣтительнаго дѣла въ странѣ. Результаты этихъ періодическихъ обслѣдованій должны докладываться государственному законодательному учрежденію и служить матеріаломъ для измѣненія, дополненія и развитія государственнаго законодательства по народному образованію. Фактически, такія обслѣдованія должны имѣть огромное вліяніе и на мѣстное школьное законодательство.

При комитетѣ, разумѣется, долженъ быть созданъ цѣлый рядъ специальныхъ учреждений для научной и практической разработки многочисленныхъ и сложныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ дѣломъ образованія. Въ его составѣ должны находиться также различные специалисты. На комитетѣ несомнѣнно будетъ, далѣе, лежать важная функція объединенія дѣятельности мѣстныхъ учреждений, но эта функція, разумѣется, можетъ имъ исполняться только фактически, помимо какихъ-либо принудительныхъ и обязательныхъ нормъ. Что касается личнаго состава комитета и его мѣста въ общей государственной администраціи, то вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только при наличности тѣхъ конкретныхъ условій, при которыхъ будетъ осуществляться въ жизни новая организація образованія. Въ настоящее время можно только замѣтить, что при формированіи личнаго состава комитета долженъ быть широко примѣненъ принципъ выборности, а самый комитетъ можетъ быть поставленъ внѣ непосредственной и тѣсной связи съ кабинетомъ министровъ.

III.

Организація народнаго образованія мѣстными самоуправленіями.

Общій принципъ изыятія завѣдыванія народнымъ образованіемъ изъ рукъ государства и передачи его органамъ мѣстнаго самоуправления прежде всего требуетъ нѣсколько болѣе конкретнаго опредѣленія ихъ компетенціи въ этой важнѣйшей области общественнаго хозяйства. Опираясь на предшествующее изложеніе, въ этомъ опредѣленіи я могу быть очень краткимъ. Нормы обще-государственнаго органическаго закона по народному образованію, обязательныя для мѣстныхъ самоуправленій, должны носить такой общій и вышній характеръ, который оставляетъ полный просторъ организаціонной творческой работѣ на мѣстахъ. Мѣстныя самоуправленія должны быть полноправными и вполне самостоятельными хозяевами всего школьнаго дѣла во всѣхъ его отрасляхъ и развѣтвленіяхъ: дошкольнаго, начальнаго, средняго и высшаго, общеобразовательнаго, профессиональнаго и спеціальнаго и т. д. Ни одна изъ этихъ отраслей, не исключая и высшихъ учебныхъ заведеній, не можетъ быть юридически изыята изъ компетенціи мѣстныхъ самоуправленій, не нарушая этимъ необходимаго единства, стройности и жизнеспособности всей школьной системы. Въ настоящее время довольно распространенъ взглядъ, что содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній для мѣстныхъ самоуправленій просто непосильно и потому они должны остаться въ завѣдываніи государства. Но взглядъ этотъ не выдерживаетъ критики. Прежде всего, нельзя опредѣлить никакой, разъ навсегда установленной, границы, отдѣляющей высшія учебныя заведенія отъ всѣхъ остальныхъ: существующія границы этого рода жизнь уже въ значительной степени переломала, а въ будущемъ такихъ ломокъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ еще больше. Что же касается пресловутой «не-

посильности», то это одно изъ пугаль, лишенное, на самомъ дѣлѣ, какого бы то ни было реального содержанія. «Посильность» и «непосильность» — не принципиальный критерій и никакой нормой служить не могутъ и не должны. Единственнымъ судьей здѣсь можетъ быть только сама жизнь; ей и необходимо предоставить свободу опредѣлять, въ соотвѣтствіи съ наличными реальными силами, что ей посильно и что непосильно.

Переходя къ ближайшему выясненію организаціи народнаго образованія мѣстными самоуправленіями, необходимо опредѣлить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, какіе именно типы этихъ органовъ самоуправления имѣются здѣсь въ виду, и въ какихъ отношеніяхъ должны стоять другъ къ другу различныя звенья самоуправления. Вѣ настоящее время въ Россіи имѣются земскія учрежденія, состоящія изъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, городскія общественныя управленія и носящія сословный характеръ волостныя и сельскія самоуправления. Вся эта система мѣстнаго самоуправления, не говоря уже объ органическихъ недостаткахъ, не отличается ни стройностью, ни принципиальной выдержанностью и должна быть радикально перестроена. Насколько можно судить по имѣющимся богатымъ даннымъ, общественное мнѣніе вполне выяснило уже себѣ слѣдующія основныя черты предстоящей перестройки. Вмѣсто нынѣшнихъ сельскихъ обществъ должно быть создано общинное самоуправленіе; слѣдующимъ звеномъ явится, такъ называемая, мелкая земская единица, которая замѣнитъ собой нынѣшнюю волость; далѣе, сохраняются уѣздныя и губернскія земства; наконецъ, намѣчаются областныя объединенія самоуправленій, носящія территориально-національный характеръ. Что касается современнаго городского самоуправления, то оно вполне покрывается гораздо болѣе общимъ понятіемъ общиннаго самоуправления, не признающаго никакихъ искусственныхъ подраздѣленій общинъ на города и не города, но, разумѣется, допускающаго широкое развитіе одного основнаго *типа* общиннаго самоуправления по *степенямъ*, въ зависимости отъ характера и величины самихъ общинъ.

Задаваясь вопросомъ, какую-же именно роль каждый изъ намѣченныхъ органовъ самоуправления долженъ играть въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ, приходится прежде всего признать, что какъ общій нашъ исходный принципъ, такъ и чисто практическія соображенія требуютъ, чтобы государственная регламентація была сведена здѣсь до самаго необходимаго минимума, и чтобы самой жизни было предоставлено широкое поле для ея безконечнаго, разно-

образнаго творчества. Само собой разумѣется, что ни одинъ изъ органовъ самоуправленія никогда по собственной волѣ не откажется отъ дѣятельнаго участія въ такой важной отрасли общественнаго хозяйства, какъ народное образованіе. Ни одинъ изъ нихъ не долженъ быть отъ этого устраненъ и съ принципиальной точки зрѣнія. Но совершенно невозможно и по меньшей мѣрѣ безцѣльно было бы регламентировать степень и формы этого участія для каждаго изъ нихъ: жизненное творчество и практика будутъ здѣсь, безъ сомнѣнія, очень разнообразны. Необходимо поэтому твердо рѣшить только одинъ вопросъ: какому именно органу мѣстнаго самоуправленія государство должно отвести центральное мѣсто въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ. Такому органу должна быть обезпечена возможность достаточно глубокой, всесторонней и широкой постановки дѣла; для этого онъ долженъ быть представителемъ значительныхъ массъ населенія, охватывать значительную территорию и располагать солидными финансовыми ресурсами. Всѣмъ этимъ условіямъ вполне удовлетворяетъ губернское земство. На такую именно роль его выдвинуло уже и развитіе дѣятельности существующихъ земствъ, но эта эволюція не могла быть доведена до своего логическаго конца, благодаря общимъ ненормальнымъ условіямъ земской жизни и земской организаціи. Въ будущемъ губернское земство должно быть признано основной единицей мѣстнаго самоуправленія, и государство должно передать ему важное право изданія законовъ по школьному дѣлу, обязательныхъ для остальныхъ органовъ мѣстнаго самоуправления. Такими мѣстными законами должны быть ближайшимъ образомъ опредѣлены взаимоотношенія между различными органами мѣстнаго самоуправления въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ, основы школьной организаціи, школьная администрація, учебная и хозяйственная стороны школьнаго дѣла, положеніе и права учащихся, отношеніе къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ и т. д. Само собой разумѣется, что въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ общихъ отношеній, установившихся между различными органами самоуправления въ данной губерніи, имъ могутъ принадлежать и самыя разнообразныя функціи въ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ и въ мѣстномъ школьномъ законодательствѣ.

Употребляя слово «законъ» въ примѣненіи къ школьнымъ постановленіямъ органовъ самоуправления, я считаю необходимымъ подчеркнуть, что съ юридической точки зрѣнія признаю ихъ равноцѣпными съ законами государственными. Но по своему типу и по своему содержанію законы мѣстныхъ самоуправленій, разумѣется,

будутъ рѣзко отличаться отъ тѣхъ школьныхъ законовъ, которые, напримѣръ, дѣйствуютъ у насъ теперь. Въ нихъ не должно быть мѣста мелочной регламентаціи и шаблонности, убивающихъ всякое живое дѣло. Затѣмъ долженъ получить большое развитіе почти неизвѣстный еще у насъ типъ законовъ факультативныхъ, примѣненіе которыхъ зависитъ отъ самихъ группъ населенія, къ которымъ законъ относится. Начала такой факультативности общественныхъ постановленій широко заложены уже въ земской жизни; примѣромъ могутъ служить хотя-бы многочисленныя земскія постановленія о выдачѣ тѣхъ или иныхъ субсидій въ формѣ открытія школъ или библиотекъ въ сельскихъ обществахъ, при соблюденіи ими определенныхъ условій. Чрезвычайно широкое плодотворное развитіе должны также получить въ новой обстановкѣ всевозможныя формы добровольныхъ соглашеній и болѣе или менѣе регламентированныхъ союзовъ между различными общинами и уѣздами, для совмѣстнаго осуществленія какого-либо крупнаго просвѣтительнаго учрежденія, содержаніе котораго не подѣлитъ каждой изъ этихъ единицъ въ отдѣльности. Принципъ такихъ добровольныхъ союзовъ долженъ получить огромное развитіе и въ области отношеній между различными губернскими земствами. Необходимость областныхъ и всероссійскихъ земскихъ сѣздовъ, организацій и объединеній всякаго рода давно уже назрѣла даже на почвѣ работы современныхъ земствъ и городовъ, а кой-какія начинанія въ этой области получили уже и практическое осуществленіе. Такимъ образомъ, народное образованіе, въ завѣдываніи органовъ мѣстнаго самоуправленія, будетъ развиваться не только въ общихъ для всей страны внѣшнихъ рамкахъ государственнаго органическаго законодательства, но и получить дальнѣйшее, гораздо болѣе глубокое, всестороннее объединеніе, въ формѣ всякаго рода земскихъ и городскихъ союзовъ, сѣздовъ и соглашеній. Это объединеніе, разумѣется, будетъ лишено элементовъ внѣшней принудительной власти, но жизненное, реальное значеніе его должно быть огромно. Во всякомъ случаѣ, оно не будетъ имѣть ничего общаго съ тѣмъ централистическимъ законодательствомъ по народному образованію, которое Россія имѣетъ теперь и которое, въ общемъ, представляетъ только тяжелыя гири на ногахъ и рукахъ всѣхъ живыхъ работниковъ просвѣщенія.

Не слѣдуетъ, однако же, закрывать глаза и на другую сторону вопроса. Нельзя сомнѣваться, что передача народнаго образованія въ завѣдываніе мѣстныхъ самоуправленій поведетъ за собой очень неравномѣрное развитіе его въ странѣ: въ однихъ мѣстностяхъ,

съ прогрессивнымъ самоуправленіемъ, оно будетъ быстро расти и въ глубину, и въ ширину, въ другихъ оно, напротивъ, будетъ отставать отъ средняго уровня, а весьма возможно, что найдутся и такія мѣстности, гдѣ оно попадетъ въ руки общественныхъ элементовъ, несочувствующихъ народному образованію, и будетъ влечить жалкое существованіе. Все это такъ, все это можетъ быть, и тѣмъ не менѣе въ этомъ нѣтъ ничего страшнаго. Я не говорю уже о существенной въ этомъ отношеніи роли, которую должно играть государственное органическое законодательство и готовъ даже игнорировать его вовсе при разсмотрѣніи этой стороны дѣла. Какъ бы плохо ни было то или другое мѣстное самоуправленіе въ данный періодъ, все же и населенію, и учительству, и всѣмъ друзьямъ просвѣщенія, имѣющимъ съ нимъ дѣло, придется отстаивать интересы образованія въ неизмѣримо болѣе благоприятныхъ для себя условіяхъ, чѣмъ если бы тѣ же очередныя задачи имъ приходилось проводить передъ правительствомъ или правительственной администраціей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ бы ни былъ самъ по себѣ незначителенъ вопросъ, изъ-за котораго идетъ борьба, какъ бы ни была мала территория, на которой эта борьба развивается, передъ друзьями образованія всегда и вездѣ будетъ могущественная организація государства, располагающаго всѣми атрибутами власти и огромными финансовыми средствами. Въ лицѣ самаго реакціоннаго мѣстнаго самоуправления они всегда будутъ имѣть гораздо менѣе сильнаго и опаснаго противника, противъ котораго можно двинуть цѣлый арсеналъ средствъ, часто совершенно непримѣнимыхъ или очень мало дѣйствительныхъ при столкновеніяхъ съ правительствомъ. Настойчивое давленіе со стороны населенія, организаціи учащихся, вліяніе печати и общественнаго мнѣнія и т. п. чрезвычайно сильныя орудія въ борьбѣ съ мѣстными автономными учрежденіями, но далеко не то значеніе имѣютъ они въ борьбѣ съ правительствомъ. Но и помимо этихъ, чисто виѣшнихъ соображеній, невозможно забывать, что по самому существу дѣла въ рамкахъ мѣстнаго самоуправления борьба за свободную хорошую школу теряетъ значительную часть своей остроты по сравненію съ борьбой за тѣ же цѣли въ рамкахъ государственной организаціи; объ этомъ я уже достаточно говорилъ выше.

Въ общемъ, картина просвѣтительной общественной работы въ рукахъ органовъ мѣстнаго самоуправления, разумѣется, не будетъ даже отдаленно напоминать то зрѣлище всеобщаго «равненія» по правительственной указкѣ и казенному шаблону, которое такъ знакомо

намъ теперь. Напротивъ, жизненное творчество будетъ свободно проявляться въ самыхъ различныхъ формахъ и идти самыми различными путями къ осуществленію, можетъ быть, даже совершенно одинаковыхъ конечныхъ цѣлей. Но въ этомъ—главная цѣнность новаго строя, главный залогъ его огромной продуктивности. Такого «разнообразія» нетолько нечего опасаться, его надо привѣтствовать.

IV.

Финансовая сторона организациі народнаго образованія.

Финансовая сторона организациі народнаго образованія представляетъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ чрезвычайно простаго по своей сущности вопроса, до крайности въ то же время запутаннаго и осложненнаго совершенно случайными, не принципиальными обстоятельствами и соображеніями.

Изъ общаго, основнаго принципа, что народное образованіе представляется дѣломъ общенароднымъ, съ неизбѣжною вытекаетъ, что оно должно быть организовано всецѣло на общенародныя средства. На этомъ сходятся у насъ почти всѣ прогрессивныя общественныя направленія, но эта солидарность смѣняется полной разногласицей, какъ только вопросъ переходитъ къ конкретному опредѣленію того, на какую-же именно категорію общенародныхъ средствъ должны быть приняты расходы по народному образованію. Главный споръ идетъ относительно участія, которое должно принадлежать въ этомъ дѣлѣ государственному казначейству. Наблюдается теченіе, признающее это участіе необходимымъ и отводящее ему чуть-ли не первое мѣсто въ общей суммѣ, нужныхъ для правильной постановки дѣла, крупныхъ расходовъ. Не трудно, однако, доказать, что это теченіе цѣликомъ построено на случайныхъ обстоятельствахъ переживаемаго момента и не выдерживаетъ критики—ни съ точки зрѣнія общихъ принципиальныхъ основаній всей системы организациі народнаго образованія, ни съ болѣе узкой, чисто технической стороны дѣла.

Разъ признается необходимымъ децентрализовать систему заведенія народнымъ образованіемъ и передать его органамъ мѣстнаго самоуправленія, неизбѣжно признать, что въ ихъ-же рукахъ должна быть всецѣло сосредоточена и вся финансовая сторона дѣла. Это—необходимое условіе самостоятельности и независимости

органовъ мѣстнаго самоуправленія. Едва-ли можно серьезно сомнѣваться въ томъ, что финансовое участіе государства въ дѣлѣ народнаго образованія не можетъ ограничиться одной финансовой стороною. Выдавая такія или иныя субсидіи земствамъ и городамъ, государство, разумѣется, выработаетъ условія, на которыхъ этими субсидіями можно пользоваться и которыя будутъ затрогивать сущность школьнаго дѣла. Такимъ образомъ, подъ внѣшнимъ видомъ децентрализаціи, будетъ открыто широкое поприще для централизаціи и правительственнаго давленія. И если въ теоріи мыслимо еще представить себѣ такое государство и такое правительство, давленіе котораго не было бы въ этомъ отношеніи опасно и чревато самыми неожиданными послѣдствіями такой системы децентрализаціи, то въ примѣненіи къ современной Россіи и къ тому государственному строю, на который можно пока рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ, никакимъ сомнѣніямъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть мѣста. Принявъ систему государственныхъ пособій на народное образованіе, мы, несомнѣнно, нанесемъ самый тяжкій ударъ принципу сосредоточенія народнаго образованія въ органахъ самоуправления. Признавая эту систему, мы должны также предусматривать, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ея явится система правительственной школьной инспекціи, которая должна будетъ контролировать правильность расходованія мѣстными самоуправлениями государственныхъ ассигновокъ. Такимъ образомъ, не говоря уже о крупныхъ расходахъ по содержанію этой инспекціи, въ ея лицѣ будетъ сохраненъ обширный правительственный бюрократическій аппаратъ, который самымъ своимъ положеніемъ будетъ стремиться все болѣе и болѣе углублять и расширять правительственное воздѣйствіе на школьное дѣло. Творческая же его роль болѣе чѣмъ сомнительна: какъ бы прекрасны эти чиновники не были сами по себѣ, и какими бы прекрасными словами не оправдывалось ихъ существованіе, на дѣлѣ они, разумѣется, всегда останутся только чиновниками, чужими и дѣятелямъ самоуправления, и учителямъ.

Что все это вѣрно—говорятъ не только теоретическія соображенія, но и богатый опытъ прошлаго. Не забираясь въ глубины исторіи, откуда можно было-бы извлечь не мало крайне поучительныхъ въ этомъ отношеніи иллюстрацій, я ограничусь только новѣйшей исторіей народнаго образованія въ Россіи. До самаго послѣдняго времени, правительство удѣляло у насъ на народное образованіе изъ своего огромнаго бюджета совершенно ничтожныя средства и главную долю расходовъ несли земства, города и сельскія

общества. Еще въ концѣ девяностыхъ годовъ расходы государства на народныя школы лишь очень немного превышали частныя на нихъ пожертвованія. Въ то же время правительство держало все школьное дѣло подъ тяжелой бюрократической опекой. Тѣмъ не-многимъ, что земствамъ, городамъ и частной инициативѣ все-же удалось сдѣлать, страна въ значительной степени обязана тому, что хозяевами народныхъ школъ въ финансовомъ отношеніи были общественныя учрежденія. Несомнѣнно, что при сколько-нибудь значительномъ финансовомъ участіи государства въ школьномъ дѣлѣ, правительственный гнетъ надъ нимъ былъ бы еще пагубнѣе. Съ другой стороны, мы имѣемъ передъ собой живой опытъ губернскихъ земствъ. Въ первый періодъ земской дѣятельности, все дѣло народнаго образованія лежало почти исключительно на уѣздныхъ земствахъ. Губернскія земства только недавно включили его въ свои задачи и сдѣлали это какъ разъ въ формѣ выдачи опредѣленныхъ субсидій уѣзднымъ земствамъ: въ однихъ случаяхъ, въ формѣ выдачи уѣздамъ суммъ, равныхъ той или другой долѣ ихъ собственныхъ расходовъ на народное образованіе; въ другихъ, въ формѣ выдачи уѣздамъ пособій, обусловленныхъ исполненіемъ со стороны уѣздовъ тѣхъ или другихъ требованій въ постановкѣ дѣла. Принятіе субсидій губернскихъ земствъ *юридически* вполнѣ зависѣло отъ уѣздовъ, но *фактически* система такихъ субсидій очень скоро поставила губернскія земства во главу всего дѣла и обезпечила имъ огромное значеніе по существу, хотя вся практическая сторона попрежнему оставалась за уѣздными земствами. Дѣятельное участіе губернскихъ земствъ, въ общемъ, оказалось въ высшей степени важнымъ факторомъ для развитія дѣла и въ ширину и въ глубину. Безспорно также, что намѣченная выше, выработанная самой жизнью, система взаимоотношеній между губернскими и уѣздными земствами оказалась чрезвычайно жизненной. Но необходимо помнить, что частями этой системы въ данномъ случаѣ являются совершенно однородныя учрежденія—земства. Опытъ этой системы дѣлаетъ особенно очевиднымъ то громадное значеніе, которое получило бы государство во всей постановкѣ народнаго образованія, какъ только была бы окончательно введена система правильныхъ государственныхъ субсидій. Въ этой системѣ земская самостоятельность и децентрализація скоро нашли бы себѣ могилу, а дѣло народнаго образованія введено было бы ею въ перепетіи всей той сложной, постоянной борьбы, которая ведется около правительственной власти.

Оставляя, однако, въ сторонѣ опасность этой системы и ея прин-

ципиальную невыдержанность, необходимо признать, что и съ чисто практической стороны она по меньшей мѣрѣ ненужна. Въ защиту ея выдвигаются обыкновенно два соображенія. Говорятъ, во-первыхъ, что только государственные законодательные органы въ состояннн дать правильную всестороннюю оцѣнку всей огромной важности народнаго образованія, но нашъ прошлый опытъ говоритъ какъ разъ обратное: государство оцѣнило эту важность послѣднимъ и на всемъ огромномъ пространствѣ Россіи нѣтъ ни одной мѣстности, гдѣ бы народному образованію грозила опасность захирѣть въ рукахъ представителей населенія. Существующіе органы этого представительства на дѣлѣ доказали также, что вполне способны къ всестороннему и широкому пониманію вопроса. Нельзя забывать, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о чрезвычайно крупныхъ единицахъ самоуправленія: въ среднемъ каждая губернія Европейской Россіи имѣетъ 1,9 милліоновъ жителей, а во всей имперіи—1,4 милліоновъ. Интересно сопоставить эти цифры съ однородными данными другихъ характерныхъ въ этомъ отношеніи странъ: каждый штатъ Сѣверо-Американской республики имѣетъ также 1,4 милл. жителей, штатъ Австраліи—630 тысячъ, провинція Канады—384 тысячи, кантонъ Швейцаріи—137 тысячъ.

Приведенныя цифры заключаютъ отвѣтъ и на второе соображеніе, выдвигаемое въ защиту необходимости финансоваго участія государства въ организаціи народнаго образованія—такъ называемую недостаточность для этого мѣстныхъ средствъ и ихъ неравномѣрность въ различныхъ мѣстностяхъ страны. Что касается «недостаточности» мѣстныхъ средствъ, то прежде всего необходимо очистить этотъ вопросъ отъ окутывающей его неясности. Ни государство, ни органы самоуправленія никакихъ средствъ сами не производятъ, а собираютъ ихъ въ видѣ налоговъ съ населенія. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому: въ чью кассу должна поступать съ населенія та часть налоговъ, которая идетъ на общественную организацію образованія—въ кассу-ли государства, или въ кассы мѣстныхъ самоуправленій. Я отвѣчаю на это вполне категорически, что въ кассы мѣстныхъ самоуправленій, и что съ чисто финансовой точки зрѣнія нѣтъ ровно никакого смысла сосредоточивать эти средства въ кассѣ государственной—только для того, чтобы оттуда снова распредѣлять ихъ въ мѣстныя кассы. Всѣ эти операціи даромъ не дѣлаются и требуютъ лишнихъ, никому и ни для чего ненужныхъ расходовъ по финансовой администраціи. Я не говорю уже здѣсь о несравненно болѣе важной принципиальной сторонѣ

опасной системы сосредоточения в руках государства огромных финансовых ресурсов, безотносительно к тому, насколько это вызывается серьезными требованиями каждой отдельной отрасли общественного хозяйства. Из факта, что эта система получила у нас такое сильное развитие и обусловила нищенскую постановку финансов местных самоуправлений, слѣдует только, что ей долженъ быть положенъ конецъ. Но изъ него никакъ не слѣдуетъ, что друзья образования могутъ закрыть глаза на социальную и политическую опасность такого порядка и строить свои финансовые планы на такомъ недоброкачественномъ фундаментѣ.

Мотивъ «неравномерности» местных финансовых ресурсов, при ближайшемъ анализѣ также оказывается совершенно несостоятельнымъ. Степень этой неравномерности и самая ее наличность требуютъ не голословныхъ на нихъ ссылокъ, а обстоятельныхъ доказательствъ. Но допустимъ, что «неравномерность», дѣйствительно, имѣется. Въ такомъ случаѣ вь рукахъ государства есть отличное и вполне достаточное средство для компенсаціи бѣдныхъ мѣстностей, вь формѣ соответствующаго пониженія ихъ общегосударственнаго обложения. Такимъ образомъ, и съ этой точки зрѣнія сосредоточение вь рукахъ государства финансовых ресурсов народного образования ничѣмъ не оправдывается.

Впрочемъ, я не отрицаю, что могутъ оказаться такіе частные, единичные и исключительные случаи, когда, дѣйствительно, помощь государства будетъ цѣлесообразна и необходима. Но отъ такихъ исключительныхъ случаевъ до правильной общей системы—разстояніе огромное. На частные случаи никакихъ особенныхъ расчетовъ дѣлать не требуется; когда они будутъ выдвинуты дѣйствительной жизнью, тогда будетъ время и изыскивать для нихъ государственныя средства. Такъ именно, между прочимъ, стоитъ дѣло вь Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ расходы изъ постояннаго общегосударственнаго фонда составляютъ менѣе 6% всего бюджета народного образования, и гдѣ государственныя пособія распределяются между отдельными штатами безъ всякой заранѣе предрѣшенной и уравнивающей системы.

Отрицая, такимъ образомъ, систему государственныхъ субсидій на народное образование и признавая необходимымъ вмѣсто нея общую широкую постановку финансов местных самоуправлений, я отвожу государству вь финансахъ народного образования ту роль, которая ему по праву принадлежитъ и за которой не кроется никакихъ опасныхъ осложнений. На государствѣ лежитъ обязан-

ность обезпечить всё, по возможности, общественныя школы необходимыми для нихъ земельными участками, а также лѣсными матеріалами и дровами изъ казенныхъ лѣсовъ. Далѣе, государство можетъ и должно взять на себя въ случаѣ желанія органовъ самоуправления, реализацію займовъ, которые, несомнѣнно, потребуются для возведенія и перестройки школьныхъ зданій.

Отказавшись отъ системы собственныхъ субсидій на народное образованіе, государство должно также отказаться и отъ регламентирования мѣстныхъ финансовыхъ ресурсовъ: избраніе той или другой ихъ системы должно быть всецѣло предоставлено органамъ мѣстнаго самоуправления. Нѣтъ сомнѣній, что и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ остальныхъ, практика будетъ очень разнообразна, и что естественное единство будетъ вырабатываться здѣсь только постепенно, жизненнымъ путемъ.

Разсматривая главнѣйшіе вопросы организаціи финансовъ народного образованія, я сознательно совершенно не касаюсь количественной стороны этого дѣла. Въ какихъ бы грандіозныхъ цифрахъ не исчислялся расходъ, который должна нести страна на народное образованіе—это ни мало не измѣняетъ коренного вопроса о томъ, какой именно *типъ* организаціи долженъ быть принятъ. Посильное выясненіе такого, наиболѣе правильнаго, типа организаціи, только и составляло мою задачу.

V.

Права частной инициативы и ея значеніе въ общей системѣ народнаго образованія.

Вопросъ о частной инициативѣ въ дѣлѣ народнаго образованія долженъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ. Прежде всего, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ существенныхъ правъ, свободное пользованіе которымъ должно быть гарантировано каждому гражданину. Въ свободной странѣ каждый гражданинъ долженъ имѣть, наравнѣ съ другими основными правами, и право, независимо отъ всякихъ дипломовъ и ценза и безъ всякаго разрѣшенія, явочнымъ порядкомъ, открывать какія угодно учебныя заведенія. Единственной гарантіей отъ возможныхъ въ этомъ отношеніи злоупотребленій долженъ быть судъ, и, вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, гарантія эта вполне достаточна для огражденія интересовъ общества. Право это настолько важно какъ съ личной, такъ и съ общественной точки зрѣнія, что должно быть включено въ органическій государственный законъ по народному образованію и, такимъ образомъ, должно быть признано нормой, обязательной для всѣхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Само собой разумѣется, что признаніе за гражданами полной свободы открытія учебныхъ заведеній, по самому своему существу являющихся учреждениями публичными, не только не исключаетъ надзора за ними со стороны мѣстныхъ самоуправленій, какъ представителей интересовъ всего населенія, но прямо предполагаетъ его. Но этотъ надзоръ ни малѣйшимъ образомъ не долженъ нарушать или ограничивать свободу частной инициативы. Все содержаніе его при такихъ условіяхъ исчерпывается тремя функціями: органамъ мѣстнаго самоуправленія должно быть предоставлено право опредѣлять формальную сторону явочнаго порядка открытія учебныхъ заведеній; уполномоченные на то агенты мѣстнаго самоуправленія должны имѣть свободный входъ

во всѣ частныя учебныя заведенія въ часы учебныхъ занятій, при чемъ они не должны имѣть права, въ какой бы то ни было формѣ, вмѣшиваться въ эти занятія или дѣлать какія-либо официальные замѣчанія; наконецъ, представителямъ мѣстнаго самоуправления должно принадлежать право, наравнѣ со всѣми гражданами, привлекать содержателей и учителей частныхъ учебныхъ заведеній къ суду за нарушенія дѣйствующаго государственнаго или мѣстнаго законодательства.

Такая постановка частной инициативы въ области народнаго образованія, открывающая для нея совершенно свободныя, широкія перспективы, не только необходима съ точки зрѣнія правъ и интересовъ личности, но является въ высшей степени важной и для всей системы общественной организаціи народнаго образованія. Я не буду пока останавливаться на глубоко-важномъ, принципиальномъ вопросѣ о значеніи частныхъ школъ съ точки зрѣнія единства системы общественнаго образованія—о немъ будетъ итти рѣчь въ своемъ мѣстѣ ниже. Скажу только, что этотъ вопросъ при настоящихъ условіяхъ можетъ разрѣшаться только мѣстнымъ школьнымъ законодательствомъ, которое и должно будетъ, сообразно съ принятой исходной точкой, опредѣлить мѣсто частныхъ школъ въ общей школьной сѣти. Понятно, что это законодательство можетъ носить для содержателей частныхъ училищъ не обязательный, а лишь факультативный характеръ. Но какъ бы не разрѣшался мѣстнымъ школьнымъ законодательствомъ этотъ вопросъ, роль, которая принадлежитъ широкой частной инициативѣ въ основной системѣ общественной организаціи образованія, остается чрезвычайно важной. Какъ бы идеально-справедливо не было организовано народное представительство, въ рукахъ котораго находится завѣдываніе народнымъ образованіемъ, оно можетъ претворять въ законодательныя нормы только то, что уже получило признаніе большинства населенія. Болѣе того: при обычныхъ условіяхъ, всякое общественное представительство—сила консервативная, съ большей или меньшей инерціей стремящаяся сохранить то, что уже отжило или отживаетъ свой вѣкъ. Борьба во имя того, что идетъ на смѣну отжившему, разумѣется, происходитъ и въ средѣ самаго представительства, но для нормальнаго общественнаго прогресса необходимо, чтобы русло этой борьбы было возможно болѣе широкимъ и свободнымъ. Въ области образованія это въ особенности важно. Необходимо, чтобы каждый, имѣющій здѣсь сказать свое новое или просто оригинальное слово, могъ сказать его, какъ можно легче и свободнѣе. Такую именно

роль призваны играть частныя учебныя заведенія, и съ этой точки зрѣнія они сохранять свое важное значеніе какъ бы широко не была поставлена система общественныхъ школъ. Частныя школы должны быть передовымъ авангардомъ, развѣдочными отрядами въ общемъ движеніи школьнаго дѣла. Этой своей функціей они входятъ необходимымъ звеномъ въ систему образованія: оставаясь дѣломъ отдѣльныхъ личностей, или добровольныхъ союзовъ отдѣльныхъ лицъ, частныя школы исполняютъ, такимъ образомъ, общественное дѣло огромной важности. Важность этого дѣла, въ свою очередь, требуетъ, чтобы на его пути не было никакихъ тормозовъ,—чтобы широкая свобода частной инициативы была вполне гарантирована и цѣнилась той высокой цѣной, которую она имѣетъ въ дѣйствительности. Она требуетъ, такимъ образомъ, какъ разъ обратнаго тому положенію, въ которое поставлена теперь по закону частная инициатива у насъ. Какъ извѣстно, частныя учебныя заведенія «дозволяется» у насъ открывать лишь «для содѣйствія видамъ правительства въ распространеніи просвѣщенія», а вся организація и дѣятельность ихъ подчинены чрезвычайно стѣснительнымъ ограниченіямъ и властному надзору бюрократіи.

Другая функція частныхъ школъ въ общей системѣ образованія, хотя и не такъ важна принципиально, но также очень существенна. Онѣ должны заполнять пробѣлы и недочеты въ системѣ общественныхъ школъ, которыя остаются даже въ самыхъ передовыхъ по постановкѣ образованія странахъ. О томъ, какое огромное количество такихъ пробѣловъ и недочетовъ имѣется теперь въ Россіи, говорить не приходится.

Останавливаясь, въ частности, на переживаемомъ Россіей періодѣ, необходимо признать, что частной инициативѣ принадлежитъ теперь особенно важное значеніе и предстоитъ сыграть особенно большую роль. Въ до-революціонную эпоху элементарнаго строительства народной школы, главная роль принадлежала дѣятельности общественныхъ самоуправленій, но и тогда творческая работа частной инициативы имѣла большое значеніе. Теперь же, когда освободительное движеніе произвело общій сдвигъ общественныхъ силъ, когда произошла радикальная переоцѣнка всѣхъ общественныхъ задачъ и идеаловъ, прежняя ситуація сильно измѣнилась. Современныя сословныя земства и города, въ общемъ, стали реакціонной силой. Но и независимо отъ этой эволюціи, общественная мысль безусловно переросла рамки, въ которыя была поставлена творческая просвѣтительная дѣятельность нашихъ органовъ самоуправленія. Главной

лабораторіей, въ которой выясняются основы нашей будущей школьной системы является теперь критическая мысль огромныхъ круговъ сознательнаго населенія. Ближайшіе результаты этой работы находятъ себѣ выходъ прежде всего въ разнообразныхъ формахъ частной инициативы, широко и многосторонне развивающейся теперь, несмотря на всё неблагопріятныя внѣшнія условія. Въ переживаемый переходный моментъ русской жизни частная, вольная школа, частная просвѣтительная инициатива, несомнѣнно, являются центромъ творческой общественной работы въ области народнаго образованія: не въ министерскихъ канцеляріяхъ, не въ современныхъ земствахъ и городахъ и не въ средѣ депутатовъ третьей думы, а именно здѣсь происходитъ та трудная, сложная и въ высокой степени важная работа, отъ того или иного исхода которой зависятъ ближайшія судьбы нашей общественной школы. Работникамъ, которые выносятъ эту работу на своихъ плечахъ, предстоитъ не только окончательно выяснитъ идеалы, которые ихъ одушевляютъ, не только облечь эти отвлеченные идеалы въ плоть и кровь живой жизни современной Россіи, но также завоевать имъ признаніе народныхъ массъ и, такимъ образомъ, провести ихъ въ систему общественнаго образованія. Ясно, какъ важно поэтому возможно полнѣе и скорѣе освободить ихъ отъ путъ, которыми связалъ старый строй частную инициативу во всѣхъ областяхъ народнаго образованія.

VI.

Национальный вопросъ въ системѣ организациі общественнаго образованія.

Не касаясь пока вопроса о языкѣ преподаванія и оставаясь исключительно въ рамкахъ вопроса объ основаніяхъ общей системы организациі общественнаго образованія, невозможно обойти еще одной стороны этого дѣла. Когда идетъ рѣчь о такой странѣ, какъ Россія, населенной цѣлымъ рядомъ національностей, естественно задаться вопросомъ: должно ли это обстоятельство отразиться на общей схемѣ организациі и какъ именно? Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чрезвычайно сложнымъ и острымъ для Россіи вопросомъ, который, однако же, еще крайне мало разработанъ.

Въ самой общей его формѣ, на поставленный вопросъ, разумѣется, можетъ быть данъ только положительный отвѣтъ. Что же касается содержанія отвѣта по существу, то оно въ значительной степени уже ясно изъ предыдущаго изложенія. Попытаюсь формулировать его, не касаясь далеко выходящаго изъ рамокъ настоящихъ очерковъ общаго вопроса объ основахъ государственнаго строя.

При нашемъ построеніи центръ тяжести всей системы общественнаго образованія перенесенъ на мѣстныя самоуправленія, основнымъ ядромъ которыхъ въ этой области мы признали губернскія земства. Понятно, что не только съ точки зрѣнія интересовъ образованія, но и съ точки зрѣнія всей совокупности общественно-культурныхъ потребностей, чрезвычайно важно, чтобы районы губернскихъ земствъ, по возможности, заключали въ себѣ населеніе одной національности. Изъ существующихъ теперь губерній этому условію отвѣчаютъ очень многія, а нѣкоторыя другія требуютъ въ этомъ отношеніи только небольшихъ измѣненій, и законъ о мѣстномъ самоуправленіи долженъ облегчить ихъ осуществленіе, путемъ взаимнаго соглашенія губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Тотъ же законъ, какъ уже упомянуто,

долженъ открыть широкую возможность добровольныхъ союзовъ между различными единицами мѣстнаго самоуправления. При помощи такихъ союзовъ отдѣльныя національности и племена получаютъ полную возможность осуществлять какія угодно культурно-просвѣтительныя національныя учрежденія, непосильныя для отдѣльныхъ самоуправленій.

Однако, какъ бы правильно, съ точки зрѣнія національнаго разселенія, не были распредѣлены территоріи различныхъ мѣстныхъ самоуправленій, полного совпаденія этихъ территорій съ національными границами не можетъ быть достигнуто; такое совпаденіе возможно только въ общихъ грубыхъ чертахъ. Сложность современной соціальной жизни дѣлаетъ совершенно неизбѣжнымъ сожителство различныхъ національностей на одной и той-же территоріи; въ самыхъ однородныхъ по національности мѣстностяхъ, на ряду съ болѣе или менѣе преобладающей по численности національностью, непременно имѣется меньшинство, принадлежащее къ одной или нѣсколькимъ другимъ національностямъ. Въ этомъ отношеніи наблюдаются самыя сложныя и прихотливыя комбинаціи, съ которыми организація общественнаго образованія необходимо должна считаться, какъ съ фактомъ, совершенно отъ нея не зависящимъ. Вопросъ объ организаціи школы для національнаго меньшинства будетъ стоять почти передъ каждымъ органомъ самоуправления, начиная отъ самаго низшаго по территоріи и кончая самымъ высшимъ. Разрѣшеніе его должно идти въ двухъ направленіяхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ характеръ разселенія, численность національностей и желанія самаго населенія будутъ это допускать, органы самоуправления должны будутъ строить свою школьную администрацію и свои школьные округа на національной почвѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ невозможно, органъ самоуправления долженъ отпускать на просвѣтительныя нужды меньшинства, въ распоряженіе его представителей, соотвѣтствующую часть общаго своего бюджета на народное образованіе.

Весьма вѣроятно, что по отношенію къ мелкимъ и разсѣяннымъ національностямъ окажутся необходимыми опредѣленныя ассигнованія на ихъ обще-національныя просвѣтительныя потребности и изъ обще-государственныхъ средствъ.

Если къ сказанному присовокупить, что веѣмъ гражданамъ, безъ различія національностей, должно принадлежать широкое право союзовъ и обществъ, которое можетъ быть использовано и въ цѣляхъ національнаго образованія, то просвѣтительныя потребности многочисленныхъ націй и племенъ, населяющихъ Россію, получатъ при

осуществленіи изложеннаго плана самое полное и справедливое удовлетвореніе. Идти дальше этого и требовать, на примѣръ, чтобы вся организація общественнаго образованія была передана въ руки національныхъ организацій, было бы и совершенно неправильно принципиально, и практически неисполнимо. Это значило бы требовать построенія всей структуры государства не на территориальной основѣ, а на національной. Это значило бы также допустить *принудительное* обложеніе гражданъ на общественныя потребности не только со стороны государства и мѣстнаго самоуправленія, но и со стороны національныхъ организацій. И то, и другое не только идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ соціально-политическимъ строемъ современныхъ народовъ, но и съ общечеловѣческими идеалами очень широкихъ круговъ сознательнаго населенія. Между тѣмъ, цѣли, которыя при этомъ выставляются, какъ мы уже видѣли, полностью могутъ быть осуществлены несравненно болѣе простымъ путемъ.

VI.

Права и положеніе учащихъ въ общественной организаціи народнаго образованія.

Учитель является чрезвычайно важнымъ звеномъ системы общественной организаціи народнаго образованія. Въ его рукахъ непосредственно находится школа, отъ него всецѣло зависитъ ея постановка и ея продуктивность. Понятно, какое огромное значеніе для жизненности всей системы имѣетъ правильное опредѣленіе положенія, которое должно принадлежать въ ней учителю.

Для старой, полицейской Россіи вопросъ этотъ разрѣшался какъ нельзя болѣе просто. По дѣйствующему школьному законодательству, учитель—не болѣе, какъ чиновникъ, подчиненный своему начальству и обязанный болѣе или менѣе слѣпо исполнять различныя постановленія и распоряженія, касающіяся всей организаціи школы и постановки въ ней преподаванія. Становясь учителемъ, каждое лицо тѣмъ самымъ подпадаетъ подъ цѣлый рядъ ограниченій, не касающихся другихъ гражданъ. Еще недавно для народныхъ учителей существовала у насъ даже специальная цензура, и въ учительскія библіотеки допускались только книги, получившія на это соответствующую санкцію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Въ настоящее время эта цензура уничтожена, но и теперь для учителей, какъ и для другихъ чиновниковъ, существуютъ спеціальныя и очень существенныя ограниченія въ правѣ устраивать общества и союзы. Однако, на ряду съ такимъ взглядомъ на учителя со стороны учебной бюрократіи, въ практикѣ нашихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія мало-по-малу выработались въ этомъ вопросѣ совершенно инныя начала, стоящія въ непосредственной связи съ общей эволюціей мѣстнаго общественнаго хозяйства. По мѣрѣ того, какъ различныя его отрасли получали болѣе или менѣе значительное развитіе, дѣятели мѣстныхъ самоуправленій жизненнымъ

опытомъ убѣждались въ полной нецѣлесообразности обычнаго бюрократическаго взгляда на положеніе общественныхъ служащихъ. Мало-по-малу, подѣ постояннымъ напоромъ со стороны самихъ земскихъ служащихъ, въ земствахъ, а отчасти и въ городахъ, сталъ складываться совершенно новый типъ организаціи общественной службы.

Земскіе служащіе постепенно стали признаваться не безправными, подчиненными своему «начальству», земскими чиновниками, а ответственными, болѣе или менѣе самостоятельными, профессиональными работниками въ различныхъ отрасляхъ общественнаго хозяйства. Земскія собранія утверждали общія основы организаціи и ближайшія задачи каждой такой отрасли; они же ассигновывали необходимыя средства. Исполненіе же земскихъ постановленій, разработка дальнѣйшихъ плановъ дѣятельности, составленіе проектовъ и отчетовъ постепенно переходило въ руки специальныхъ коллегіальныхъ земскихъ органовъ (совѣтовъ, комитетовъ, комиссій и т. д.), въ которые входили, съ одной стороны, земскіе гласные и другія лица по избранію земскихъ собраній, а съ другой — земскіе специалисты, пользовавшіеся въ этихъ коллегіяхъ такимъ-же рѣшающимъ голосомъ, какъ и остальные члены. Нерѣдко такимъ коллегіямъ земства передавали даже важное право замѣщенія свободныхъ открывающихся мѣстъ земскихъ служащихъ. Эти земскіе специальные органы очень скоро стали играть въ земскомъ дѣлѣ выдающуюся, нерѣдко, фактически, даже руководящую роль. Понятно, что въ дѣятельности каждаго такого органа первое мѣсто принадлежало земскимъ служащимъ-специалистамъ. Такимъ путемъ интеллигенція получила широкую возможность развивать свою инициативу и свободно, сознательно примѣнять свои знанія въ общественномъ хозяйствѣ. Доля, которая внесена ею въ общую сумму исполненной земствами культурной работы, во всякомъ случаѣ, не меньше доли, принадлежащей самимъ земскимъ дѣятелямъ. Первые начала сложившейся организаціи были положены въ земско-медицинскомъ дѣлѣ, гдѣ онѣ получили наиболѣе послѣдовательное и широкое развитіе. Вслѣдъ за тѣмъ, по тому же типу, сложилась земско-агрономическая дѣятельность. Что касается народнаго образованія, то въ этой области земскаго хозяйства указанное движеніе стало замѣтно развиваться только въ самые послѣдніе годы, но встрѣтило на своемъ пути наибольшія внѣшнія препятствія и далеко еще не достигло такого развитія, какъ въ другихъ отрасляхъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь общія начала организаціи уже вполне намѣтились. Въ средѣ

же народнаго учительства признаніе ея необходимости и цѣлесообразности распространено чрезвычайно широко.

При общихъ условіяхъ организаціи и дѣятельности современнаго земства, отмѣченныя новыя начала въ положеніи общественныхъ служащихъ, разумѣется, не могли получить полнаго развитія. Тѣмъ не менѣе, основной типъ ихъ опредѣлился съ достаточной ясностью. Для предстоящей школьной реформы это является очень цѣннымъ наслѣдствомъ, оставляемымъ школьнымъ строемъ стараго режима, которое предстоитъ широко развить. Здѣсь необходимо ближайшимъ образомъ остановиться на двухъ сторонахъ дѣла. Прежде чѣмъ говорить о такомъ или иномъ положеніи и правахъ учителя въ сферѣ его профессиональной работы, необходимо, разумѣется, указать на полную несостоятельность дѣйствующей школьной системы, при которой каждое лицо, дѣлаясь учителемъ, тѣмъ самымъ подвергаетъ себя ограниченіямъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ правахъ, принадлежавшихъ ему раньше, какъ обыкновенному гражданину. Въ основу школьной реформы долженъ быть положенъ принципъ, что учащіе не должны быть ограничиваемы въ какихъ бы то ни было правахъ, признанныхъ основными законами государства за всѣми гражданами. Дѣлаясь учителемъ, лицо принимаетъ на себя опредѣленныя профессиональныя обязанности, которыя должно добросовѣстно исполнять, но которыя отнюдь не должны отражаться на его общихъ, личныхъ и политическихъ правахъ. Это требованіе такъ элементарно и такъ важно для огражденія общихъ началъ политической свободы, на твердомъ фундаментѣ которой только и возможно создать правильную систему школьной организаціи, что оно должно найти себѣ мѣсто въ органическомъ государственномъ законѣ по народному образованію, обязательномъ для всѣхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Въ частности, государство должно признать и гарантировать учащимъ полную свободу собраній и союзовъ. Въ этомъ отношеніи учителя подвергнуты теперь наибольшимъ ограниченіямъ, а между тѣмъ широкое развитіе профессиональной организаціи учительства представляется чрезвычайно важнымъ факторомъ въ общей системѣ школьнаго дѣла.

Основной принципъ, что организація образованія является общественнымъ дѣломъ и должна быть осуществлена на общественныя средства, требуетъ, разумѣется, чтобы установленіе и регулированіе началъ этой организаціи принадлежало исключительно всему народу, въ лицѣ его выборныхъ представителей: въ ихъ рукахъ

должны находиться и школьное законодательство, и всѣ финансы школьнаго дѣла. Но въ этихъ предѣлахъ остается еще огромное поприще для самостоятельной дѣятельности учителей. Не только съ точки зрѣнія ихъ человѣческаго достоинства, но и въ интересахъ правильной постановки школьнаго дѣла, учителя должны быть поставлены въ такое положеніе, при которомъ они являлись бы не безправными, слѣпыми исполнителями законовъ и распоряженій, а отвѣтственными агентами, исполняющими одну изъ самыхъ важныхъ общественныхъ функцій. Они должны пользоваться необходимой самостоятельностью въ примѣненіи общественныхъ нормъ къ жизни, имѣть возможность свободно и полно развивать свою творческую инициативу и принимать видное участіе въ дальнѣйшей разработкѣ самихъ этихъ нормъ. При такой постановкѣ, широкая профессиональная организація арміи учительства является не только неотъемлемымъ правомъ учителей, но представляется безусловно необходимымъ, важнымъ условіемъ для того, чтобы эта армія могла, какъ слѣдуетъ, исполнять свою великую задачу. Въ настоящее время въ нее входитъ уже около 200 т. человѣкъ, но съ введеніемъ всеобщаго образованія, съ развитіемъ всего школьнаго дѣла, она должна увеличиться въ нѣсколько разъ. По своему соціальному положенію учительство всегда будетъ примыкать непосредственно къ трудовымъ массамъ крестьянства и рабочихъ; поэтому профессиональная организація учительства должна быть признана однимъ изъ необходимыхъ звеньевъ профессиональной организаціи всего трудящагося населенія и взять на себя исполненіе общей задачи: съ одной стороны отстаивать правовые, матеріальные и культурные интересы учителей, съ другой стороны—бороться за реорганизацію исполняемой учительствомъ общественной функціи въ направленіи возможнаго освобожденія ея отъ ига современнаго буржуазно-капиталистическаго строя и организаціи на началахъ науки и великихъ соціальныхъ идеаловъ будущаго человѣчества.

При такой постановкѣ намѣчаются слѣдующія основныя формы активнаго участія организованнаго учительства въ общей системѣ общественной организаціи народнаго образованія.

Во-первыхъ, представителямъ учителей должно быть обеспечено участіе въ органахъ школьной администраціи.

Во-вторыхъ, учителямъ должна быть предоставлена активная роль въ установленіи программъ преподаванія и обеспечена свобода преподаванія. Въ виду огромной принципиальной важности этого вопроса, необходимо остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

✓ Въ настоящее время, какъ извѣстно, для каждой категоріи учебныхъ заведеній имѣются официально установленныя программы. Въ нихъ не только перечисляются предметы преподаванія и содержаніе курса каждаго предмета, но даже число часовъ въ недѣлю, которое должно отводиться различнымъ предметамъ. Всѣ эти программы сочиняются въ канцеляріяхъ, совершенно не считаясь ни съ требованіями науки, ни со взглядами учителей, которымъ приходится примѣнять ихъ къ дѣлу. Результаты общеизвѣстны: навязанныя извѣстныя программы или тормозятъ все школьное дѣло и лишаютъ его жизненности, или обходятся учителями, насколько это въ ихъ силахъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ характернѣйшихъ пережитковъ давно отжившихъ началъ. Каждому показалось бы дикимъ, если-бы органы общественнаго управленія, завѣдующіе, положимъ, медицинскимъ дѣломъ, вздумали составлять для находящихся въ ихъ распоряженіи врачей инструкціи, чѣмъ и какъ они должны лѣчить больныхъ, а органы, завѣдующіе путями сообщенія, предписывать инженерамъ и техникамъ правила ихъ специальности. Учительская профессія, педагогика—спеціальность, нисколько не менѣе сложная, и примѣнять къ ней внѣшнюю регламентацію не менѣе нецѣлесообразно, чѣмъ къ другимъ спеціальностямъ.

Въ области образованія органамъ общественнаго управленія должно, разумѣется, принадлежать опредѣленіе основныхъ нормъ школьнаго дѣла, но лишь въ такихъ предѣлахъ, которые ясно формулируютъ задачу спеціалистовъ, приглашаемыхъ для ея осуществленія, и оставляютъ имъ полную возможность работать надъ этимъ во всеоружіи современной науки, техники дѣла и опыта. Такимъ образомъ, ✓ въ чисто учебной сторонѣ школы органамъ общественнаго управленія должно принадлежать только утвержденіе основныхъ типовъ школъ, основъ школьныхъ программъ и продолжительности учебнаго курса въ каждомъ типѣ. Выработка же детальнаго содержанія школьнаго курса, какъ требующая спеціальныхъ знаній, должна быть предоставлена самому учительству, въ лицѣ его выборныхъ представителей и при участіи представителей науки. Это—несомнѣнное право и одна изъ важнѣйшихъ задачъ профессиональной организаціи учительства. Какимъ путемъ она должна осуществляться—посредствомъ ли созданія постоянно дѣйствующаго органа, или же на періодически созываемыхъ и правильно организованныхъ съѣздахъ представителей учительства того или другого мѣстнаго раіона, всей страны и т. д.—вопросъ особый, который требуетъ спеціальной разработки и долженъ быть разрѣшенъ государствен-

нымъ и мѣстными школьными законами. Закономъ же должно быть точно опредѣлено, какіе вопросы въ этой области требуютъ санкціи законодательныхъ учреждений и какіе предоставляются всецѣло разрѣшенію самого учительства.

Дальнѣйшимъ развитіемъ той же основной идеи должно быть признаніе принципа свободы преподаванія. Въ общихъ предѣлахъ программы, опредѣленной для каждой ступени школьнаго обученія, преподавателю должна быть предоставлена свобода разрѣшать поставленную ему задачу такими приемами, какіе отвѣчаютъ его личнымъ взглядамъ, способностямъ и условіямъ работы. Въ частности, учителямъ должна быть предоставлена полная свобода въ выборѣ учебниковъ и учебныхъ пособій, не стѣсня ихъ въ этомъ отношеніи никакими обязательными или ограничительными каталогами. Дѣйствующая въ настоящее время система специальной школьной цензуры, какъ нельзя болѣе соответствующая общему бюрократическому строю школьной организаціи, противорѣчитъ самымъ основнымъ принципамъ рациональной постановки школьнаго дѣла и, разумѣется, должна быть совершенно уничтожена.

VIII.

Положеніе учащихся въ общественной организаціи народнаго образованія.

✓ Въ современной школьной организаціи учащіеся не играютъ никакой активной роли. Они разсматриваются, какъ пассивный матеріаль, подлежащій опредѣленной обработкѣ, программы и общая постановка которой вырабатываются безъ всякаго ихъ участія. По отношенію къ учителямъ, учащіеся являются подчиненными, безправными существами, обязанными слѣпо имъ повиноваться. Съ особенной яркостью эти черты проявляются въ казенной школѣ, которая представляетъ въ этомъ отношеніи вѣрное отраженіе всего бюрократическаго строя. Для этого строя школа — не болѣе, какъ одно изъ звеньевъ всеохватывающей бюрократической цѣпи, назначенное для штампованія молодого поколѣнія по одобренному сверху образцу и для заранѣе предназначенной сверху цѣли. Личность ребенка и юноши, поступающаго въ школу, совершенно игнорируется; считается совершенно безспорнымъ, что высшему начальству и начальникамъ-учителямъ лучше самого учащагося извѣстно, что ему надо и что полезно: по молодости и неопытности онъ, молъ, хотя и не понимаетъ этого, но послѣ самъ будетъ благодарить своихъ попечительныхъ наставниковъ. На дѣлѣ, однако, огромное большинство вспоминаетъ о казенной школѣ съ чувствами, не имѣющими ничего общаго съ благодарностью, а во время пребыванія въ ней не перестаетъ протестовать противъ этой бездушной системы. Ни чѣмъ другимъ, какъ именно протестомъ, необходимо признать столь широко распространенныя въ нашихъ казенныхъ школахъ всевозможныя, подчасъ дикія и жестокія, каверзы, чинимыя учениками по отношенію къ школьнымъ властямъ и «нелюбимымъ» учителямъ. Этотъ повсемѣстный, никогда не прекращавшійся протестъ—единственная форма, въ которой лишенные всякихъ правъ учащіеся проявляютъ свое отношеніе къ дѣйствующей

школьной организаціи, заставляя устранять изъ нея хотя бы наиболѣе вопіющія проявленія произвола или допускать въ ней признаніе хотя бы наиболѣе естественныхъ и безобидныхъ потребностей учащихся. Съ этой точки зрѣнія, учащіеся всегда являлись на дѣлѣ весьма виднымъ факторомъ въ общей организаціи школьнаго дѣла. Но это—результатъ борьбы учащихся съ школьнымъ режимомъ, борьбы, которая требуетъ массу жертвъ, вызываетъ напрасную растрату силъ и вноситъ въ душу озлобленіе уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Неудивительно, что при такой общей обстановкѣ школа, сама по себѣ, даетъ чрезвычайно мало; лучшимъ, что выноситъ учащееся юношество изъ періода своего школьнаго ученія, оно обязано не школѣ, а товариществу и собственному чтенію. Школа же сплошь и рядомъ мертвитъ и вноситъ отвращеніе даже къ тому изъ ея курса, что, дѣйствительно, имѣетъ большую образовательную цѣну и при другихъ условіяхъ способно было бы глубоко затронуть дѣтскую душу. За примѣрами ходить далеко не зачѣмъ: стоитъ только каждому покопаться въ памяти, чтобы открыть въ своей душѣ не одну глубокую рану, оставленную школой.

Въ организаціи народнаго образованія, построенной на началахъ науки, свободы и демократизма, положеніе учащихся требуетъ освѣщенія съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, свободное государство должно охранять и признавать свободу и права личности не только за взрослыми своими гражданами, но также и за дѣтьми. Несмотря на огромное значеніе этого вопроса, онъ далеко еще не получилъ окончательной разработки, не говоря уже о практическомъ разрѣшеніи его въ жизни. Однако, въ этомъ именно направленіи развиваются и общественная мысль, и законодательство передовыхъ странъ. Въ этомъ же направленіи должно развиваться и школьное законодательство. Открывая свои двери передъ юнымъ населеніемъ страны, школа не только не должна устанавливать для своихъ питомцевъ какихъ-либо ограниченій въ тѣхъ правахъ, которыми они пользовались до вступленія въ школу и будутъ пользоваться послѣ выхода изъ нея, но въ основу всего своего строя должна положить укрѣпленіе общихъ правъ, признаваемыхъ теперь каждымъ правовымъ государствомъ за своими гражданами: неприкосновенности личности, свободы слова, собраний и организацій. Въ жизни человѣка нѣтъ такого періода, когда эти права не представляли бы для него огромнаго значенія. Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народа и человѣчества, такого періода точно также нѣтъ; напротивъ, они требуютъ признанія и возможно широкаго развитія этихъ

правъ съ самаго ранняго, по возможности, возраста ребенка. Однако, въ современной дѣйствительной жизни въ этой области наблюдается такое же господство силы, какъ и во всѣхъ остальныхъ: уваженіе къ личности и права слабого ребенка на каждомъ шагу игнорируются и попираются взрослыми, являющимися въ сожителствѣ съ дѣтьми своего рода сильнѣйшимъ классомъ.

Такое игнорированіе правъ ребенка, прежде всего, обусловливается общимъ суровымъ и несправедливымъ укладомъ современной жизни; школа въ этомъ отношеніи стоитъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и одной изъ главныхъ ея цѣлей какъ разъ является возможно болѣе полное освобожденіе общественнаго воспитанія отъ вреднаго вліянія ненормальныхъ соціальныхъ условій. Этому требованію современная общественная школа въ болѣе или менѣе значительной степени и удовлетворяетъ. Но та-же коллизія происходитъ въ нѣдрахъ самой школы, гдѣ сталкиваются взрослые-учащіе съ дѣтьми и юношами-учащимися. Въ распоряженіи первыхъ, ихъ авторитетное положеніе, сила знанія и опыта, которымъ учащіеся не могутъ противопоставить почти ничего. Въ результатѣ, въ подавляющемъ большинствѣ школъ, отношенія между учителями и учащимися болѣе или менѣе сильно пропитаны элементомъ вѣншей *власти*, стоящемъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ принципомъ свободнаго, сознательнаго умственнаго развитія, прогрессу котораго должна служить каждая нормальная школа. Какая бы превосходная вѣншая организація школьнаго дѣла ни была принята страной, въ школѣ неизбѣжно будутъ на лицо два своеобразныхъ класса—учителей и учащихся. Чтобы отнять всякую почву для развитія въ школѣ соотвѣтствующей «классовой борьбы», неизмѣнно развивающейся вездѣ, гдѣ происходитъ угнетеніе одной стороны, вездѣ, гдѣ на сцену появляется, хотя бы въ небольшой дозѣ, элементъ власти и насилія, есть только одно радикальное средство: признаніе за обѣими сторонами одинаковыхъ правъ личности и права принимать активное участіе въ организаціи своего дѣла. Школьная жизнь складывается изъ двухъ факторовъ: образовательнаго, воспитывающаго воздѣйствія учащихся и развивающейся умственной работы учащихся,—и если взвѣшивать относительную цѣнность этихъ факторовъ, то перевѣсъ, несомнѣнно, окажется на сторонѣ второго. Эта основная сущность школы должна получить полное признаніе, а вытекающіе изъ нея глубокіе выводы должны найти себѣ выраженіе и въ общей системѣ организаціи свободной демократической школы.

Такимъ образомъ, какъ съ точки зрѣнія основныхъ правъ личности и интересовъ всего общества, такъ и съ точки зрѣнія требованій нормальнаго школьнаго строя, представляется безусловно необходимымъ признать, что въ общей школьной организаціи учащіеся являются важнымъ активнымъ факторомъ.

Первымъ условіемъ для того, чтобы учащіеся заняли въ жизни школы то мѣсто, которое имъ, по праву, должно принадлежать, является признаніе за ними полной свободы организацій. Само собой разумѣется, что формы этихъ организацій будутъ чрезвычайно разнообразны, какъ разнообразны сами общественныя школы, заключающія въ общей системѣ и элементарную школу, и университетъ. Никакого общаго шаблона здѣсь не можетъ и не должно быть, но въ каждой безъ исключенія школѣ, въ каждомъ ея классѣ, учащіеся должны имѣть полную возможность группироваться въ какія имъ угодно организаціи: имѣющія отношеніе къ школѣ и не имѣющія, общія и спеціальныя, съ цѣлями развлеченія и игры, съ цѣлями образовательными и т. д. Въ этомъ отношеніи должно быть представлено широкое поприще для жизненнаго творчества. Но признавая важность организацій учащихся, было бы однако ошибочнымъ развивать ихъ какой-нибудь внѣшней регламентаціей. Для огромнаго большинства учащихся дѣтей ничего, кромѣ признанія права и свободы, въ этой области школьной жизни не требуется. Что же касается высшихъ школъ, а также старшихъ классовъ среднихъ школъ, то въ нихъ учится такое сознательное юношество, что едва-ли въ какой бы то ни было школѣ оно само не чувствуетъ потребности принимать планомѣрное участіе въ жизни школы и формы этого участія могутъ быть прямо предусмотрѣны школьнымъ закономъ.

Обсуждая вопросъ въ условіяхъ современнаго школьнаго строя, было бы пока безцѣльно вдаваться въ конкретную его разработку. Прежде чѣмъ она станетъ возможной, необходимо дать просторъ жизненному творчеству; для общей схемы будущей нормальной организаціи народнаго образованія вполне достаточно лишь общей постановки вопроса о необходимости участія учащихся въ жизненномъ строительствѣ школы. Къ сказанному слѣдуетъ только прибавить, что оно можетъ проявляться въ двухъ главныхъ формахъ: въ формѣ участія въ общей организаціи народнаго образованія на опредѣленной территоріи и въ формѣ участія въ жизни данной опредѣленной школы. Первая форма участія, разумѣется, можетъ имѣть мѣсто только для учащагося юношества болѣе или менѣе зрѣлаго возраста (напр., въ университетахъ и старшихъ классахъ

средних учебных заведений). Вторая же форма может быть применима во всѣхъ безъ исключенія школахъ. Наиболе естественной и важной формой вліянія учащихся на жизнь школы можетъ быть то или другое участіе ихъ при разработкѣ общаго школьнаго режима и плана школьныхъ занятій, а также при формированіи педагогическаго персонала. Осуществленіе этого принципа въ жизни неразрывно связано съ чрезвычайно сложными педагогическими вопросами и отъ нашего учительства потребуется не мало искренней любви къ дѣлу, немало глубокаго, всесторонняго знанія, чтобы обезпечить школѣ, съ этой стороны, нормальное, плодотворное развитіе. Не мало также потребуется отъ него въ этомъ дѣлѣ смѣлости, чтобы порвать съ той массой рутины и застарѣлыхъ педагогическихъ предразсудковъ, которые густой сѣтью окутываютъ теперь нашу школу.

IX.

Семья и общественная организація образованія.

Какъ уже было отмѣчено, одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ эволюціи въ дѣлѣ организаціи образованія, сводится къ все большему и большему его обобществленію, и, по мѣрѣ развитія этого процесса, роль семьи, естественно, должна все болѣе и болѣе сокращаться. Не только въ той будущей стадіи общественной организаціи народнаго образованія, которая изложена выше, но даже при настоящемъ положеніи дѣла въ Россіи, представителямъ семьи, или, точнѣе говоря, родителямъ учащихся не принадлежитъ и не должно принадлежать никакой роли въ тѣхъ звеньяхъ общей системы организаціи народнаго образованія, которыя регулируютъ школьное дѣло въ различныхъ *административныхъ* районахъ страны. Во всѣхъ этихъ районахъ, начиная съ общины и кончая государствомъ, организація народнаго образованія, какъ и другихъ отраслей общественнаго хозяйства, должна находиться въ рукахъ государственныхъ и мѣстныхъ органовъ общественнаго управленія. Тотъ или иной составъ, та или другая компетенція этихъ органовъ, разумѣется, имѣютъ огромное значеніе для народнаго образованія, и судьбы его въ этомъ отношеніи тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ судьбами основной борьбы, опредѣляющей весь общественный и государственный строй: борьбой за широкую политическую свободу, за свободу личности, за освобожденіе труда отъ эксплуатаціи, за осуществленіе народовластія во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ ступеняхъ общественнаго хозяйства. Борьба эта ведется сознательными гражданами, во имя общенародныхъ интересовъ и результаты ея закрѣпляются въ формѣ большаго или меньшаго участія представителей народной массы въ органахъ общественнаго управленія. То же происходитъ и въ области общественной организаціи образованія. Какъ общенародное дѣло, она

должна находиться въ рукахъ органовъ общенароднаго управленія и не можетъ быть подчинена исключительному вліянію какой-либо одной группы народа, хотя бы то были родители учащихся дѣтей.

✓ Отрицательное отношеніе къ праву семьи или родителей на исключительное вліяніе въ системѣ общественной организаціи народнаго образованія вовсе не значитъ, однако, что имъ не должно принадлежать здѣсь никакого мѣста. Напротивъ, при современномъ социальномъ строѣ и въ настоящей стадіи общественнаго хозяйства, имъ необходимо предоставить возможность принимать активное участіе въ жизни тѣхъ отдѣльныхъ школъ, гдѣ учатся ихъ дѣти. Находясь въ школьномъ возрастѣ и посѣщая общественную школу, дѣти продолжаютъ жить въ своихъ семьяхъ и воспитаніе ихъ идетъ подѣ вліяніемъ какъ школы, такъ и семьи. Естественнымъ выводомъ изъ этого факта является признаніе необходимости живой связи между школой и семьей. Разумѣется, эта связь ни въ какомъ случаѣ не должна итти въ разрѣзъ съ принципиальнымъ взглядомъ на общественную школу, какъ на общественное учрежденіе, назначенное для выполненія важной общественной функціи воспитанія дѣтей. Отвѣтственность передъ органами общественнаго управленія за надлежащее осуществленіе задачъ, возложенныхъ на общественную школу, лежитъ на ея педагогическомъ персоналѣ и ему должны быть обеспечены всѣ условія, необходимыя для того, чтобы быть въ состояніи дѣйствительно нести на себѣ эту отвѣтственность. Во всѣхъ педагогическихъ вопросахъ школы, учителямъ должна быть обеспечена полная самостоятельность и сами родители, сознательно относящіеся къ образованію своихъ дѣтей, разумѣется, никогда не станутъ на нее посягать. Но принципъ самостоятельнаго, отвѣтственнаго веденія школы учителемъ нисколько не препятствуетъ тѣсному общенію его съ родителями учащихся у него дѣтей: учитель долженъ быть всесторонне знакомъ со всѣми условіями жизни дѣтей и обязанъ дѣлать все для использованія этихъ условій въ интересахъ школы. Точно также и родители, нисколько не посягая на самостоятельность учителя, близко заинтересованы въ томъ, чтобы быть въ курсѣ всей школьной жизни и чтобы ихъ голосъ былъ выслушанъ. Необходимо, поэтому, признать, что живое, организованное участіе родителей учащихся въ жизни школы представляется очень важнымъ условіемъ правильной общественной организаціи народнаго образованія. Форма и степень этого участія въ различныхъ мѣстностяхъ и по различнымъ вопросамъ школьной жизни могутъ быть очень различны и не представляется, разумѣется, никакой надобности создавать въ этой об-

Х.

Школьная администрація: школьные комитеты и школьная инспекція.

Остановливаясь на вопросѣ о школьной администраціи, я отнюдь не намѣренъ вдаваться въ техническія ея детали. Въ такой обширной и разнообразной странѣ, какъ Россія, въ организаціи школьной администраціи, разумѣется, должно быть большое разнообразіе и уже въ настоящее время, несмотря на весь гнетъ централистическихъ шаблоновъ, въ этой области уже можно подмѣтить зачатки довольно различныхъ типовъ. Но для полнаго ихъ развитія нѣтъ еще на лицо необходимыхъ общихъ условий, безъ такой или иной окончательной кристаллизаціи которыхъ, вообще было бы, по меньшей мѣрѣ, бесполезно заниматься гадательными постройками различныхъ частныхъ. Въ настоящемъ очеркѣ я ограничусь, поэтому, исключительно общей, принципиальной стороной вопроса о школьной администраціи: тѣхъ основныхъ элементовъ, на которыхъ она должна быть построена.

✓ Школьная администрація имѣетъ двѣ главныя цѣли. Съ одной стороны, она должна быть исполнительнымъ органомъ, проводящимъ въ жизнь постановленія по народному образованию, принимаемыя учрежденіями общественнаго управленія. Съ другой стороны, она должна заниматься разработкой очередныхъ вопросовъ въ области общественной организаціи народнаго образования и подготовкой матеріаловъ для дальнѣйшаго развитія школьнаго законодательства. Чтобы правильно исполнять обѣ эти функціи, система школьной администраціи должна состоять изъ органовъ двухъ основныхъ типовъ: коллегіальныхъ выборныхъ комитетовъ или совѣтовъ, въ которыхъ были бы представлены всѣ главные элементы общественной организаціи народнаго образования, и единоличныхъ специалистовъ по дѣлу образования. Такая система мало по малу выработалась у насъ исторически земской практикой и вполне удовлетворяетъ прин-

ципіальнымъ соображеніямъ. Наличность коллегіальныхъ комитетовъ обезпечиваетъ всестороннее, тщательное обсужденіе многочисленныхъ сложныхъ задачъ и интересовъ, затрогиваемыхъ общественной организаціей образованія; въ ихъ компетенцію должны входить, главнымъ образомъ, рѣшеніе общихъ вопросовъ, связанныхъ съ функціонированіемъ этой организаціи, и разработка проектовъ, для представленія на рѣшеніе органовъ общественаго самоуправленія. Текущая же работа по завѣдыванію школами и другими образовательными учрежденіями должна лежать на единоличныхъ специалистахъ, состоящихъ на общественной службѣ—школьныхъ инспекторахъ, комиссарахъ, экспертахъ и т. д.

Въ составъ коллегіальныхъ комитетовъ образованія должны, разумѣется, входить представители населенія, образовательныя потребности котораго комитетъ обслуживаетъ. Комплектованіе ихъ можетъ происходить или путемъ прямыхъ выборовъ отъ всего населенія, или выборами отъ соотвѣтствующаго представительнаго органа мѣстнаго самоуправленія—губернскаго, уѣзднаго или волостного земскаго собранія, городской думы и т. д. Дѣйствующее законодательство допускало у насъ пока только послѣдній способъ, который и получилъ довольно широкое распространеніе. Съ отмѣной-же внѣшнихъ бюрократическихъ ограниченій у насъ, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки, несомнѣнно привилась бы и первая система специальныхъ прямыхъ выборовъ всѣмъ населеніемъ. Въ настоящее время было бы преждевременно заниматься подробнымъ взвѣшиваніемъ сравнительныхъ преимуществъ и недостатковъ обѣихъ этихъ системъ. На ряду съ представителями населенія, въ комитеты образованія должны входить выборные представители тѣхъ, которые непосредственно выполняютъ общественную просвѣтительную работу, т.-е. отъ учителей и учительницъ даннаго раіона. О принципиальной важности этого представительства я говорилъ въ своемъ мѣстѣ. Необходимость его получила уже широкое признаніе и въ земской средѣ; въ нѣкоторыхъ земствахъ принципъ этотъ получилъ даже практическое осуществленіе—въ такихъ предѣлахъ, въ какихъ это допускается дѣйствующимъ закономъ. Въ составъ комитетовъ образованія должны также входить: школьные инспекторы, комиссары или эксперты; врачи, какъ представители школьно-санитарной части и выборные представители юношества, учащагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Дѣйствующая у насъ централистическая бюрократическая си-

стема завѣдыванія народнымъ образованіемъ знаетъ только одинъ типъ школьнаго инспектора — инспектора-чиновника, дѣятельность котораго сводится къ функціямъ полицейскаго надзора. При свободной общественной организаціи народнаго образованія, такимъ инспекторамъ, разумѣется не будетъ мѣста. Съ передачей всего дѣла народнаго образованія въ руки органовъ мѣстнаго самоуправленія, исчезнетъ вообще всякая надобность въ государственной администраціи по школьному дѣлу на мѣстахъ и дѣйствующая правительственная школьная инспекція, начиная съ попечителей учебныхъ округовъ и кончая инспекторами народныхъ училищъ должна быть упразднена. Въмѣсто правительственной инспекціи, органы мѣстнаго самоуправления должны будутъ создать свою собственную школьную инспекцію, дѣятельность которой должна быть совершенно свободна отъ какихъ бы то ни было полицейскихъ функцій. Будущій школьный инспекторъ долженъ быть прежде всего специалистомъ, хорошо знающимъ дѣло, обладающимъ организаторскимъ талантомъ и способнымъ стать для учителей не начальствомъ, а опытнымъ и знающимъ старшимъ товарищемъ. Необходимость въ такихъ общественныхъ агентахъ выяснилась уже прежней земской практикой и передовыя земства въ послѣдніе годы, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, добились наконецъ возможности положить начало своей собственной инспекціи по дѣлу народнаго образованія (въ формѣ «завѣдующихъ хозяйственной частью школъ», «завѣдующихъ по народному образованію» и т. д.). Вслѣдствіе внѣшняго гнета, эти начинанія не могли получить значительнаго развитія, но имѣютъ однако же существенное принципиальное значеніе при выработкѣ школьной реформы. Въ новомъ школьномъ строѣ общественная школьная инспекція должна быть построена на выборномъ началѣ: или въ формѣ прямыхъ выборовъ населеніемъ или въ формѣ выборовъ представительными органами мѣстнаго самоуправления. Съ принципиальной точки зрѣнія, наиболее правильными являются прямые выборы школьныхъ инспекторовъ населеніемъ, но для ближайшаго будущаго, даже при самыхъ благопріятныхъ общихъ условіяхъ, едва-ли можно рассчитывать на широкое распространеніе у насъ этой системы. При системѣ же выборовъ школьныхъ инспекторовъ органами мѣстнаго самоуправления, школьнымъ комитетамъ и мѣстному учительству должно быть предоставлено право представлять на открывающіяся по школьной инспекціи мѣста своихъ кандидатовъ. Во всякомъ случаѣ, выборы инспекторовъ должны производиться на опредѣленные сроки.

XI.

Автономія школы.

Въ настоящее время принципъ автономіи школы получилъ у насъ всеобщее признаніе по отношенію къ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Примѣненіе его къ средней школѣ представляется еще далеко не общепринятымъ и вызываетъ споры, хотя и составляетъ одну изъ основъ организаціи возникающихъ въ послѣдніе годы многочисленныхъ среднихъ школъ новаго типа. Примѣненіе принципа автономіи школы къ народной и вообще начальной школѣ продумано еще менѣе, но и въ этой области народнаго образованія онъ давно уже и широко практикуется въ различныхъ школахъ частной инициативы, хотя большей частью это примѣняется въ школахъ, предназначенныхъ преимущественно для обученія взрослыхъ. Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что, по отношенію къ современной народной школѣ съ однимъ учителемъ, вопросъ объ автономіи или вовсе не имѣетъ никакого практическаго значенія, или имѣетъ лишь ничтожное значеніе. Въ недалекомъ будущемъ, однако, наша жалкая «одноклассная» народная школа съ однимъ учителемъ, надо полагать, во всякомъ случаѣ, исчезнетъ, какъ не удовлетворяющая самымъ элементарнымъ требованіямъ педагогики, и замѣнится школой съ нѣсколькими учителями. А въ такомъ случаѣ и для нея вопросъ объ автономіи получитъ самое жизненное и практическое значеніе.

Разсматривая вопросъ съ чисто принципиальной точки зрѣнія, необходимо признать, что принципъ автономіи школы имѣетъ общее, универсальное значеніе для всѣхъ безъ исключенія типовъ школъ и составляетъ неизбѣжный логическій выводъ изъ основныхъ началъ, на которыхъ должна быть построена вся система общественной организаціи свободной школы. Дѣйствующая система школьной организаціи цѣликомъ построена на бюрократическомъ

началѣ іерархической подчиненности и принудительной власти, который обезпечиваетъ ея единство. Система общественной организаціи свободной школы въ корнѣ отрицаетъ эти начала, основываясь на принципѣ выборности и признаніи учителя общественнымъ работникомъ, пользующимся необходимой свободой въ исполненіи своей профессиональной обязанности. При такихъ условіяхъ, уже одна наличность нѣсколькихъ учителей въ одной и той-же школѣ вызываетъ необходимость въ установленіи между ними такихъ взаимныхъ отношеній, которыя соотвѣтствовали бы общимъ принципамъ системы. Понятно, что въ свободной школѣ эти отношенія могутъ быть построены только на выборномъ началѣ: являясь вполне самостоятельными и отвѣтственными общественными работниками во всей педагогической сторонѣ школы, состоящіе въ ней учителя должны имѣть право самимъ распредѣлять между собою различныя обязанности по школѣ и вести школьное обученіе, руководствуясь своими собственными постановленіями. Въ частности, собранію педагогическаго персонала должно быть предоставлено право выбирать завѣдующаго школой или предсѣдателя педагогическаго совѣта, а также лицо, на которомъ лежатъ внѣшнія сношенія по школѣ.

Необходимость самостоятельной, цѣльной организаціи каждой школы обусловливается не только потребностями ея педагогическаго персонала, но и всѣми остальными условіями жизни свободной общественной школы, намѣченными въ предшествующемъ изложеніи: положеніемъ въ ней учащихся, отношеніями къ ней родителей учащихся и всего мѣстнаго населенія. Совокупность всѣхъ этихъ условій дѣлаетъ необходимымъ наличность въ каждой общественной школѣ двухъ коллегіальныхъ школьныхъ органовъ, совокупность которыхъ и составляетъ то, что понимается подъ терминомъ автономія школы. Съ одной стороны, какъ я уже сказалъ, въ каждой школѣ долженъ существовать педагогическій совѣтъ, въ который входитъ весь педагогическій персоналъ школы; къ его компетенціи относятся спеціально - педагогическіе и профессиональные вопросы, въ которыхъ учительскому персоналу должна быть обезпечена полная самостоятельность. Рядомъ съ нимъ, въ каждой школѣ долженъ существовать другой коллегіальный органъ, школьный совѣтъ, въ которомъ были бы представлены всѣ элементы школьной жизни и всѣ заинтересованные въ такой или иной постановкѣ школы. Въ этотъ второй коллегіальный школьный органъ, кромѣ всего педагогическаго персонала школы, должны еще входить: выборные представители отъ мѣстнаго органа самоуправления,

выборные представители родителей учащихся въ школѣ, школьный врачъ, представители существующихъ при школѣ просвѣтительныхъ и другихъ организаций, и, наконецъ, выборные представители учащихся. Школьный совѣтъ долженъ имѣть своего выборнаго предсѣдателя, а въ компетенцію его должны входить всё безъ исключенія вопросы школьной жизни какъ хозяйственные, такъ и образовательно-воспитательные, поскольку эти послѣдніе не нарушаютъ необходимой для учителей свободы ихъ профессиональной дѣятельности.

Въ принципѣ, компетенціи обоихъ намѣченныхъ органовъ школьной автономіи различаются другъ отъ друга съ достаточной ясностью. На практикѣ же, безъ сомнѣнія, разграничить ихъ не всегда легко, но и въ этомъ, какъ во многихъ другихъ существенныхъ вопросахъ школьной реформы, было бы, по меньшей мѣрѣ, бесполезно искать выходъ въ детальной шаблонной регламентаціи дѣла. Задачей мѣстнаго школьнаго законодательства въ этой области должно быть только установленіе общихъ основаній школьной автономіи, на почвѣ которыхъ жизненная практика могла бы свободно творить свою созидательную культурную работу.

ХП.

Школа, религія и церковь.

Въ настоящее время церковь и религія играютъ огромную роль въ общей системѣ народнаго образованія въ Россіи. Основной законъ о начальныхъ училищахъ (положеніе 25 мая 1874 года), опредѣляя ихъ цѣль, на первомъ мѣстѣ ставитъ «утвержденіе въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій», отодвигая «распространеніе первоначальныхъ полезныхъ знаній» лишь на второе мѣсто. Несмотря на краткость учебнаго курса народныхъ училищъ и примитивность его программы, къ обязательнымъ предметамъ отнесенъ не только Законъ Божій, но и «чтеніе по книгамъ церковной печати», отнимающее громадное количество времени и совершенно ненужное для начальной общеобразовательной школы; кромѣ того предусматривается «церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно». «Высшее наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ» законъ предоставляетъ мѣстнымъ епархіальнымъ архіереямъ, которые могутъ поручать его «особо назначаемымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ». Представители «епархіальнаго вѣдомства» входятъ въ составъ уѣздныхъ и губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. Мало того, бокъ-о-бокъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, существуетъ у насъ второй государственный органъ по завѣдыванію народнымъ образованіемъ—«вѣдомство православнаго исповѣданія», располагающее цѣлою сѣтью церковныхъ школъ съ спеціальной учебной администраціей—какъ центральной, такъ и мѣстной,—получающее отъ государства на содержимыя имъ общеобразовательныя школы даже больше, чѣмъ получаетъ министерство. Цѣлью этихъ школъ прямо ставится «распространеніе въ народѣ образованія въ духѣ православной вѣры и церкви». Обязательное преподаваніе Закона Божія и принуди-

тельный церковный режим господствует теперь у насъ не только въ начальныхъ, но и во всѣхъ безъ исключенія другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кончая университетами и высшими спеціальными школами.

Все это относится исключительно къ «господствующей» православной церкви, что же касается всѣхъ остальныхъ вѣроисповѣданій, то по отношенію къ нимъ дѣйствующее законодательство носитъ совершенно другой характеръ, представляя въ принципиальномъ отношеніи очень большое разнообразіе. Въ дореволюціонную эпоху, во всей школьной системѣ по отношенію къ «иновѣрцамъ» практиковался или режимъ вынужденной терпимости, или же режимъ религіознаго принужденія. Благодаря этому, по отношенію къ цѣлому ряду вѣроисповѣданій у насъ давно уже фактически существуетъ система отдѣленія школы отъ церкви: непризнаваемые или преслѣдуемые вѣроисповѣданія давали религіозное воспитаніе своимъ дѣтямъ совершенно вѣ какого бы то ни было отношенія къ школѣ, а нерѣдко и прямо вопреки ей. Развитіе освободительнаго движенія привело къ изданію въ 1906 году «временныхъ правилъ о преподаваніи Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія», которыми введена такая общая система: во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, «по уставамъ коихъ Законъ Божій инославныхъ исповѣданій не введенъ, какъ обязательный предметъ преподаванія, обученіе оному вводится по желанію родителей и опекуновъ учащихся и признается необязательнымъ», при чемъ «немедленно прекращается», «въ случаѣ заявленнаго родителями или опекунами нежеланія продолжать обученіе дѣтей ихъ Закону Божію». Ни одному изъ неправославныхъ исповѣданій не предоставлено принимать, какое бы то ни было, участіе въ органахъ, на которыхъ лежитъ завѣдываніе народнымъ образованіемъ. Напротивъ, въ дореволюціонную эпоху въ этомъ отношеніи былъ введенъ цѣлый рядъ ограниченій въ интересахъ господствующей православной церкви (напр., регламентація вѣроисповѣданія членовъ училищныхъ совѣтовъ и попечителей школъ), и еще далеко не всѣ они отмѣнены.

Такимъ образомъ, по вопросу о взаимоотношеніяхъ между церковью или религіей и школой у насъ дѣйствовали до сихъ поръ двѣ системы и двѣ мѣрки: одна для «господствующей» церкви, другая для всѣхъ остальныхъ. Какъ видно изъ приведеннаго выше, системы эти покоятся на рѣзко отличающихся другъ отъ друга принципиальныхъ

✓**Основахъ.** По отношенію къ учащимся православнымъ, въ школахъ безраздѣльно господствуетъ принудительный религіозный режимъ, а представителямъ православной церкви отведена очень видная, активная роль въ самомъ завѣдываніи народнымъ образованіемъ, и влияніе ихъ, такимъ образомъ, распространяется на все безъ исключенія населеніе страны. По отношенію къ неправославнымъ учащимся, принудительный религіозный режимъ въ школахъ или вовсе не примѣняется, или примѣняется въ очень ослабленной формѣ; представителямъ неправославныхъ вѣроисповѣданій не предоставлено никакого влияния на общее завѣдываніе народнымъ образованіемъ, а просвѣтительная дѣятельность ихъ церковей поставлена въ то же положеніе, въ какомъ находится частная инициатива.

Чтобы получить полное представленіе о значеніи и роли обѣихъ системъ и выяснить весь объемъ вопроса объ отношеніи между церковью и школой у насъ въ Россіи, необходимо имѣть въ виду общій вѣроисповѣдный составъ населенія страны. По даннымъ первой всероссійской переписи населенія, всѣ вѣроисповѣданія сгруппированы въ 16 большихъ группъ, при чемъ на долю «православныхъ и единовѣрцевъ» пришлось 69,4%. Цифра эта, однако, несомнѣнно, преувеличена. Въ число православныхъ, очевидно, включены очень значительныя массы всякаго рода сектантовъ, за которыми, во время переписи, не признавалось еще права на существованіе; съ другой стороны, переписью совершенно не отмѣчена группа населенія, не принадлежащая ни къ одному изъ религіозныхъ исповѣданій стараго типа; общую численность этой группы, разумѣется, опредѣлить очень трудно, но несомнѣнно, что къ ней принадлежитъ огромное большинство всей интеллигенціи и, въ частности, значительное число учебнаго персонала,—фактъ, который имѣетъ очень большое значеніе для разсматриваемаго вопроса. Какъ бы то ни было, даже цифры переписи чрезвычайно важны для характеристики всей сложности этого вопроса въ Россіи съ точки зрѣнія господствующей школьной системы.

Въ самомъ дѣлѣ, эта система, хотя и признаетъ, что главною цѣлью народнаго образованія является «утвержденіе религіозныхъ и нравственныхъ понятій», и что религіозное обученіе должно входить въ школьный курсъ, какъ необходимый и даже важнѣйшій его элементъ, но даетъ этому принципу не столько религіозно-педагогическую, сколько *политическую* постановку. Со строгой послѣдовательностью проводя его по отношенію къ «государственной», «господствующей» православной церкви, дѣйствующая школьная си-

стема весьма легко отступаетъ отъ него и даже нарушаетъ его, по отношенію ко всѣмъ другимъ религіямъ, и эта непослѣдовательность, не выдерживающая никакой критики съ педагогической точки зрѣнія, какъ нельзя болѣе понятна съ той политически - миссіонерской точки зрѣнія, которой она единственно обусловливается. Однако, подобная двойственность, находившаяся въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ старымъ бюрократическимъ строемъ Россіи, едва ли уже можетъ быть отстаиваема безъ нарушенія самой элементарной справедливости даже при томъ «обновленномъ» строѣ, который явился пока результатомъ революціоннаго сдвига. Она нарушаетъ и начала равноправія гражданъ, и требованія свободы и равноправія вѣроисповѣданій, и чисто финансовыя интересы неправославнаго населенія, принужденнаго теперь оплачивать изъ своихъ средствъ распространеніе религіознаго обученія совершенно чуждаго ему вѣроисповѣданія. Исходя изъ принципа, который лежитъ въ основѣ дѣйствующей школьной системы, и оставаясь на чисто педагогической точкѣ зрѣнія, каждое изъ населяющихъ Россію вѣроисповѣданій, съ совершенно такимъ же правомъ, какъ и вѣроисповѣданіе православное, можетъ потребовать: чтобы соотвѣтствующее религіозное обученіе обязательно входило въ школьное образованіе всѣхъ дѣтей, чтобы это обученіе происходило при посредствѣ оплачиваемыхъ на общественный счетъ священнослужителей этого вѣроисповѣданія, и чтобы его представителямъ, наравнѣ съ представителями православія, было обезпечено участіе и вліяніе на общую систему завѣдыванія народнымъ образованіемъ. Легко себѣ представить, какія огромныя трудности представило бы такое послѣдовательное и одинаковое для всѣхъ вѣроисповѣданій, справедливое осуществленіе въ жизни господствующаго теперь въ интересахъ одного православія принципа. Въ цѣломъ рядѣ мѣстностей Россіи, при многочисленности и разнообразіи вѣроисповѣданій населяющихъ ее народностей, послѣдовательное проведеніе его совершенно неосуществимо; въ будущемъ же, при дальнѣйшемъ процессѣ развитія религіозной мысли и обостреніи того глубокаго внутренняго кризиса, который переживаетъ сама «господствующая» церковь, число такихъ мѣстностей должно еще болѣе увеличиваться, и районъ ихъ весьма легко и скоро можетъ распространиться на всю безъ исключенія страну. Такимъ образомъ, послѣдовательное развитіе отмѣченнаго принципа съ неизбѣжностью приводитъ или къ фактической его неосуществимости, или къ нарушеніямъ справедливости по отношенію къ тѣмъ или другимъ вѣроисповѣданіямъ. Но даже при полномъ и идеальномъ соблюде-

ни интересовъ всѣхъ вѣроисповѣданій, принципъ этотъ, во всякомъ случаѣ, нарушаетъ интересы всей той части населенія, которая держится строго позитивнаго міровоззрѣнія и не принадлежитъ ни къ одному изъ мистическихъ вѣроисповѣданій. Съ чисто педагогической же точки зрѣнія интересы этой группы населенія должны, разумѣется, пользоваться такимъ же признаніемъ и такимъ же уваженіемъ, какъ и интересы послѣдователей всевозможныхъ вѣроисповѣданій стараго типа.

Для того, чтобы вопросъ о взаимоотношеніи школы и церкви могъ получить правильное разрѣшеніе, его прежде всего необходимо очистить отъ всякихъ привходящихъ осложненій и поставить на надлежащую почву. Онъ долженъ быть признанъ тѣмъ, чѣмъ онъ, на самомъ дѣлѣ, только и является, то есть вопросомъ школы, который, какъ и всѣ остальные вопросы школы, долженъ быть разрѣшенъ съ точки зрѣнія научныхъ и педагогическихъ требованій. Стоитъ только перенести дѣло на эту единственно правильную почву, какъ старый, запутанный и трудный вопросъ сразу же становится какъ нельзя болѣе яснымъ и простымъ.

Отсылая интересующихся къ блестящему, глубокому освѣщенію разсматриваемаго вопроса, принадлежащему одному изъ величайшихъ естествоиспытателей и философовъ нашего времени Э. Геккелю ¹⁾, я ограничусь здѣсь только слѣдующими его немногими строками: «Друзья человѣчества должны всѣми силами содѣйствовать торжеству *неконфессіональной, свододной отъ церкви школы*, какъ одного изъ самыхъ дѣльныхъ учрежденій новѣйшаго, разумнаго государства». Таково мнѣніе естествоиспытателя, признающаго, однако же, что «если мы отбросимъ въ сторону мистическія догмы и сверхчувственные откровенія, останется, какъ драгоценное зерно истинной религіи, чистая и основанная на рациональной антропологіи мораль».

А вотъ выводъ, къ которому приходятъ люди, придающіе неизмѣримую цѣну именно этому «драгоценному зерну» религіи—заключенной въ ней морали. «Догматики каждой религіи», пишетъ одинъ изъ глубочайшихъ знатоковъ Библии, «обыкновенно утверждаютъ, что только ихъ вѣра истинная и что только ихъ священное писаніе есть истинное божественное откровеніе... Но такой догма-

¹⁾ См. Э. Геккель: „Міровыя загадки“, русское изданіе. Спб. 1906 г. (стр. 162, 157 и др.) и его же „Монизмъ, какъ связь между религіей и наукой“, Спб. 1907.

тизмъ закрываетъ людямъ глаза на возможность болѣе широкаго и надлежащаго пониманія всѣхъ религій міра и собственныхъ священныхъ книгъ. Тотъ, кто знаетъ одну только свою религію — не знаетъ никакой. Тотъ, кто знаетъ одну только священную книгу, не знаетъ въ сущности ни одной» ¹⁾).

Недавно въ Россіи опубликовано замѣчательное письмо Л. Толстого, посвященное тому же жгучему вопросу о роли религіи въ воспитаніи и школѣ. «Совершенное равнодушіе дѣтей къ религіознымъ вопросамъ и отрицаніе всякихъ религіозныхъ формъ безъ всякой замѣны какимъ либо положительнымъ религіознымъ ученіемъ, все-таки несравненно лучше еврейско-церковнаго обученія, хотя бы въ самыхъ усовершенствованныхъ формахъ», пишетъ великій художникъ и педагогъ.

Для полноты безпристрастнаго освѣщенія вопроса, мнѣ остается развѣ привести еще мнѣніе практическаго государственнаго дѣятеля. Знаменитымъ постановленіемъ 1869 г. высшаго судилища штата Висконсина, подобно постановленіямъ нѣкоторыхъ другихъ штатовъ, въ школахъ запрещено не только религіозное обученіе, но даже чтеніе библіи. Сдѣлано это на основаніи того параграфа конституціи штата, въ которомъ на его территоріи «не позволяется придавать образованію какой-либо сектантскій характеръ», а библія въ различныхъ религіозныхъ системахъ занимаетъ далеко не одно и то же мѣсто. «Первое лицо этого судилища говорило, что школа, какъ всякое общественное учрежденіе, должна быть godless (безъ Бога), т. е. чужда какъ атеистическихъ, такъ и религіозныхъ воззрѣній. «Позвольте религіи только разъ вмѣшаться въ гражданскія дѣла,—прибавилъ онъ,—и наше управленіе быстро придетъ въ замѣшательство. Позвольте ей хоть чѣмъ-нибудь заявить свои права на общественныя школы, и онѣ быстро погибнутъ» ²⁾).

Разсмотрѣніе вопроса о взаимоотношеніи школы и церкви съ научной и социальнo-политической точекъ зрѣнія приводитъ къ неизбѣжному выводу, что сожительство науки и религіи, школы и церкви — явленіе ненормальное. Школа должна быть признана совершенно независимымъ отъ религіи общественнымъ образовательнымъ учрежденіемъ, организація и весь строй котораго дол-

¹⁾ I. Сендерлендъ. Священные книги Ветхаго и Новаго завѣта. Русское изданіе. Спб. 1907 г., стр. 19.

²⁾ Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Русское изданіе, т. I. Спб. 1898, стр. 286.

жень быть сообразованъ исключительно съ требованіями науки и соціальной справедливости. Религія же по самому ея существу должна быть признана частнымъ дѣломъ каждаго, въ которомъ не должно быть мѣста никакимъ насиліямъ одного вѣроисповѣданія надъ другимъ или одной личности надъ другими. Достигнуть же этого возможно только при томъ условіи, если всѣ религіи и всѣ церкви будутъ поставлены въ одинаковыя условія свободнаго существованія и совершенно отдѣлены отъ какой бы то ни было связи съ государствомъ—разумѣется въ тѣхъ предѣлахъ, пока дѣятельность той или иной изъ нихъ не нарушаетъ общихъ законовъ, ограждающихъ права и свободу каждаго гражданина.

Признаніе религіи частнымъ дѣломъ приводитъ въ области народнаго образованія къ двумъ выводамъ. Во-первыхъ, вся организація общественнаго образованія должна быть сосредоточена исключительно въ рукахъ органовъ общественнаго управленія, въ которыхъ представителямъ религіи, какъ таковымъ, не должно быть мѣста. Само собой разумѣется, однако, что это требованіе отнюдь не заключаетъ въ себѣ отрицанія за вѣроисповѣдными организаціями права на просвѣтительную дѣятельность. Оно отрицаетъ за ними только право на то или иное участіе въ органахъ общественнаго управленія, дѣйствующихъ именемъ, на средства и по уполномочію всего населенія и облеченныхъ принудительной властью. Но оно отнюдь не отрицаетъ за ними права развивать какую угодно просвѣтительную дѣятельность въ порядкѣ частной инициативы, на ихъ собственные средства и въ предѣлахъ, установленныхъ общими законами.

Второй выводъ заключается въ признаніи, что въ курсѣ общественной школы преподаванія религіи не должно быть, что религіозное обученіе — не дѣло общественнаго управленія и ея школы, а исключительно дѣло вѣроисповѣдныхъ организацій, родителей и самихъ дѣтей, которое должно ими осуществляться внѣ общественной школы и независимо отъ нея. Единственная услуга религіи, которая допустима въ этомъ дѣлѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, со стороны общественной школы, — это предоставленіе своего помѣщенія для преподаванія религіи въ неучебное время. Но и эта услуга, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ нарушеніе основныхъ принциповъ строгой научности, на которыхъ должна строиться вся школьная система и можетъ быть допущена лишь въ качествѣ временной, переходной мѣры, если этого будетъ требовать мѣстное населеніе. Исключеніе

изъ курса общественной школы какого бы то ни было *догматическаго религіознаго обученія* отнюдь не означаетъ однако, что свободная отъ религіи, научно-поставленная школа не должна вовсе касаться религіозныхъ вопросовъ. Область науки охватываетъ всѣ отрасли міровой и человѣческой жизни; охватываетъ она также вопросы религіи, какъ одно изъ важныхъ явленій соціальной жизни и отнюдь не посягая на самую полную свободу религіозной жизни и религіозныхъ ученій она не можетъ однакоже отказаться отъ своей собственной свободы — подвергать ихъ безпристрастному научному изслѣдованію и изученію. Сравнительная исторія религіи и научное ученіе о нравственности составляютъ неотъемлемую часть соціологіи и должны входить въ курсъ школьнаго образованія. По школе пользуется не только чисто научными дисциплинами, а включаетъ также область искусства и литературы и съ этой стороны также не можетъ не пользоваться въ своихъ цѣляхъ такими великими историческими и литературными произведеніями, какими являются многія религіозныя книги.

Говоря о мѣстѣ, которое должно принадлежать вопросамъ религіи въ свободной, научно-поставленной школѣ, нельзя обойти молчаніемъ одной мысли, которая иногда выдвигается, какъ научное требованіе. Я имѣю въ виду утвержденіе, что религія—одинъ изъ фазисовъ жизни всего человѣчества и потому должна быть опредѣленнымъ фазисомъ также и въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. По этому вопросу, всецѣло относящемуся къ области біологіи и фізіологіи, я ограничусь здѣсь только двумя небольшими выдержками, достаточно характеризующими глубокую ошибочность и совершенную ненаучность указанной мысли. «Основные мысли біогенетическаго закона (что эволюція индивидуума есть краткая и быстрая рекапитуляція (повтореніе) эволюціи соотвѣтственнаго вида, т.-е. предковъ даннаго индивидуума) часто искажались, подвергались превратному толкованію и ложному примѣненію—въ особенности со стороны людей, не обладающихъ достаточной біологической подготовкой. Самую крупную ошибку дѣлаетъ та психологически-педагогическая школа, которая полагаетъ, что отдѣльный человѣкъ *долженъ* въ сокращенномъ масштабѣ продѣлать тотъ же путь развитія, который прошло все человѣчество въ своей эволюціи. Біологія, напротивъ, отдаетъ предпочтеніе тому методу, который самымъ быстрымъ и надежнымъ путемъ, не повторяя всѣхъ многообразныхъ уклоненій міровой эволюціи, ведетъ отдѣльнаго человѣка къ выс-

шему уровню современной духовной культуры»¹⁾. «То, что может быть унаследовано одним поколѣніемъ отъ другого, что можетъ быть физиологически врождено индивидууму, это ни добродѣтели, ни пороки, ни идеи и ассоціаціи ихъ и чувствъ, но исключительно орудіе, инструментъ, какъ мускульный, такъ и нервный — болѣе или менѣе усовершенствованные органы, посредствомъ которыхъ человѣкъ двигается, дышетъ, чувствуетъ, воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія и удерживаетъ ихъ, воображаетъ, судитъ, комбинируетъ, ассоціируетъ и охватываетъ чувства и идеи, которыя ни что иное, какъ тѣ же впечатлѣнія, внѣшнія и внутреннія, сгруппированныя и преобразованныя сначала въ конкретныя представленія, затѣмъ въ отвлеченныя понятія физиологической и, прибавимъ, совершенно безотчетной дѣятельностью мозга. Ассоціаціи идей и чувствъ, развитіе и преобразование которыхъ составляетъ интеллектуальную и моральную часть человѣческой исторіи, не опредѣляютъ какихъ-либо новыхъ органовъ человѣческаго мозга, относящихся къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, не могутъ быть переданы индивидуумамъ физиологической наслѣдственностью. Что наслѣдуется физиологически—это только усовершенствованная, укрѣпленная, развившаяся способность удерживать ассоціаціи и создавать новыя. Но самыя ассоціаціи и комплексъ идей, ихъ составляющихъ, какъ идея о Богѣ, о родинѣ, о нравственности и т. п., не могутъ быть врождены и передаются только путемъ соціальной традиціи и воспитанія. Они охватываютъ ребенка со дня его рожденія и, такъ какъ ими пропитана вся окружающая жизнь, всѣ мелочи, какъ моральной, такъ матеріальной сферы соціального міра, въ которомъ онъ рождается, то они проникаютъ тысячами путей въ его совѣсть, сначала дѣтскую, потомъ отроческую, юношескую, которая рождается, растетъ и формируется подъ ихъ всеильнымъ вліяніемъ»²⁾. Если это такъ, а естествознаніе подтверждаетъ это съ неоспоримой ясностью, то само собой разумѣется, что научно-поставленная школа не имѣетъ права вносить отъ себя въ душу ребенка то, что не согласуется съ научнымъ знаніемъ. Такимъ образомъ, должна быть отвергнута послѣдняя, якобы основанная на наукѣ, попытка отстоять закономѣрность оставленія религіи въ курсѣ общественной школы.

¹⁾ Мировыя загадки. Рѣчь проф. А. Ланга, стр. XVII.

²⁾ Федерализмъ, социализмъ и антитеологизмъ. Русское изданіе. Спб. 1907. стр. 97.

Признание религии частнымъ дѣломъ и исключение ея изъ курса общественной школы не только необходимо съ соціальной и научной точекъ зрѣнія, но представляется наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса также и съ точки зрѣнія каждаго искренно религіознаго человѣка, дорожащаго дѣйствительной, внутренней сущностью исповѣдуемаго имъ вѣроученія. Оно ни малѣйшимъ образомъ не посягаетъ на свободу его совѣсти, напротивъ, ограждаетъ ее отъ какого-либо посягательства или насилія извнѣ. Но, конечно, оно чрезвычайно непріятно для всѣхъ тѣхъ, которые давно выбросили за бортъ моральную сущность своихъ религіозныхъ ученій, замѣнивъ ее внѣшней обрядностью и заботятся не о своей религіозной свободѣ, а о томъ, чтобы захватить на свой пай побольше общенародныхъ средствъ, власти и внѣшняго почета. Каждый искренній религіозный человѣкъ, разумѣется, всегда будетъ стремиться къ тому, чтобы убѣдить и всѣхъ другихъ въ томъ, что онъ самъ считаетъ истиной. Но это вполне естественное стремленіе обезпечить своей вѣрѣ широкое распространеніе, понятно, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ внѣшнимъ, принудительнымъ и насильствующимъ надъ инако вѣрующими положеніемъ, котораго добиваются путемъ несомѣстимаго съ свободой совѣсти превращенія церкви въ государственную организацію со сложной іерархіей и съ атрибутами «свѣтской» принудительной власти. Представители такихъ «господствующихъ» церквей, конечно, не желаютъ разсматривать вопросъ о школѣ и религіи ни съ точки зрѣнія науки, ни съ точки зрѣнія искренней религіозной вѣры. Стремясь во что бы то ни стало удержать за собой всѣ выгоды своего «господствующаго» положенія, они не способны сойти въ этомъ вопросѣ съ привычной имъ почвы насилія и фарисейства и могутъ стоять только за «религіозную» школу. Но ихъ голосъ—не голосъ религіи, а интересы, которые руководятъ ими, не имѣютъ ничего общаго съ принципиальной точкой зрѣнія на вопросъ.

Въ виду кардинальной важности основного принципа, что преподаваніе религіи признается частнымъ дѣломъ и не можетъ входить въ курсъ общественныхъ учебныхъ заведеній, онъ долженъ быть включенъ въ органическій государственный законъ по народному образованію. Это требуется, какъ я старался показать, не только какъ необходимое условіе правильной постановки школы, но и какъ гарантія основного права всѣхъ гражданъ на свободу совѣсти.

Языкъ преподаванія и государственный языкъ.

На какомъ языкѣ должно производиться школьное преподаваніе? Достаточно только поставить этотъ вопросъ, чтобы каждый, разрѣшая его *для себя или для своихъ близкихъ*, далъ на него такой же отвѣтъ, какой дается и педагогикой: въ разумно поставленной школѣ преподаваніе должно происходить на родномъ, материнскомъ языкѣ того, кто пришелъ въ нее учиться. Это такая элементарнѣйшая изъ элементарныхъ истинъ педагогики, что, казалось бы, не стоить на ней и останавливаться. Однако, при современныхъ условіяхъ, педагогика сплошь и рядомъ находится въ такомъ подчиненіи у *политики*, что и эта истина, на ряду съ цѣлымъ рядомъ другихъ, нерѣдко представляется на практикѣ недосыгаемо-далекимъ идеаломъ, съ которымъ дѣйствительная жизнь не имѣетъ ничего общаго. Такъ именно обстоитъ это дѣло и у насъ въ Россіи. Во все продолженіе девятнадцатаго вѣка, когда складывалась дѣйствующая система народнаго образованія, не было ни одного момента, когда бы вопросъ о языкѣ преподаванія разсматривался и разрѣшался правительствомъ съ педагогической точки зрѣнія; для правительства это былъ только вопросъ политики, вопросъ «укрѣпленія русской государственности» и «руссификаціи» всѣхъ живущихъ на территоріи государства народностей и племенъ, говорящихъ не на русскомъ, или, точнѣе, не на великорусскомъ языкѣ. Плодомъ этой политики было насильственное уничтоженіе уже болѣе или менѣе сложившихся системъ національной школы у цѣлага ряда націй: поляковъ, литовцевъ, украинцевъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и т. д. Намѣстѣ національныхъ школъ, у всѣхъ «инородцевъ» водворилась казенная, чуждая народу, русская школа, изъ которой родной языкъ учащихся изгонялся не только въ учебные, но даже и въ неучебные часы. Настоящая же національная школа должна была прятаться въ подпольѣ и всячески преслѣдовалась.

Къ концу прошлаго вѣка, отъ системы руссификаціи уцѣлѣло только самое незначительное число національныхъ школъ, для уничтоженія которыхъ рука бюрократіи, несмотря на всѣ старанія, все еще оказывалась не достаточно сильной. Это были, главнымъ образомъ, вѣроисповѣдныя школы: магометанскія, еврейскія и нѣк. др. нельзя не отмѣтить одной, въ высшей степени характерной, черты этой системы: чѣмъ выше былъ культурный уровень націи, которую требовалось «руссифицировать», тѣмъ безпощаднѣе изгоняли родной языкъ изъ назначенныхъ для этой націи официальныхъ школъ. Съ такой же безпощадностью проводилась «руссификація» ближайшихъ къ великоруссамъ и по крови и по культурѣ украинцевъ и бѣлоруссовъ. Общій фонъ этой картины какъ будто нарушаетъ извѣстная «система Ильминскаго», составляющая до сихъ поръ гордость дѣятелей нашей церковной школы. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что она не идетъ въ разрѣзъ съ господствующей школьной политикой, но еще болѣе ее отгвняетъ. Система Ильминскаго цѣликомъ признаетъ конечныя цѣли этой политики, но находитъ, что средства для достиженія этихъ цѣлей избраны неудачныя. Признавая школу орудіемъ для распространенія русской государственности и православія, система Ильминскаго считаетъ, однако же, чрезвычайно важнымъ, чтобы школа использовала въ этихъ видахъ родной языкъ учащихся, какъ орудіе для изученія языка русскаго. Въ этомъ и состоитъ разница.

Превосходную характеристику правительственной системы по школьно-національному вопросу дали сами представители этой системы — члены созваннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1905 году «особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ»¹⁾. «Можно ли назвать педагогомъ того администратора, который декретируетъ изгнаніе изъ школы природной рѣчи дѣтей?» «Не пренебрегаетъ ли онъ общеизвѣстнымъ дидактическимъ правиломъ, что всякое новое свѣдѣніе, сообщенное дѣтямъ, должно прочно ассоціироваться со всѣмъ, что дѣти уже знаютъ?» «Почему учитель публичной школы, имѣющей передъ собою не безсловесныхъ младенцевъ, а отлично уже говорящихъ на природномъ языкѣ отроковъ, долженъ игнорировать эти ихъ знанія и вторично обращать ихъ изъ существъ словесныхъ въ безсловесныя?» «Не противорѣчитъ ли это всѣмъ положеніямъ и психологіи, и натуральной педагогики, которыя видятъ въ человѣкѣ и

¹⁾ См. изданные министерствомъ „Труды“ этого совѣщанія.

ученикъ извѣстнаго рода физико-психическій организмъ, развивающійся путемъ внутренняго роста, усвоенія воспринимаемыхъ впечатлѣній и ассоцірованія ихъ съ прежними, а не путемъ механическаго наслоенія позднѣйшаго на предыдущее и подавленія новымъ старого?»

Такіе вопросы ставили себѣ сановные педагоги министерства и не только ставили, но, какъ *педагоги*, давали на нихъ отвѣты, подъ которыми свободно подпишется всякій изъ насъ: «Можно признать доказаннымъ», заявляетъ, напримѣръ, предсѣдатель совѣщанія, г. Будилевичъ, «что сведеніе всѣхъ разнообразныхъ методовъ изученія чужихъ языковъ къ одному перстоуказательному есть преступное ограниченіе силъ и средствъ школы, которое не можетъ не отразиться какъ на результатахъ этого изученія, такъ и на общихъ воспитательно-образовательныхъ ея задачахъ»; «наблюденія и опыты, констатирующіе эти результаты, представляются настолько убѣдительными, что ихъ никакъ нельзя игнорировать, если мы не стремимся въ русско-инородческой школѣ къ систематическому оглубленію инородцевъ и, въ связи съ этимъ, къ искусственному вызову въ ихъ средѣ реакціи противъ такой школы, даже ненависти къ ней».

Однако, всѣ эти прекрасныя слова и безспорныя педагогическія истины безслѣдно испарились, какъ только члены совѣщанія приступили къ практическому дѣлу, ради котораго были собраны: «педагогика» осталась въ сторонѣ, во всѣ свои права вступила политика и какъ *правительственные чиновники* они сочинили такія новыя правила для «инородческихъ» школъ, которыя, какъ извѣстно, вызвали всеобщее негодованіе магометанскаго населенія. Вскорѣ эти правила пришлось пересматривать вновь, и въ 1907 году появились новыя правила о начальныхъ училищахъ для инородцевъ, которыми установлено, что «родной языкъ дѣтей въ первые два года обученія въ училищахъ для инородцевъ служить языкомъ преподаванія; въ слѣдующіе годы языкомъ преподаванія долженъ быть русскій языкъ, но родной языкъ учащихся остается и предметомъ обученія, и орудіемъ для облегченія преподаванія на русскомъ языкѣ прочихъ предметовъ».

По отношенію къ родному языку въ школьномъ преподаваніи, приведенныя правила представляются въ настоящее время максимумомъ уступокъ, сдѣланныхъ старымъ школьнымъ режимомъ, и ни одна изъ передовыхъ культурныхъ не-великорусскихъ націй не пользуется до сихъ поръ тѣмъ, что признано нужнымъ дать «ино-

родцамъ» въ специфическомъ смыслѣ этого слова. На основаніи изданныхъ за послѣдніе годы законовъ и циркулярныхъ разъясненій, для нихъ допущена пока только слѣдующая доза націонализаціи начальной школы. На Украинѣ пользованіе въ школахъ «малоросійскимъ нарѣчіемъ» допущено лишь «въ качествѣ вспомогательнаго средства на первыхъ порахъ обученія, при объясненіяхъ». Въ Прибалтійскомъ краѣ, «при однородномъ составѣ учащихся» разрѣшено въ первые два года вести преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ государственнаго языка, на природномъ языкѣ учащихся; въ послѣдующіе годы на государственномъ языкѣ должны преподаваться всѣ предметы кромѣ Закона Божія, церковнаго пѣнія и роднаго языка. При смѣшанномъ составѣ учащихся всѣ предметы, кромѣ трехъ послѣднихъ, должны преподаваться на государственномъ языкѣ. Въ Польшѣ, Западномъ краѣ, на Кавказѣ родной языкъ учащихся въ области допущенъ въ качествѣ языка преподаванія только при обученіи Закону Божію, мѣстному языку, церковному пѣнію; кромѣ того разрѣшено пользоваться имъ при обученіи ариѳметикѣ въ первыхъ двухъ классахъ. Въ дѣйствительности, однако, школы всѣхъ этихъ національностей далеко не пользуются роднымъ языкомъ даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ какихъ это предоставлено закономъ. Съ усиленіемъ реакціи, школьная администрація, вѣрная традиціямъ стараго режима, стала совершенно игнорировать новые законы и водворять въ школахъ старые порядки. Извѣстны, наприѣръ, такіе факты, что въ Прибалтійскомъ краѣ нѣкоторые инспектора народныхъ училищъ требуютъ, чтобы даже родной для учащихся эстонскій языкъ уже во второмъ полугодіи преподавался по русски!

Такимъ образомъ, въ настоящее время, изъ всего полутора ста милліоннаго населенія Россіи только одни великоруссы располагаютъ школой, которая удовлетворяетъ такому элементарному требованію педагогики, какъ преподаваніе на родномъ языкѣ учащихся. По даннымъ всероссійской переписи, всѣ языки, на которыхъ говоритъ населеніе Россіи, распадаются на 31 большую группу, при чемъ на долю великорусскаго языка приходится 44,3% всего населенія, на долю же остальныхъ языковъ и нарѣчій—значительное большинство—55,7%. Однако, эти среднія и общія данныя еще далеко не достаточны, чтобы получить полную картину того положенія, на фонѣ котораго приходится разсматривать въ Россіи школьно-національный вопросъ. При условіяхъ современнаго общественнаго быта, разумѣется, не можетъ быть ни одной, сколько-нибудь значительной

территоріи, населеніе которой было бы вполне однородно въ національномъ отношеніи. Но это общее для всѣхъ современныхъ государствъ условіе все-же является сравнительно не существеннымъ и, во всякомъ случаѣ, отступаетъ совершенно на второй планъ передъ тѣмъ или инымъ характеромъ распредѣленія населенія страны по основнымъ національнымъ группамъ. Въ этомъ отношеніи, разумѣется, существуетъ огромная разница между такими однородными въ національномъ отношеніи странами, какъ Франція, Италія, Англія, Швеція или Данія, съ одной стороны, и Турція, Австрія или Россія—съ другой. По разнообразію и количеству населяющихъ ее народностей—Россіи принадлежитъ едва-ли не одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ современныхъ государствъ. У насъ имѣются и очень обширные районы, заключающіе губерніи, почти сплошь населенныя одной какой-либо національностью (губерніи Велико-россійскія, Украина, Польша), и такія губерніи, гдѣ бокъ о бокъ живутъ различныя, приблизительно равныя въ количественномъ отношеніи, національности (Кавказъ, многія мѣстности Сибири и Европ. Россіи), и такія, гдѣ въ господствующей національности вкраплены оазисы другой (нѣмецкія колоніи), и, наконецъ, такія націи (евреи, отчасти армяне), которыя не имѣютъ опредѣленной территоріи и разсѣяны по всей странѣ. Такимъ образомъ, создавая свою систему народнаго образованія, Россіи приходится имѣть дѣло рѣшительно со всѣми сторонами и видами школьно-національнаго вопроса.

Для того, чтобы обезпечить нормальное разрѣшеніе этого, до чрезвычайности осложненнаго всевозможными привходящими обстоятельствами вопроса, необходимо твердо установить его сущность и ясно опредѣлить его рамки. Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе вопроса о школьномъ преподаваніи языковъ во всемъ его объемѣ, и для выясненія основныхъ принциповъ школьной организаціи необходимо коснуться только кореннаго вопроса о языкѣ преподаванія въ общественныхъ школахъ, съ одной стороны, и о преподаваніи мѣстныхъ и, такъ называемаго, государственнаго языка, съ другой. Первымъ, что необходимо твердо и безповоротно установить при разрѣшеніи этихъ вопросовъ, является признаніе, что они должны быть разсматриваемы исключительно съ точки зрѣнія охраны основныхъ правъ гражданъ и требованій педагогики, внѣ всякой зависимости отъ соображеній и интересовъ такъ называемой политики. Ни въ одномъ другомъ вопросѣ школьнаго дѣла вліяніе политики не вносило такихъ вопіющихъ насилій, такой путаницы, какъ именно по этому вопросу, сущность котораго сама по себѣ такъ элементарно проста.

Строго держась указанныхъ рамокъ и обращаясь прежде всего къ основному вопросу о языкѣ преподаванія, мнѣ приходится только еще разъ повторить, что и съ точки зрѣнія неотъемлемыхъ правъ личности и съ точки зрѣнія здоровой педагогики онъ допускаетъ только одно рѣшеніе: каждому гражданину должна быть обеспечена возможность получать образованіе на своемъ родномъ языкѣ въ общественныхъ школахъ всѣхъ степеней и категорій. Это—одна изъ такихъ основъ школьнаго дѣла, безъ которой немыслима нормальная его организація, которая одинаково дорога для всѣхъ націй, и потому она должна войти въ органическій государственный законъ по народному образованію. Простота этого основного принципа, однако, ничуть ни обусловливаетъ простоты и легкости его практическаго проведенія въ жизнь. Осуществленіе его не представляетъ никакихъ затрудненій только для тѣхъ мѣстностей, которыя населены одной національностью, въ мѣстностяхъ же со смѣшаннымъ населеніемъ изъ него вытекаетъ рядъ, въ высшей степени сложныхъ, задачъ. Принципъ «школа на родномъ языкѣ учащихся» прежде всего требуетъ, чтобы при наличности нѣсколькихъ національностей на территоріи одного органа мѣстнаго самоуправленія, организація школьной администраціи и школьной инспекціи также была основана на этомъ принципѣ. Во вторыхъ, онъ требуетъ, чтобы при смѣшанномъ составѣ населенія въ районѣ какой-либо школы и невозможности устроить для меньшинства общественную школу на его родномъ языкѣ, въ распоряженіе этого національнаго меньшинства предоставлялась соотвѣтствующая часть общественныхъ средствъ, которую оно могло-бы употребить на удовлетвореніе своей потребности въ образованіи. Однимъ изъ наиболѣе простыхъ и практичныхъ выходовъ для мѣстностей со смѣшаннымъ населеніемъ, по всей вѣроятности, явится учрежденіе такихъ общественныхъ школъ, въ которыхъ будутъ преподаваться для желающихъ всѣ безъ исключенія мѣстные языки, языкомъ же преподаванія, на основаніи рѣшенія большинства населенія будетъ избранъ какой-либо одинъ изъ нихъ. При отсутствіи всякаго насилія въ школьномъ дѣлѣ и при тѣсной жизненной связи между всѣми группами мѣстнаго населенія, принятіе такого рѣшенія въ огромномъ большинствѣ случаевъ едва-ли можетъ встрѣтить существенныя препятствія.

Что касается вопроса о «государственномъ» языкѣ, то въ разрѣшеніи его необходимо строго различать двѣ стороны: культурную и правовую. Каждому ясно огромное значеніе, которое имѣетъ знаніе какого-нибудь одного языка всѣми народностями, населяющими

государство и связанными вслѣдствіе этого множествомъ общихъ экономическихъ, политическихъ и культурныхъ интересовъ. Ясно также, что наиболѣе естественнымъ для даннаго государства, общимъ, «государственнымъ» языкомъ является языкъ, на которомъ говоритъ преобладающая въ немъ по численности народность. И то, и другое настолько элементарно, настолько необходимо и выгодно въ интересахъ всѣхъ безъ исключенія національностей государства, что неизбѣжно должно получить и самое полное принципиальное признаніе и самое широкое осуществленіе въ жизни. Отсюда вытекаетъ необходимость введенія въ школахъ на всей территоріи государства преподаванія государственнаго языка, какъ одного изъ предметовъ учебнаго курса національной школы каждой изъ населяющихъ государство народностей. Насколько можно судить по заявленіямъ, исходящимъ отъ представителей интересовъ тѣхъ народностей, которыя населяютъ Россію ¹⁾, ни одна изъ нихъ не отрицаетъ ни необходимости государственнаго языка, ни того, что такимъ языкомъ, естественно, долженъ быть признанъ великорусскій, ни того, наконецъ, что этотъ языкъ долженъ быть предметомъ преподаванія во всѣхъ школахъ государства.

Изъ признанія необходимости преподаванія въ школахъ государственнаго языка отнюдь, однако же, не вытекаетъ, что введеніе этого преподаванія должно быть сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ мѣстныхъ самоуправленій, а изученіе этого языка—обязательнымъ для всѣхъ учащихся. Напротивъ, внесеніе въ это дѣло принципа обязательности и вообще государственная его регламентація не вызываются ни основными принципами педагогики, ни общегосударственными интересами, ни практической необходимостью. Государство совершенно не должно вмѣшиваться въ эту область. Какъ введеніе, такъ и постановка преподаванія государственнаго языка должны быть предоставлены свободному самоопредѣленію органовъ самоуправления, во первыхъ, и учащихся, во вторыхъ. Регуляторомъ этого вопроса явится сама жизнь, и нѣтъ никакихъ оснований опасаться, что для нея здѣсь потребуются, какія бы то ни было, насильственные мѣры. Богатый историческій опытъ давно уже и съ полной очевидностью показалъ, что такія мѣры въ дѣйствительности не только не служатъ той цѣли сближенія разныхъ націй, во имя которой онѣ принимаются, но, напротивъ, поддерживаютъ

¹⁾ Хотя-бы въ лицѣ національныхъ учительскихъ союзовъ и національной прессы.

національную обособленность и развиваютъ ненависть къ насильно насаждаемому государственному языку. Неисчерпаемый источникъ такого опыта представляетъ собой и вся прошлая исторія народнаго образованія въ Россіи.

Здѣсь необходимо коснуться одного частнаго вопроса, по которому нерѣдко приходится встрѣчаться съ разногласіями въ такихъ кругахъ, которые всецѣло признаютъ общій основной принципъ «народная школа на родномъ языкѣ народа». Я имѣю въ виду вопросъ о, такъ называемыхъ, «некультурныхъ» народностяхъ. Говорятъ, что признать за «некультурными», отсталыми народностями свободу устроить свою національную школу—значитъ признать въ школьномъ дѣлѣ право на такую рутину, которая отодвинетъ его на нѣсколько столѣтій назадъ. Нетрудно, однако, раскрыть истинный характеръ подобныхъ опасеній. Прежде всего необходимо отмѣтить ихъ совершенную произвольность и необоснованность. Что такое «культурная» нація и что такое «некультурная»—точно и ясно опредѣлить невозможно: въ этой области не существуетъ разъ на всегда установленныхъ, всѣми одинаково понимаемыхъ мѣрокъ, не существуетъ здѣсь также никакой неподвижности, и всѣмъ извѣстны примѣры быстрой эволюціи «некультурныхъ» націй въ «культурныя» по европейской мѣркѣ. На нашихъ глазахъ въ Россіи какъ разъ совершается теперь глубокой процессъ національнаго пробужденія и быстрый ростъ культуры въ цѣломъ рядѣ населяющихъ ее народностей. Совершенно ясно, во всякомъ случаѣ, какой просторъ для произвола влечетъ за собой признаніе приведеннаго принципа. Но пусть даже будетъ установлено, что такая то народность представляется безспорно отсталой. Слѣдуетъ ли отсюда, что у нея нужно отнять право на національную школу и насаждать въ ней «культуру» насильственно, чуждой ей школой? Полагаемъ, что ни одинъ убѣжденный демократъ, ни одинъ педагогъ, вѣрный научнымъ принципамъ, не подастъ за это своего голоса. И тотъ, и другой должны отвергнуть обманчивое и опасное средство насилія, должны сказать, что дѣло просвѣщенія этой отсталой націи должно идти хотя и медленнымъ, но зато вѣрнымъ путемъ развитія и поднятія ея собственной національной школы. Къ тому же, при наличности общегосударственнаго органическаго закона по народному образованію, каждый гражданинъ, даже самой отсталой мѣстности, будетъ гарантированъ отъ того, что мѣстная общественная школа можетъ нарушить его основныя права въ области образованія.

Въ заключеніе изложенной схемы разрѣшенія въ Россіи школьно-національнаго вопроса, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ по поводу ссылки сторонниковъ обязательнаго для школъ государственнаго языка на американскую школу. Эти ссылки какъ нельзя болѣе характерны и для разсматриваемаго вопроса, и для школьныхъ государственниковъ. Прежде всего необходимо констатировать, что въ конституціи великой республики нѣтъ ни одного слова по этому предмету; вопросъ о языкѣ преподаванія, какъ и вся вообще организація школьнаго дѣла, всецѣло предоставленъ рѣшенію штатовъ. Такимъ образомъ, «государственный» языкъ не пользуется въ Америкѣ никакой охраной государственной «власти». Въ жизни же онъ, дѣйствительно, господствуетъ на всей территоріи этой великой свободной страны, въ которой мирно живутъ рядомъ другъ съ другомъ люди едва-ли не всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ національностей. Всѣ они — по собственной своей волѣ состоятъ ея гражданами, всѣ являются ея полноправными членами и, естественно, нуждаются въ общей для всѣхъ общественной школѣ и въ общемъ языкѣ. «Государственный» языкъ Америки никого не насилуетъ и нигдѣ не является орудіемъ національнаго угнетенія. Страна поэтому даже самая ссылка на Америку, когда идетъ рѣчь о современномъ Россійскомъ государствѣ, также, правда, насѣленнымъ гражданами «сорока-сороковъ» языковъ и націй, но такими, которые вступили въ Россійское государство не по собственной своей волѣ, которые не пользуются даже малой частью правъ и гарантій, принадлежащихъ каждому американскому гражданину, которые безъ мѣры и счета ознакомились со всѣми видами и національнаго и всякаго другого насилія. Давно пора освободить отъ національнаго насилія хотя бы школу и осуществить это дѣло рѣшительно, послѣдовательно и въ полномъ видѣ.

Это — необходимѣйшее условіе соціальнаго мира въ разноплеменной Россіи. Это — фундаментъ, на которомъ только и можетъ расти культурное сближеніе ея народностей, сліяніе ихъ въ одинъ мощный коллективъ, одинаково имъ всѣмъ нужный и близкій.

XIV.

Гарантіи равенства гражданъ въ системѣ общественной организаціи образованія.

Разъ наука и искусство являются продуктами общечеловѣческаго творчества, разъ установлено колоссальное значеніе ихъ для нормальнаго развитія общественной и личной жизни, разъ заботы о распространеніи ихъ признаны общественной обязанностью и включены въ область общественнаго хозяйства, необходимо признать, что система общественной организаціи образованія должна покоиться на принципѣ полного равенства гражданъ, какъ въ смыслѣ права на образованіе, такъ и въ смыслѣ возможности *фактически осуществить* это право. Всѣмъ и каждому должна быть обеспечена полная возможность получить свою долю изъ сокровищницы общечеловѣческаго знанія, свободно развить при его помощи свои способности и выйти на арену жизни во всеоружіи этого знанія.

Пока идетъ дѣло о теоретической постановкѣ вопросовъ образованія, едва ли кто-нибудь рѣшится оспаривать это элементарное требованіе социальной справедливости, на практикѣ же, въ дѣйствительной жизни, оно не только далеко еще отъ полного осуществленія, но сплошь и рядомъ уступаетъ мѣсто діаметрально противоположному принципу. Для ближайшаго освѣщенія вопроса необходимо, однако, обратиться къ отдѣльнымъ, конкретнымъ его сторонамъ.

А. Правовое равенство гражданъ въ области образованія.

Первымъ и самымъ элементарнымъ принципомъ, который долженъ быть осуществленъ въ системѣ общественной организаціи образованія, основанной на равенствѣ всѣхъ гражданъ, является признаніе этого равенства въ правовомъ отношеніи. Всѣмъ безъ исключенія гражданамъ, безъ различія пола, сословіи и вѣроисповѣданій, должны

быть обеспечены одинаковыя права: во первыхъ, на поступленіе во всѣ общественныя учебныя заведенія въ качествѣ учащихся, во вторыхъ, на приложеніе въ нихъ своего труда въ качествѣ воспитателей и педагоговъ. Само собой разумѣется, конечно, что равенство правъ гражданъ въ той и въ другой области не только не противорѣчить, но прямо основано на соблюденіи общихъ условій, установленныхъ для дѣятельности общественныхъ учебныхъ заведеній (напр., опредѣленный возрастъ учащихся на той или иной ступени школьнаго обученія, опредѣленный образовательный цензъ для учащихся и т. д.).

Вмѣстѣ съ дѣйствительной побѣдой началъ политической свободы и основныхъ правъ личности, юридическая сторона принципа равенства гражданъ въ области образованія получаетъ все болѣе и болѣе полное признаніе въ школьныхъ системахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Далекое не всѣ онѣ, однако, уже освободились отъ тѣхъ или иныхъ пережитковъ началъ политическаго неравенства. Что касается Россіи, то въ ея современномъ школьномъ строѣ такіе пережитки играютъ еще огромную роль. Главнѣйшими изъ нихъ являются: ограниченія въ правѣ учиться и учить въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, установленныя для евреевъ, неправославныхъ и женщинъ; содержаніе на государственныя счеты особо-привилегированныхъ и сословныхъ учебныхъ заведеній и нѣкот. др. Всѣ подобныя ограниченія и привилегіи совершенно несомвѣстимы съ такой системой общественнаго образованія, которая основывается на началахъ научнаго знанія и соціальной справедливости. Къ какимъ бы категоріямъ по полу, сословіямъ, вѣроисповѣданіямъ и соціальному состоянію не принадлежали граждане, всѣмъ имъ должны быть гарантированы, въ рамкахъ общихъ условій школьной организаціи, совершенно равныя права учиться и учить во всѣхъ общественныхъ заведеніяхъ. Такое юридическое равенство гражданъ въ области образованія составляетъ необходимое, универсальное условіе правильнаго строя всей школьной системы и должно быть гарантировано государственнымъ органическимъ закономъ по народному образованію.

Б. Бесплатность образованія въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Самое полное осуществленіе принципа юридическаго равенства гражданъ въ области образованія, однако, далеко еще не обеспечиваетъ фактическаго равенства ихъ въ возможности пользоваться си-

стемой общественнаго образованія. Современный строй съ его рѣзкой соціальной дифференціаціей, разумѣется, создаетъ въ этомъ отношеніи для различныхъ слоевъ населенія далеко не одинаковыя условія. Въ то время, какъ господствующіе состоятельные классы могутъ предоставить своимъ дѣтямъ возможность спокойно и долго учиться, дѣти обездоленныхъ рабочихъ массъ этой возможности не имѣютъ и принуждены или довольствоваться жалкими обрывками знанія, или оставаться безъ всякаго образованія. Система общественнаго образованія не можетъ не считаться съ соціальными условіями жизни населенія и должна заключать рядъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію въ области образованія искажающаго вліянія этихъ условій.

Первой такой мѣрой является установленіе полной бесплатности образованія во всѣхъ безъ исключенія общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ какъ низшихъ, такъ и высшихъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ профессиональныхъ и специальныхъ. Съ соціальной точки зрѣнія, значеніе бесплатности образованія крайне элементарно и сводится къ устраненію изъ школьной системы оплачиваемости знанія, имѣющей далеко не одинаковое значеніе для различныхъ слоевъ населенія и углубляющей различіе ихъ жизненныхъ условій.

Принципъ бесплатности образованія уже получили у насъ почти всеобщее признаніе въ области общаго элементарнаго образованія; онъ принятъ здѣсь и земской практикой, хотя и не безъ нѣкоторыхъ исключеній. Въ области средняго и высшаго образованія у насъ всецѣло господствуетъ принципъ платы за ученіе, и широкое общественное мнѣніе вплоть до разгара освободительнаго движенія, высказывалось не противъ этого принципа въ его сущности, а только противъ той системы высокой платы за ученіе, которая практиковалась правительствомъ въ политически-охранительныхъ видахъ. Лишь освободительное движеніе поставило этотъ важный вопросъ школьной организаціи во всей его принципиальной глубинѣ.

Въ виду всего сказаннаго въ предыдущемъ изложеніи, мнѣ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на доводахъ тѣхъ защитниковъ платы за ученіе, которые видятъ въ ней средство вліять на соціальны составъ учащихся и, слѣдовательно, будущей интеллигенціи страны, а также не допускать «перепроизводства» этой интеллигенціи. Эти взгляды, правда, до сихъ поръ лежатъ въ основѣ господствующей школьной системы, но не имѣютъ уже опоры въ широкомъ общественномъ мнѣніи и не нуждаются въ критикѣ съ точки зрѣнія совершенно чуждыхъ имъ по существу принциповъ

соціальной справедливости, интересовъ науки и образованія. Я ограничусь разборомъ только тѣхъ соображеній въ пользу сохраненія платы за ученіе, которыя имѣютъ еще вѣсь въ глазахъ нѣкоторыхъ круговъ искреннихъ сторонниковъ образованія. Всѣ они, въ сущности, носятъ завѣдомо компромиссный характеръ и относятся къ финансовой области.

Утверждаютъ, что введеніе полной бесплатности обученія на всѣхъ стадіяхъ образованія совершенно непосильно для государства и органовъ мѣстнаго самоуправленія при настоящемъ положеніи Россіи. Полагаютъ также, что нѣтъ серьезныхъ основаній отказываться отъ платы съ тѣхъ, которые въ состояніи ее вносить, и что вредное вліяніе платы за ученіе можетъ быть парализовано освобожденіемъ отъ нея неимущихъ и мѣрами благотворительности—выдачей стипендій, взносами обществъ вспомошествованія учащимся и т. д. Что касается перваго довода, то объ этой пресловутой «непосильности» я уже имѣлъ случай высказаться выше. Здѣсь же умѣстно будетъ спросить: если для современныхъ учреждений посылно не брать платы за ученіе съ миллионѣвъ учащихся въ народныхъ школахъ, то почему непосильно для нихъ отказаться отъ платы за ученіе съ гораздо меньшаго числа учащихся въ среднихъ, высшихъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ?

Необходимо замѣтить, что во всѣхъ безъ исключенія учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія взиманіе платы за ученіе даетъ около 20 миллионѣвъ рублей—цифра, не имѣющая серьезнаго значенія въ сопоставленіи съ тѣми огромными суммами, въ которыхъ исчисляются предстояція странѣ неизбѣжныя затраты на надлежащую организацію народнаго образованія. Во всякомъ случаѣ, странно говорить о непосильности этой суммы, когда признаются посылными для русскаго народа миллиардные затраты на войну и многія сотни миллионѣвъ ежегодныхъ расходовъ на войско, флотъ, полицію и т. д.

Оставляя въ сторонѣ соображенія о финансовой «непосильности», нѣкоторые доказываютъ, что при настоящихъ условіяхъ средними и высшими школами можетъ пользоваться не вся масса населенія, а лишь сравнительно состоятельное меньшинство, которое и должно быть за это облагаемо платой за ученіе. Однако, не трудно видѣть, что для удовлетворенія соціальной справедливости нѣтъ ровно никакой надобности въ этой специальной платѣ, и совершенно достаточно введенія общей подоходной системы финансоваго обложенія. Какъ бы незначительна ни была плата за ученіе, во всякомъ слу-

чаѣ она не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ лишнимъ тормазомъ для широкаго развитія образованія, не можетъ не ограничивать слоя населенія, для котораго доступны высшія его ступени. Что же касается частной благотворительности, то при системѣ платы за ученіе средства ея, назначенныя на помощь образованію неимущихъ, расходуются наименѣе продуктивно: вмѣсто того, чтобы идти на свою непосредственную цѣль и давать недостаточнымъ средства къ жизни во время ученія, они поступаютъ въ кассы учебныхъ заведеній, въ видѣ платы за одно только голое право учиться въ нихъ.

Нѣкоторымъ система платы за ученіе представляется въ роли своеобразнаго регулятора школьнаго дѣла, гарантирующаго среднія и высшія школы отъ такого наплыва учащихся, при которомъ существующихъ учебныхъ заведеній окажется мало, а для созданія новыхъ не будетъ средствъ. Но если и признавать, что народъ, дѣйствительно, не въ силахъ удовлетворить всѣхъ желающихъ учиться въ среднихъ и высшихъ школахъ, то все же невозможно выдвигать плату за ученіе, какъ одинъ изъ факторовъ для отбора учащихся въ этихъ школахъ. Въ случаяхъ недостатка школъ, необходимо принимать дѣтей по способностямъ, по старшинству лѣтъ, наконецъ, по жребію, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не по признаку большей или меньшей толщины кармановъ у ихъ родителей.

Ученіе въ общественномъ учебномъ заведеніи—не товаръ, подлежащій куплѣ и продажѣ, и не благодѣяніе, подлежащее специальной оплатѣ, а право каждого гражданина, удовлетвореніе котораго составляетъ обязанность общества, и на пути къ осуществленію котораго не должно воздвигаться никакихъ препятствій. Полная бесплатность обученія во всѣхъ безъ исключенія общественныхъ учебныхъ заведеній должна поэтому быть признана однимъ изъ основныхъ принциповъ демократической системы общественной организаціи образованія. Въ виду универсальности этого принципа, онъ долженъ войти въ государственный органическій законъ по народному образованію.

В. Бесплатное снабженіе учащихся въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ учебниками и учебными пособіями.

Обученіе въ учебномъ заведеніи требуетъ, чтобы каждый учащійся былъ обезпеченъ извѣстнымъ количествомъ учебниковъ и учебныхъ пособій. Однако, затраты, необходимыя для ихъ приобрѣ-

тенія, представляются далеко не одинаково легкими для родителей всѣхъ учащихся, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ онѣ могутъ оказаться и вовсе недоступными. Между тѣмъ, для успѣха обученія и нормального строя каждой школы, необходимо, чтобы въ этомъ отношеніи всѣ учащіеся были поставлены въ одинаковыя условія, а это можетъ быть достигнуто только тогда, когда всѣ безъ исключенія учащіеся будутъ на общественный счетъ снабжаться всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго ученія: учебниками, пособиями, учебными матеріалами и т. д. Въ земскихъ начальныхъ школахъ это давно уже получило почти повсемѣстное распространеніе, но въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ (среднихъ, высшихъ, специальныхъ) это начало у насъ не проведено, и большую часть учебниковъ и пособій учащіеся должны здѣсь пріобрѣтать на собственные средства. Благодаря этому, въ школахъ сплошь и рядомъ оказываются учащіеся, не имѣющіе достаточныхъ для этого средствъ и потому поставленные въ болѣе или менѣе неблагоприятныя, по сравненію съ своими состоятельными товарищами, условія ученія. Подобная неравномѣрность, разумѣется, въ правильно поставленной общественной школѣ недопустима, и потому принципъ бесплатнаго снабженія всѣхъ учащихся на общественныя средства необходимыми для ученія учебниками, пособиями и матеріалами долженъ быть распространенъ на всѣ безъ исключенія общественныя учебныя заведенія. Полное осуществленіе этого принципа не только окажетъ существенное вліяніе на педагогическую сторону дѣла, но и приведетъ въ концѣ концовъ къ значительной экономіи средствъ, вслѣдствіе массовой заготовки учебниковъ и пособій.

Г. Снабженіе учащихся на общественный счетъ необходимой одеждой и пищей.

При существующемъ социальномъ строѣ, далеко не всѣ родители имѣютъ возможность снабдить своихъ учащихся дѣтей на собственные средства не только учебниками, но даже необходимой одеждой и обувью и сколько-нибудь достаточной пищей. Многочисленныя изслѣдованія о причинахъ пропуска уроковъ дѣтьми, учащимися въ народныхъ школахъ, показываютъ, что недостатокъ одежды и обуви играетъ въ этомъ отношеніи очень видную роль. Не мало совершенно безспорныхъ данныхъ имѣется также и о наличности въ школахъ дѣтей голодныхъ или полуголодныхъ. Однако, для устраненія этихъ тормазовъ на пути къ развитію народнаго об-

разованія еще почти ничего не сдѣлано. Помощь недостаточнымъ учащимся въ этомъ отношеніи обыкновенно возлагается на частную благотворительность и составляетъ одну изъ задачъ обществъ вспомоществованія учащимся. Но средства этихъ обществъ очень невелики и, разумѣется, не могутъ удовлетворить даже и малой доли нужды. Въ послѣдніе годы появились первыя слабыя попытки борьбы съ нею общественными средствами: нѣкоторыми земствами ассигнуются небольшія средства на приобрѣтеніе нуждающимся учащимся народныхъ школъ теплой одежды и обуви, нѣкоторыми земствами и городами ассигнуются средства на устройство школьныхъ завтраковъ. Къ этой же категоріи мѣропріятій слѣдуетъ отнести новый фазисъ въ системѣ общественныхъ стипендій учащимся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. До послѣдняго времени такія стипендіи или выдавались дѣтямъ служащихъ и, такимъ образомъ, являлись одной изъ формъ дополнительнаго содержанія ихъ, или имѣли цѣлью подготовку для общественной службы тѣхъ или другихъ специалистовъ и обуславливались обязательствомъ отслужить за получаемую стипендію опредѣленное число лѣтъ. Рядомъ съ этими двумя формами земскихъ и городскихъ стипендій, въ послѣдніе годы стали появляться стипендіи болѣе выдающимся учащимся народныхъ школъ, выдаваемые имъ для продолженія образованія и не обусловленные никакими обязательствами. Въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ существуютъ также правительственныя стипендіи, которыя принадлежатъ къ одному изъ трехъ намѣченныхъ типовъ и носятъ, въ общемъ, благотворительный характеръ.

Всѣмъ извѣстно, однако, что ни частная благотворительность, ни общественныя ассигновки на помощь нуждающимся учащимся, ни общественныя и правительственныя стипендіи не въ состояніи не только уничтожить, но даже сколько-нибудь замѣтно ослабить то значеніе, которое имѣютъ для дѣла народнаго образованія рѣзкія различія въ экономическомъ благосостояніи различныхъ слоевъ населенія. Благодаря нуждѣ, множество дѣтей вовсе не имѣютъ возможности попасть въ школу, благодаря нуждѣ множество учащихся терпятъ во время ученія всевозможныя лишенія, благодаря нуждѣ множество учащихся покидаютъ школу ранѣе окончанія курса и не имѣютъ возможности продолжать свое образованіе, благодаря нуждѣ гложетъ, такимъ образомъ, масса природныхъ способностей и гибнетъ множество талантовъ...

Школа и школьная организація сталкиваются здѣсь, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ самой сущностью современнаго со-

ціального строя. Понятно, что пока существуетъ этотъ строй, радикальное освобожденіе школы отъ его искажающаго вліянія невозможно и рѣчь, слѣдовательно, можетъ идти здѣсь только о томъ, чтобы болѣе или менѣе парализовать хотя бы наиболѣе рѣзкія проявленія этого вліянія. Разъ полученіе образованія признается неотъемлемымъ правомъ каждаго гражданина и удовлетвереніе этого права возлагается на обязанность общества, то необходимо признать также, что каждому ребенку, получающему образованіе, родители котораго не въ состояніи обезпечить ему во время обученія минимальныхъ средствъ къ существованію, эти средства должны быть обезпечены органами общественнаго управленія. Оставляя этотъ вопросъ въ такихъ рамкахъ, которыя представляются практически осуществимыми въ ближайшемъ будущемъ, я думаю, что онъ выдвигаетъ на очередь, главнымъ образомъ, двѣ мѣры: во-первыхъ, снабженіе неимущихъ учащихся на общественный счетъ теплой одеждой и обувью, необходимыми для возможности посѣщенія школы и въ холодное время года; во-вторыхъ, устройство въ школахъ на общественный же счетъ горячихъ завтраковъ, которые для бѣднѣйшей части учащихся явятся, можетъ быть, главнымъ средствомъ для поддержанія физическихъ силъ и будутъ въ то же время играть очень видную роль въ нормальной постановкѣ всего вообще школьнаго режима. Наиболѣе полное развитіе обѣ эти мѣры должны получить въ элементарныхъ общеобразовательныхъ школахъ, обслуживающихъ всю массу населенія. Но и на слѣдующихъ ступеняхъ школьной системы необходимо развитіе общественныхъ мѣръ въ томъ же самомъ направленіи—для обезпеченія всѣхъ нуждающихся учащихся минимальными средствами существованія.

Заботы объ этой сторонѣ школьнаго дѣла, естественно, должны быть всецѣло предоставлены инициативѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія и школьнымъ комитетамъ. Нѣтъ сомнѣній, что въ ближайшемъ будущемъ видная роль въ этой области должна будетъ принадлежать также различнымъ проявленіямъ частной инициативы и частной благотворительности. Касаться этого вопроса въ государственномъ органическомъ законѣ по народному образованію было бы пока несвоевременно.

Д. Законодательная охрана свободы школьнаго возраста.

При современныхъ социальнo-экономическихъ условіяхъ, дѣти различныхъ классовъ населенія поставлены въ далеко не одинаковыя условія не только въ смыслѣ пищи и одежды. Дѣти состоятельныхъ классовъ проводятъ свои дѣтскіе годы, пользуясь полной свободой, и могутъ учиться, не отвлекаясь никакими обязанностями. Дѣти рабочихъ и крестьянъ уже съ ранняго возраста принимаютъ участіе въ тяжеломъ трудѣ ради заработка, и широкая эксплуатація дешеваго дѣтскаго труда является, какъ извѣстно, одной изъ характернѣйшихъ тенденцій капиталистическаго хозяйства. Здѣсь не мѣсто касаться экономической и санитарно-гигіенической сторонъ этого важнаго вопроса современной жизни, но его невозможно обойти и съ точки зрѣнія правильной организаціи общественнаго образованія. Каждому ребенку, къ какому бы слою населенія онъ не принадлежалъ, должна быть обеспечена свобода того времени, которое необходимо для полученія образованія. Это начало въ значительной степени признается уже и дѣйствующимъ у насъ законодательствомъ, сущность котораго сводится къ слѣдующему. На заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ дѣти моложе 12 лѣтъ къ работамъ не допускаются вовсе, а дѣти отъ 12 до 15 лѣтъ не могутъ быть занимаемы работой болѣе 8 часовъ въ сутки, не включая времени, потребнаго на завтракъ, обѣдъ, ужинъ, посѣщеніе школы и на отдыхъ; порядокъ обученія малолѣтнихъ рабочихъ устанавливается по взаимному соглашенію между фабричною инспекціей и директоромъ народныхъ училищъ. Служащіе въ торговыхъ заведеніяхъ, складахъ и конторахъ, не достигшіе 17 лѣтъ, должны освобождаться ежедневно въ будніе дни для посѣщенія школъ только на 3 часа. Такое же постановленіе дѣйствуетъ и по отношенію къ служащимъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Относительно же освобожденія времени для посѣщенія школъ служащими въ сельскохозяйственныхъ экономіяхъ и находящимися въ личномъ услуженіи, въ нашемъ законодательствѣ никакихъ постановленій не имѣется. Не трудно видѣть, что съ точки зрѣнія правильной постановки народнаго образованія приведенныя постановленія нашего закона нуждаются въ существенныхъ дополненіяхъ.

Для того, чтобы свобода школьнаго возраста была, дѣйствительно, обеспечена въ достаточной полнотѣ и всѣмъ гражданамъ, въ основу законодательства по этому вопросу должны быть положены слѣдующія начала. Исходной точкой его должна быть при-

знана установленная школьная система; рамками школьной системы должны опредѣляться и рамки законодательства по охранѣ дѣтскаго возраста. Далѣе, необходимая для школьнаго образованія свобода дѣтскаго возраста должна быть одинаково охраняема во всѣхъ безъ исключенія видахъ наемнаго труда: на фабрикахъ, заводахъ, въ торговлѣ, въ ремесленной промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ наймѣ для личныхъ услугъ и т. д. Понятно, что въ зависимости отъ частныхъ и мѣстныхъ условий различныхъ видовъ наемнаго труда, одни и тѣ же основныя начала потребуютъ, можетъ быть, различныхъ частныхъ видоизмѣненій нормировки. Что касается самой организаціи школьнаго образованія, то необходимо совершенно отказаться отъ принятаго дѣйствующимъ у насъ законодательствомъ стремленія возложить это дѣло на обязанность предпринимателей, пользующихся трудомъ тѣхъ дѣтей, объ образованіи которыхъ законъ заботится. Эта система уже съ полной ясностью обнаружила всю свою несостоятельность на практикѣ, съ принципиальной же точки зрѣнія она совершенно не соотвѣтствуетъ основнымъ началамъ правильной организаціи общественнаго образованія. Организація школьнаго образованія дѣтей рабочихъ и дѣтей, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, должна находиться въ рукахъ тѣхъ же органовъ общественнаго управленія и должна быть построена на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ и вся вообще система общественнаго образованія въ странѣ. Если по этому вопросу и могутъ быть разногласія, то исключительно на той же злополучной финансовой основѣ. Но и въ этой области, какъ во всѣхъ остальныхъ, финансовыя соображенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ оправдывать искаженій принципиальной постановки дѣла; финансовыя соображенія должны играть роль только въ финансовой же области и обусловливать собой то или другое видоизмѣненіе въ общей системѣ финансоваго хозяйства.

Охрана свободы школьнаго возраста составляетъ одну изъ важнейшихъ гарантій правильной организаціи общественнаго образованія, и основныя начала этой охраны должны поэтому войти въ органической государственной законъ по народному образованію. Развитие же этихъ основныхъ началъ въ примѣненіи къ различнымъ частнымъ и мѣстнымъ условіямъ должно быть предоставлено мѣстному законодательству.

Е. «Всеобщность» и обязательность образования.

Термины «всеобщность» и «обязательность» образования давно уже сдѣлались у насъ ходячими, но далеко нельзя сказать, чтобы они одинаково всѣми понимались.

Подъ крайне неточнымъ и неудовлетворительнымъ терминомъ «всеобщности» образования понимается обыкновенно общедоступность или достаточность школъ въ количественномъ отношеніи. Однако, и эти понятія даютъ недостаточно точное выраженіе тому принципу, который въ нихъ выражается, и сущность котораго сводится собственно къ признанію за каждымъ гражданиномъ права на образованіе. Въ соотвѣтствіи съ основными принципами излагаемой системы общественнаго образования, конкретное содержаніе этого права должно состоять въ слѣдующемъ. Всѣ граждане имѣютъ равное право на общественное образованіе, и каждый изъ нихъ, *желающій* учиться или учить свое дитя, долженъ имѣть возможность осуществить это желаніе; на органахъ общественнаго управленія должна, слѣдовательно, лежать обязанность открыть и содержать столько общественныхъ учебныхъ заведеній, сколько необходимо для удовлетворенія всѣхъ, желающихъ ими пользоваться. Здѣсь идетъ рѣчь о такомъ важномъ правѣ гражданъ и о такой естественной обязанности органовъ общественнаго управленія, что ихъ необходимо распространить на всѣ отрасли общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, начиная съ элементарной школы и кончая университетомъ. Необходимость осуществленія этого принципа въ школьномъ дѣлѣ давно уже получила у насъ широкое общественное признаніе.

Насущнѣйшіе общественные и личные интересы приводятъ, однако, государство не только къ необходимости гарантировать гражданамъ ихъ право на образованіе въ изложенномъ смыслѣ, но и къ установленію для всей территоріи государства того минимума образования, полученіе котораго должно быть обезпечено *всѣмъ* гражданамъ, безотносительно къ тому, сколько изъ нихъ въ данный моментъ фактически заявляютъ о своемъ желаніи получить это образованіе. Это и будетъ собственно всеобщностью образования, реальное содержаніе котораго сводится, такимъ образомъ, къ признанію, что органы мѣстнаго самоуправленія обязаны открыть такое количество общественныхъ школъ, дающихъ установленный минимумъ общаго образования, и такъ распредѣлить эти школы тер-

риториально, чтобы *вся дѣти* населенія, живущаго на этой территоріи, могли безъ всякихъ внѣшнихъ препятствій посѣщать ихъ. О всеобщности образованія въ такомъ смыслѣ для ближайшаго будущаго, разумѣется, можно говорить только въ примѣненіи къ элементарному общему образованію, и введеніе всеобщаго начальнаго обученія, дѣйствительно, является теперь въ Россіи одной изъ самыхъ важныхъ очередныхъ задачъ. Необходимо, однако, замѣтить, что какъ въ разсужденіяхъ по поводу этой реформы, такъ и въ планахъ тѣхъ практическихъ мѣропріятій со стороны земствъ и городовъ, которыми она уже частично осуществляется въ жизни, далеко не всегда еще съ необходимой полнотой соблюдается принципъ: столько школъ, сколько нужно *для всѣхъ безъ исключенія* дѣтей школьнаго возраста. Между тѣмъ, онъ долженъ лежать въ основѣ всей реформы, и только тогда она будетъ построена на прочной почвѣ. Всякія «поправки» къ нему, вытекающія обыкновенно изъ опасеній «непосильности» дѣла во всемъ его объемѣ и изъ якобы «практическихъ» соображеній, на самомъ дѣлѣ могутъ только исказить нормальное разрѣшеніе вопроса, и при ближайшемъ анализѣ неизмѣнно оказываются невыдерживающими критики. Цѣлый рядъ такихъ «поправокъ» (въродѣ исчисленія процента дѣйствительно поступающихъ въ школы дѣтей, исключенія большей части дѣвочекъ и т. д.) опровергнуты въ послѣдніе годы самой жизнью, быстрое эволюціонированіе которой онѣ прежде всего упускаютъ изъ вида.

Формулированіе тѣхъ нормъ, которыя должны обезпечить нашей странѣ, на всей ея территоріи, общедоступность и всеобщность образованія въ обоихъ, изложенныхъ только-что, направленіяхъ, должно, разумѣется, войти въ составъ государственнаго органическаго закона по народному образованію.

Для того, чтобы достигнуть дѣйствительной всеобщности образованія недостаточно, разумѣется, воздвигнуть столько школьныхъ зданій, чтобы они могли вмѣстить всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Необходимо еще добиться того, чтобы имѣющіяся школьныя мѣста были, на самомъ дѣлѣ, всѣ заполнены учащимися, чтобы ни одинъ ребенокъ не остался внѣ школы въ свои школьныя годы. Выше я уже останавливался на пѣломъ рядѣ мѣропріятій, которыя должны способствовать достиженію этой цѣли. Однако, всѣ они носятъ отрицательный характеръ и направлены къ устраненію препятствій на пути къ полученію образованія. Является вопросъ, нужны ли еще какія-нибудь мѣры для успѣшнаго достиженія той же цѣли,нося-

ція уже другой, положительный характеръ, т.-е. прямо направленные къ заполненію школъ дѣтьми.

Необходимость одной категоріи такихъ мѣръ понятна сама собой и ни съ чьей стороны не возбуждаетъ никакихъ возраженій, это— всевозможные виды пропаганды важности и пользы образованія, какъ среди родителей, такъ и среди дѣтей. Есть мнѣніе, горячо отстаивающее ту мысль, что въ дѣлѣ образованія дальше идти никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что стремленіе къ образованію является совершенно естественной потребностью каждаго человѣка и нужно только устранить всѣ препятствія къ ея удовлетворенію, что вводить въ дѣло образованія элементъ принудительности невозможно; отсюда дѣлается заключеніе, что принципъ обязательности образованія долженъ быть рѣшительно и самымъ категорическимъ образомъ отвергнутъ. Разсматривая вопросъ съ чисто педагогической точки зрѣнія, дѣйствительно, невозможно оспаривать того, что нормальная постановка обученія и внѣшняя принудительность—вещи, другъ друга исключаютъ и, во всякомъ случаѣ, другъ другу противорѣчающія. Но этого еще далеко недостаточно для того, чтобы принципиально осудить обязательность образованія. Дѣло въ томъ, что этотъ вопросъ никоимъ образомъ нельзя трактовать съ одной педагогической точки зрѣнія, которую, на самомъ дѣлѣ, онъ менѣ всего затрагиваетъ. Противники обязательности совершенно правы, когда говорятъ, что образованіе составляетъ такую же естественную потребность всякаго нормальнаго человѣка, какъ потребность въ чистомъ воздухѣ, въ достаточной пищѣ, въ умѣренномъ физическомъ трудѣ. Но на пути къ удовлетворенію этой естественной потребности современный социальный строй воздвигаетъ не менѣ препятствій, чѣмъ и къ удовлетворенію всѣхъ другихъ естественныхъ потребностей огромнаго большинства населенія: эти препятствія коренятся въ цѣломъ рядѣ обстоятельствъ экономическаго и бытового характера, въ косности огромныхъ круговъ населенія, въ крайне низкомъ уровнѣ ихъ умственнаго развитія, въ недостаточно бережномъ отношеніи къ интересамъ и правамъ дѣтей со стороны окружающихъ и, вообще, въ обширнѣйшей и сложнѣйшей цѣпи всевозможныхъ ненормальностей, переполняющихъ современную жизнь человѣчества. Совершенно естественно поэтому искать рѣшительнаго средства для устраненія съ пути народнаго образованія этихъ тормазовъ, и провозглашеніе принципа обязательности образованія, несомнѣнно, должно быть признано наиболѣе соотвѣтствующей этой цѣли мѣрой. Такимъ образомъ, обязательность образованія должна

быть разсматриваема, прежде всего и главнѣе всего, какъ мѣра соціально-политическаго характера, имѣющая въ виду родителей, опекуновъ, хозяевъ и другихъ лицъ, располагающихъ властью надъ дѣтьми, и менѣе всего, какъ мѣра педагогическая, имѣющая въ виду самихъ дѣтей. Едва ли умѣстно говорить о насиліи въ томъ, что имѣетъ цѣлью облегчить каждому удовлетвореніе его естественной потребности въ образованіи, которое къ тому же имѣетъ такое колоссальное значеніе для нормальной жизни всего народа. Во всякомъ случаѣ, во власти школы и учителя уничтожить тѣ слѣды принудительности, которые можетъ оставить обязательность образованія въ чисто педагогическомъ отношеніи. Было бы, однако, какъ нельзя болѣе вреднымъ переоцѣнивать значеніе обязательности образованія для развитія школьнаго дѣла. И теоретическія соображенія, и богатые указанія опыта одинаково заставляютъ признать эту мѣру не болѣе, какъ *однимъ* изъ средствъ, способствующимъ *при современномъ строе* широкому распространенію образованія, но ни мало не ослабляющимъ необходимости въ рядѣ другихъ средствъ, стремящихся достигнуть той же цѣли другими методами. Кромѣ того, въ интересахъ ненарушимости основныхъ правъ гражданъ, введеніе обязательности образованія можетъ быть приемлемо только при наличности цѣлаго ряда условій въ общей организаціи народнаго образованія, но этой стороны дѣла я еще коснусь особо. Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится теперь дѣло народнаго образованія въ Россіи, обязательность образованія, разумѣется, не можетъ быть разсматриваема, ни какъ очередная, ни какъ общая для всей страны мѣра. Нельзя также не учитывать того принципіальнаго разногласія, которое она вызываетъ. Въ виду этого, при общей коренной реформѣ образованія, необходимо только расчислить для нея путь тамъ, гдѣ она явится уже вполне назрѣвшимъ и принципіально выясненнымъ для большинства дѣломъ. Для этого же вполне достаточно, чтобы государственный органическій законъ по народному образованію предоставилъ органамъ мѣстнаго самоуправления право, по собственной инициативѣ, вводить на своихъ территорияхъ обязательность образованія и опредѣлять самыя ея основы.

Формы общественнаго образованія.

Существующая теперь въ Россіи совокупность общественныхъ учебныхъ заведеній отличается, какъ извѣстно, чрезвычайной сложностью, лишена единства и какого-либо общаго, принципиально-выдержаннаго плана. Передъ нами находится цѣлый комплексъ и пережитковъ давно уже изжитыхъ началъ, и результатовъ господствующаго отношенія къ школѣ, какъ къ орудію политическаго и экономическаго вліянія, и задатковъ той будущей школы, основанія которой все болѣе выясняются передъ сознательными элементами страны. При предстоящей коренной реформѣ общественнаго образованія необходимо, разумѣется, не только учесть весь опытъ прошлаго, какъ положительный, такъ и отрицательный, но и полностью, по возможности, использовать всѣ существующія учрежденія: реформировать, но не уничтожать ничего, въ чемъ только есть малѣйшія задатки жизненности. Сущность этихъ реформъ существующаго будетъ выясняться сама собой, по мѣрѣ предстоящаго намъ теперь разсмотрѣнія основныхъ формъ той системы общественныхъ образовательныхъ учреждений, которая обуславливается изложенными выше принципами общественной организаціи образованія.

А. Дошкольное образованіе.

Хотя психическій міръ человѣка представляетъ еще массу неизученныхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе точнымъ естествознаніемъ твердо установленъ фактъ, что въ періодъ младенчества и ранняго дѣтства человѣкъ переживаетъ колоссальную психическую эволюцію. Понятно поэтому, какое огромное значеніе имѣетъ сознательное отношеніе къ этой эволюціи со стороны окружающихъ ребенка и разумное содѣйствіе ей. Между тѣмъ, огромное большинство родителей не

имѣть объ этомъ ни малѣйшаго понятія, и, въ лучшемъ случаѣ, ребенокъ предоставленъ въ эту критическую пору жизни своимъ собственнымъ силамъ; въ большинствѣ случаевъ окружающіе не столько содѣйствуютъ нормальной его эволюціи, сколько затрудняютъ и искажаютъ ее своимъ грубымъ и неумѣлымъ вмѣшательствомъ. Въ то же время, въ огромномъ количествѣ семей всѣ взрослые, не исключая даже матери, поглощены тяжелой работой изъ за куска хлѣба, и интересы ребенка находятся въ полномъ пренебреженіи.

Необходимо поэтому, чтобы участіе общества въ воспитаніи молодого поколѣнія начиналось уже съ самаго ранняго дѣтства, съ момента пробужденія сознательной душевной дѣятельности, которое наступаетъ обыкновенно на второмъ году жизни. Эту цѣль и преслѣдуютъ существующіе у насъ, такъ называемые, дѣтскіе сады. Но теперь они вовсе не входятъ въ систему общественныхъ учреждений, а въ административномъ отношеніи отнесены даже къ компетенціи не одного только министерства народнаго просвѣщенія, но и министерства внутреннихъ дѣлъ. Не считая незначительнаго количества дѣтскихъ садовъ, учрежденныхъ въ самое послѣднее время частными обществами и предоставленныхъ въ бесплатное общественное пользованіе, всѣ остальные учрежденія этого рода содержатся у насъ частными лицами и представляются платными заведеніями, доступными только для состоятельныхъ классовъ общества. Той же общественной потребности служатъ у насъ еще, такъ называемыя, ясли—на фабрикахъ и заводахъ и въ деревняхъ во время лѣтней страды. Въ организаціи ихъ принимаютъ участіе, между прочимъ, земства и сельскія общества, такъ что они, несомнѣнно, представляются общественными учрежденіями, но цѣлью ихъ является собственно не общественное воспитаніе дѣтей, а отчасти простое прирѣніе ихъ, отчасти охрана интересовъ населенія (отъ возможности поджоговъ и т. д.) во время отсутствія взрослыхъ. Только мало-по-малу, подъ влияніемъ опыта самой жизни, эти послѣднія цѣли перестаютъ заслонять передъ общественнымъ вниманіемъ образовательно-воспитательную роль дѣтскихъ яслей и то важное общественное значеніе, которое они имѣютъ въ этомъ отношеніи.

Однако, эволюція идетъ въ этомъ направленіи еще крайне нерѣшительными шагами. Въ предстоящей реформѣ, нынѣшніе дѣтскіе сады и дѣтскія ясли должны выработаться въ своеобразныя общественныя учрежденія для дѣтей въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ и составить первое звено въ системѣ общественныхъ образователь-

ныхъ учреждений. Эти общественные «дѣтскіе дома» требуютъ, разумѣется, совершенно другой, чѣмъ школа, внѣшней обстановки, другого внутренняго строя и другого режима; они должны поэтому получить самостоятельную организацію, но, разумѣется, явятся преддверіемъ школы и въ высокой степени облегчатъ ея дальнѣйшую работу.

Б. Общеобразовательная школа.

Задача школы—помощь молодымъ поколѣніямъ въ усвоеніи результатовъ общечеловѣческаго творчества въ области науки и искусства. Но эта область въ настоящее время такъ разрослась, что не можетъ быть и рѣчи объ усвоеніи каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ всей совокупности человѣческаго знанія. Естественно, что при такихъ условіяхъ особенное значеніе получаетъ правильное выдѣленіе тѣхъ основъ знанія, которыя необходимы каждому, желающему сознательно жить, человѣку, какую бы профессію онъ себѣ не избралъ или какой бы частной отраслью знанія онъ не заинтересовался впоследствии. Это и должно составить задачу общеобразовательной школы, которая, такимъ образомъ, является ядромъ всей системы общественнаго образованія. Отчасти педагогическія соображенія, отчасти условія современнаго быта обуславливаютъ то, что общеобразовательная школа подраздѣляется на нѣсколько ступеней, каждая изъ которыхъ представляетъ самостоятельную школу и даетъ болѣе или менѣе законченное образованіе. Въ идеалѣ желательно, конечно, чтобы каждый гражданинъ проходилъ все ступени общеобразовательной школы вплоть до самой верхней. Въ дѣйствительности, однако, этотъ идеалъ долго еще останется недостижимымъ, и огромное большинство будетъ заканчивать свое общее образованіе, не доходя до высшаго его звена. Необходимо, во всякомъ случаѣ, сдѣлать все, чтобы каждому былъ вполне расчищенъ этотъ путь. Поэтому всей совокупности общеобразовательныхъ школъ страны должно быть обеспечено полное единство, и учащійся, окончившій низшую ступень общеобразовательной школы, долженъ имѣть возможность свободно переходить въ школу слѣдующей, высшей ступени. Требованіе такого единства совершенно соотвѣтствуетъ и существу, и задачамъ общаго образованія.

Въ настоящее время у насъ существуетъ цѣлый рядъ учебныхъ заведеній, долженствующихъ играть роль общеобразовательной школы: начальныя школы всевозможныхъ видовъ; низшія школы, типомъ

которыхъ являются городскія по положенію 1872 г. училища; среднія школы нѣсколькихъ типовъ (гимназіи, реальныя училища и близкія имъ по типу учебныя заведенія различныхъ вѣдомствъ) и, наконецъ, университеты. Организациа и программы всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній не объединены никакимъ общимъ принципомъ, и большая часть ихъ живетъ—каждое своей обособленной жизнью; послѣдовательнаго свободнаго перехода учащихся отъ низшихъ до высшихъ ступеней школы не существуетъ. Такое положеніе школьнаго дѣла, разумѣется, противорѣчитъ всѣмъ принципамъ правильной организациа общественнаго образованія и требуетъ радикальной реформы. Нашей педагогической и общественной средой намѣчается необходимость для Россіи слѣдующихъ основныхъ ступеней общеобразовательной школы: 1) элементарная школа, соотвѣтствующая нынѣшней народной одноклассной школѣ, съ курсомъ въ 3—4 года; 2) начальная школа, соотвѣтствующая нынѣшнимъ городскимъ училищамъ и, такъ называемымъ, высшимъ народнымъ школамъ, съ курсомъ въ 3—4 года; 3) средняя школа, соотвѣтствующая нынѣшнимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, съ курсомъ въ 2—3 года и 4) университетъ. Понятно, что органы мѣстнаго самоуправленія, которымъ будетъ передано завѣдываніе всѣми школами, должны располагать полной свободой создавать у себя школы, воплнѣ отвѣчающія мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, и устанавливать сообразно съ этимъ свою систему общеобразовательныхъ школъ. Въ высшей степени важно, однако, чтобы школьному дѣлу на пространствѣ всей страны была обеспечена нѣкоторая общность, и это должно составить задачу государственнаго законодательства. Государственный органическій законъ по народному образованію долженъ прежде всего гарантировать гражданамъ свободное полученіе общаго образованія и установить на всей территоріи страны принципъ единства общеобразовательной школы, въ смыслѣ свободнаго отъ какихъ бы то не было испытаній перехода учащихся изъ школъ низшей ступени въ школы высшей ступени. Во вторыхъ, чтобы обезпечить возможность такого же свободнаго перехода учащихся изъ школъ одного района страны въ школы другого района, тотъ же законъ долженъ опредѣлить основные для страны ступени и типы общеобразовательной школы, установивъ для каждой изъ нихъ минимальную продолжительность курса и основы учебной программы. Само собой разумѣется, что это опредѣленіе должно имѣть такой общій характеръ, который открывалъ бы органамъ мѣстнаго самоуправления полную возможность вносить въ установленныя госу-

дарственнымъ закономъ типы дополненія и частныя видоизмѣненія. Понятно также, что оно не должно стѣснять мѣстныя самоуправленія въ ихъ общемъ правѣ создавать, какія имъ угодно, школы, хотя бы и вовсе не предусмотрѣнныя упомянутой государственной нормировкой.

В. Профессиональное и специальное образованіе.

Обеспечивая человѣку полноту развитія личности и сознательное отношеніе къ жизни, общее образованіе помогаетъ ему правильно намѣтить свой жизненный путь и свободно избрать ту специальность или профессію, въ которой онъ желаетъ прилагать свой трудъ.

Область специальныхъ и техническихъ знаній такъ неразрывно связана съ областью чистой науки, достигла въ настоящее время такого колоссальнаго развитія и представляетъ такое огромное значеніе въ жизни человѣчества, что заботы о распространеніи этихъ знаній, наравнѣ съ общимъ образованіемъ, разумѣется, также должны войти въ общую систему общественнаго образованія. По количеству учебныхъ заведеній, которое требуется для этого новаго звена общественнаго образованія, по величинѣ затратъ на нихъ, наконецъ, по важности этого дѣла для общественныхъ интересовъ, профессиональное и специальное образованіе, пожалуй, ничѣмъ не уступитъ образованію общему, а по сложности и разнообразію учебныхъ заведеній, можетъ быть, даже превзойдетъ. И однако-же, необходимо имѣть въ виду, что по существу дѣла профессиональное и специальное образованіе, сравнительно съ образованіемъ общимъ, можетъ и должно занимать въ общей системѣ не первое, а только второе мѣсто. Какъ наука является фундаментомъ техники, такъ и общее образованіе является необходимымъ, единственно надежнымъ фундаментомъ для образованія профессиональнаго и специального. Отсюда неизбѣженъ выводъ, что система профессиональныхъ и специальныхъ учебныхъ заведеній должна опираться на систему общеобразовательныхъ школъ и давать специальную подготовку только уже окончившимъ ту или другую ступень общей школы. Такимъ образомъ, общій строй общеобразовательной школы долженъ имѣть рѣшающее значеніе для строя специальной школы. Последняя же никоимъ образомъ не должна брать на себя функцій общаго образованія, такъ какъ оно въ такомъ случаѣ неизбѣжно получило бы болѣе или менѣе односторонній характеръ.

Такую именно картину и представляетъ современное положеніе

профессиональной и специальной школы. Завѣдываніе этими школами принадлежит цѣлому ряду правительственныхъ вѣдомствъ, и каждое изъ нихъ обыкновенно включаетъ въ курсъ своихъ специальныхъ школъ не только специальное, но и общее образование. Въ однихъ случаяхъ это явленіе представляетъ прямое продолженіе того отношенія къ образованію, когда оно разсматривалось не какъ средство для развитія личности, а исключительно какъ путь для приготовленія правительственныхъ чиновниковъ, специалистовъ и вообще нужныхъ въ какомъ-либо отношеніи для правительства лицъ. Таковы кадетскіе корпуса и духовныя семинаріи. Извѣстно, что общеобразовательный курсъ этихъ учебныхъ заведеній съ самаго начала и до конца приспособленъ не столько къ принципамъ общаго образованія, сколько къ интересамъ заранѣе уже предрѣшенной для воспитанниковъ профессіи. Иначе, конечно, не можетъ и быть; но такая постановка школы, разумѣется, представляетъ не что иное, какъ игнорированіе интересовъ свободнаго развитія личности учащихся и свободы ихъ самоопредѣленія. Въ другихъ случаяхъ существующія у насъ категоріи специальныхъ учебныхъ заведеній включаютъ въ свои программы общее образование, вслѣдствіе крайне слабого распространенія его въ странѣ вообще и крайне неудовлетворительной постановки существующихъ общеобразовательныхъ школъ. Таковы, на примѣръ, современныя сельско-хозяйственныя, ремесленныя, техническія и торговыя школы. Несмотря на коренную разницу въ мотивахъ, обуславливающихъ включеніе общаго образованія въ задачи специальныхъ школъ, результаты и въ этихъ случаяхъ оказываются крайне нежелательными: съ одной стороны, и здѣсь учащіеся получаютъ въ значительной степени одностороннее общее образование, съ другой—страдаютъ интересы самаго специального образованія. Всѣ эти ненормальности исчезнутъ только тогда, когда въ организаціи общественнаго образованія будетъ послѣдовательно проведенъ принципъ раздѣленія общеобразовательныхъ и специальныхъ школъ, и для каждой изъ нихъ будетъ установлена ясно опредѣленная основная задача: общее, всестороннее умственное развитіе человѣческой личности для первыхъ, специальная или профессиональная подготовка къ практической дѣятельности для вторыхъ. Само собой разумѣется, однако, что это принципиальное обособленіе двухъ типовъ образованія отнюдь не должно и не можетъ препятствовать общеобразовательной школѣ, исходя изъ чисто-педагогическихъ соображеній, включать въ свой курсъ тѣ или другіе элементы профессиональныхъ знаній или навыковъ. Понятно также,

что въ этомъ вопросѣ дѣло идетъ о такихъ, трудно укладываемыхъ въ опредѣленные конкретныя рамки, понятіяхъ, что было бы опасно и нецѣлесообразно прибѣгать здѣсь къ регламентации государственнымъ законодательствомъ.

Г. Подготовка учительскаго персонала общеобразовательныхъ школъ.

Высказанныя выше общія соображенія о постановкѣ спеціальнаго образованія цѣликомъ относятся и къ тому частному виду спеціальнаго образованія, которымъ является подготовка учительскаго персонала. Учителямъ общеобразовательной школы ввѣряется важнѣйшее и сложнѣйшее дѣло образованія человѣка. На каждомъ шагу своей дѣятельности имъ приходится сталкиваться съ вопросами изъ самыхъ различныхъ областей человѣческаго знанія. Понятно, поэтому, что педагогическая профессія болѣе, чѣмъ какая-бы то ни было другая, требуетъ, чтобы лицо, посвящающее себя этому труду, обладало широкимъ, всестороннимъ и глубокимъ общимъ образованіемъ. Для учителя оно, во всякомъ случаѣ, не менѣе важно, чѣмъ спеціальное образованіе. Основательное общее образованіе одинаково необходимо всѣмъ безъ исключенія учителямъ, на какой-бы ступени общеобразовательной школы они не учили: при настоящемъ уровнѣ психологическихъ и біологическихъ знаній не приходится уже доказывать, что процессъ умственной эволюціи человѣка на первыхъ его стадіяхъ требуетъ отъ руководящаго имъ педагога, пожалуй, еще большаго образованія, еще большей глубины пониманія своего дѣла, чѣмъ на стадіяхъ позднѣйшихъ, когда умственная дѣятельность молодого человѣка уже такъ или иначе поставлена на рельсы. Поэтому, обсуждая вопросъ съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ потребностей школы и не упуская изъ вида то огромное значеніе, которое онъ имѣетъ для всѣхъ безъ исключенія интересовъ общества и личности, необходимо придти къ тому выводу, что педагогическому персоналу первыхъ двухъ ступеней общеобразовательной школы необходимо университетское образованіе, на третьей же ступени, въ средней школѣ, не говоря уже объ университетѣ, для учащаго необходимо уже образованіе ученое. Само собой разумѣется, что помимо высшаго общаго образованія, учащимъ необходимо образованіе спеціальное. Наиболѣе правильной формой послѣдняго было бы учрежденіе или спеціальныхъ педагогическихъ школъ для лицъ, получившихъ высшее общее образованіе, или учрежденіе при университетахъ педагогическихъ факультетовъ.

Нечего и говорить, какъ далеко отъ этого нормальнаго порядка то положеніе, въ которомъ находится теперь подготовка учительскаго персонала въ Россіи. Для народныхъ учителей, какъ извѣстно, считается теперь вполне достаточнымъ даже не среднее, а низшее общее образованіе. Для подготовки ихъ имѣются спеціальныя учительскія семинаріи, дающія самое жалкое общее развитіе и въ искусственной обстановкѣ стремящіяся выработать не учителя въ высокомъ дѣйствительномъ значеніи этого слова, а чиновника, способнаго вести рутинную школьную учебу въ точномъ согласіи съ предписанной свыше формальной программой, не выходя изъ безпрекословнаго повиновенія приставленному къ школѣ начальству и приучая къ такому же повиновенію предоставленное его распоряженію молодое поколѣніе. Однако вся эта бюрократическая система при столкновеніи съ жизнью расплывается по всѣмъ швамъ. Наше народное учительство, въ огромномъ его большинствѣ, живо чувствуетъ совершенную недостаточность своего общаго образованія и стремится всѣми средствами его пополнить. Одно изъ яркихъ тому доказательствъ—огромный успѣхъ, такъ называемыхъ, общеобразовательныхъ учительскихъ курсовъ, долгіе годы являвшихся запретнымъ плодомъ.

Блестящій опытъ этихъ курсовъ даетъ прямое указаніе практическаго пути, способнаго въ значительной мѣрѣ приблизить массу нашего народнаго учительства къ идеалу высшаго общаго образованія, которымъ оно должно было бы обладать.

Какъ бы радикальна ни была предстоящая реформа образованія, она, разумѣется, не можетъ поставить крестъ на массу современнаго мало образованнаго учительства и выбросить его за бортъ школы, какъ недостойный ея элементъ. Нѣтъ, необходимо пойти навстрѣчу собственнымъ стремленіямъ учительства расширить свое образованіе и поднять его до желаемаго уровня, не дезорганизуя текущую работу школы. При серьезномъ отношеніи къ этому злободневному вопросу, разрѣшеніе его не представляется особенно затруднительнымъ. Для этого необходимо только довести до конца идею, лежащую въ основаніи общеобразовательныхъ учительскихъ курсовъ и придать дѣлу широкую, планомѣрную общественную организацію. Необходимо, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, открыть при всѣхъ университетахъ трехмѣсячный лѣтній учительскій семестръ, построивъ его курсы по типу народнаго университета. Такимъ путемъ будетъ сразу же открыта возможность полученія высшаго образованія 20—30 тысячами учителей, и въ нѣсколько лѣтъ въ огромной степени

будетъ поднять массовый образовательный уровень народнаго учительства. Тѣмъ временемъ, разумѣется, необходима перестройка въ указанномъ направленіи всей организаціи подготовки учительскаго персонала.

Д. Образованіе ненормальныхъ дѣтей.

Въ каждой странѣ, на ряду съ нормальными дѣтьми, имѣется болѣе или менѣе значительное количество дѣтей ненормальныхъ: слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, нѣмыхъ, идиотовъ и со слабыми умственными способностями, алкоголиковъ, нравственно-неразвитыхъ и преступныхъ и т. д. Понятно, что образованіе ненормальныхъ дѣтей составляетъ такую же обязанность органовъ общественнаго управленія, какъ и образованіе дѣтей нормальныхъ. Мало того, по существу, оно требуетъ нерѣдко даже значительно большаго расширенія общественной компетенціи, такъ какъ огромное большинство родителей ненормальныхъ дѣтей совершенно уже некомпетентны въ ихъ образованіи и не имѣютъ никакой возможности нести крупные расходы, которыхъ оно нерѣдко требуетъ. Такимъ образомъ, въ общую систему общественнаго образованія должны также входить спеціальныя учебно-воспитательныя заведенія для различныхъ категорій ненормальныхъ дѣтей; они должны занять въ общей системѣ особое положеніе, обусловливаемое какъ необходимой для каждой категоріи ихъ спеціальной организаціей, такъ и сравнительно незначительнымъ количествомъ ихъ. Въ общемъ, дѣло это, очевидно, требуетъ гораздо болѣе центральной организаціи, чѣмъ нормальныя школы. Его, по всей вѣроятности, всего цѣлесообразнѣе сосредоточить въ непосредственномъ завѣдываніи губернскихъ земствъ.

Въ настоящее время образованіе ненормальныхъ дѣтей находится въ Россіи въ еще болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ образованіе общее. По первой всероссійской переписи населенія, въ ней оказалось слѣдующее количество лицъ съ физическими недостатками въ возрастѣ 1—19 лѣтъ: слѣпыхъ около 35 т., глухонѣмыхъ около 49 т., нѣмыхъ около 16 т. Заботы объ образованіи этой арміи обремененныхъ природой дѣтей совершенно исключены изъ дѣйствующей системы общественнаго образованія, разсматриваются, въ общемъ, какъ дѣло благотворительности, и на этотъ предметъ существуютъ у насъ своеобразныя внѣвѣдомственные бюрократически-благотворительныя организаціи: «Попечительство Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны о глухонѣмыхъ» и «Попечительство Императрицы

Маріи Александровны о слѣпыхъ». Дѣятельность земствъ и городовъ въ области образованія ненормальныхъ дѣтей до настоящаго времени была чрезвычайно слаба и проявилась, главнымъ образомъ, въ учрежденіи колоній малолѣтнихъ преступниковъ. Въ послѣдніе годы въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ возникъ вопросъ о необходимости учрежденія особыхъ школъ для отстающихъ дѣтей изъ числа учащихся въ общественныхъ начальныхъ школахъ. Въ общемъ, общественная организація образованія ненормальныхъ дѣтей въ Россіи еще вся впереди.

Е. Призрѣніе бездомныхъ дѣтей.

Почти въ такомъ же положеніи находится у насъ дѣло призрѣнія всякаго рода бездомныхъ и брошенныхъ дѣтей, предоставленное, главнымъ образомъ, частной благотворительности. Центральное мѣсто принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ «Вѣдомству дѣтскихъ пріютовъ», входящему въ составъ «Учрежденій Императрицы Маріи» и имѣющему довольно обширную сѣть мѣстныхъ организацій, построенныхъ по бюрократически-благотворительному типу. Многія земства и города также имѣютъ дѣтскіе пріюты, содержимые отчасти на общественныя средства, отчасти на специально пожертвованные съ этою цѣлью различными благотворителями капиталы. Въ общемъ же, дѣло призрѣнія и образованія бездомныхъ дѣтей не имѣетъ еще въ Россіи правильной системы; далеко еще не получила общаго признанія и принципіальная его сторона, несмотря на всю ея соціальную элементарность.

Съ точки зрѣнія соціальной справедливости и общихъ принциповъ общественнаго образованія, вопросъ этотъ допускаетъ только одно рѣшеніе. Разъ оказываются дѣти, лишенные семьи, близкихъ, пріюта и всякихъ средствъ существованія, то призрѣніе и образованіе ихъ, разумѣется, составляетъ элементарнѣйшую обязанность всего общества, въ лицѣ органовъ общественнаго управленія. Но, на ряду съ такими, въ полномъ смыслѣ слова безпріютными дѣтьми, въ нѣдрахъ современнаго соціального строя оказывается еще не мало дѣтей, хотя и имѣющихъ семью или пріютъ, но осужденныхъ въ нихъ на такую мучительную жизнь, которая подчасъ еще тяжелѣе полной безпріютности. Всѣ такія дѣти также должны получить право, по заявленному ими самими желанію, перейти на общественное содержаніе, при чемъ для этого не должно быть устанавливаемо никакой сложной формальной процедуры.

Въ общемъ, контингентъ дѣтей, которыя должны пользоваться общественнымъ содержаніемъ, несомнѣнно, окажется очень значительнымъ, и рациональная постановка этого дѣла представляетъ огромную важность. Изъ тѣхъ началъ, которыя должны быть положены въ основаніе организаціи общественнаго призрѣнія дѣтей, необходимо отмѣтить слѣдующія. Нуждающіяся въ общественномъ призрѣніи дѣти, разумѣется, имѣютъ на него право только до извѣстнаго возраста, когда они получаютъ возможность самостоятельно зарабатывать себѣ средства къ жизни, то есть максимумъ до гражданскаго совершеннолѣтія или окончанія курса высшаго учебнаго заведенія. Какъ будетъ организовано содержаніе этихъ дѣтей, то есть будутъ ли они помѣщаться въ специальныхъ общественныхъ дѣтскихъ общежитіяхъ или же размѣщаться по отдѣльнымъ семьямъ съ платой изъ общественныхъ средствъ за ихъ содержаніе—вопросъ, конечно, второстепенный, допускающій различное разрѣшеніе. Находящіяся на содержаніи общества дѣти, въ томъ числѣ и тѣ, которыя будутъ жить въ общественныхъ дѣтскихъ общежитіяхъ, разумѣется, должны получать такое же образованіе въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и всѣ другія дѣти. Это совершенно необходимо для того, чтобы всѣ безъ исключенія дѣти одинаково пользовались правильно поставленными общественными школами. Извѣстно, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ господствующая практика, превращающая большинство современныхъ дѣтскихъ пріютовъ въ обособленные, закрытыя учебныя заведенія. Будущія общественныя дѣтскія общежитія должны быть только общежитіями, а не закрытыми школами съ интернатомъ.

Общіе принципы общественнаго призрѣнія дѣтей, затрогивающаго важнѣйшія права личности и интересы общества, должны быть установлены государственнымъ закономъ. Фактическое же завѣдываніе этимъ дѣломъ и его организація должны принадлежать органамъ мѣстнаго самоуправленія, наравнѣ со всѣмъ общественнымъ образованіемъ.

Основы учебнаго курса и внутренней постановки общественной школы.

Въ программу настоящихъ очерковъ вовсе не входитъ чисто педагогическая часть школы. Тѣмъ не менѣе, развивая общую схему организациі общественнаго образованія, невозможно не коснуться также и нѣсколькихъ такихъ вопросовъ, которые, хотя и относятся въ большей своей части къ педагогической области, но имѣютъ также огромное значеніе для выясненія правильной постановки организаціонной стороны дѣла.

А. Основы учебнаго курса общественной общеобразовательной школы.

Признаніе школы общественнымъ учрежденіемъ, назначеннымъ для передачи молодымъ поколѣніямъ накопленнаго до нихъ человѣчествомъ знанія, ясно опредѣляетъ основу, на которой должны быть построены ея программы. Такой основой можетъ быть только точная наука, объединяющая все сознательно живущее человѣчество и оказывающая могущественное, ни съ чѣмъ не сравнимое, вліяніе на развитіе всей его жизни. Однако, область науки такъ разрослась, что охватить всѣ ея развѣтвленія не въ состояніи даже ученые, посвятившіе научнымъ занятіямъ всю свою жизнь. Для школы же, даже высшей, дѣло это, разумѣется, представляется совершенно невозможнымъ. А разъ это такъ, то обязанность школы сводится къ четыремъ основнымъ задачамъ:

Школа должна снабдить молодыхъ поколѣнія техническими средствами образованія, къ которымъ прежде всего относятся элементы грамотности (чтеніе, письмо, счетъ), составляющіе теперь основу нашей народной школы и обезпечивающіе каждому возможность пользоваться сокровищницей общечеловѣческаго знанія.

Школа должна развить въ молодежи способность къ самостоятельной умственной работѣ и помочь ей усвоить правильные методы такой работы.

Школа должна сообщить учащимся главныя основанія научнаго знанія, углубляя и развертывая ихъ все шире, по мѣрѣ прохожденія учащимися слѣдующихъ другъ за другомъ ступеней школьнаго обученія.

Наконецъ, школа обязана развернуть передъ учащимися всю огромную перспективу общечеловѣческаго знанія, чтобы каждый изъ нихъ, избирая себѣ ту или другую частную отрасль науки или техники, имѣлъ вѣрное представленіе о мѣстѣ, которое она занимаетъ въ общей системѣ.

Каждая изъ этихъ основныхъ задачъ школы имѣетъ огромное значеніе, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть опущена ни на одной школьной ступени. Только при полномъ, гармоническомъ осуществленіи ихъ школой, учащимся можетъ быть обеспечена свобода самоопредѣленія ихъ личности, которая должна составлять цѣль всякой нормальной школы. Современная школа выполняетъ болѣе или менѣе удовлетворительно только первую изъ намѣченныхъ задачъ, во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ она или ничего не даетъ, или даетъ крайне мало, или даже дѣйствуетъ въ направленіи, прямо противоположномъ тому, въ какомъ она должна дѣйствовать. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ могущественнымъ искажающимъ вліяніемъ, которое оказываетъ на школу современный социально-политическій строй въ интересахъ правящихъ и господствующихъ его классовъ. Однако и помимо этого вліянія, современная школа отличается крайней неэкономностью въ использованіи того времени, которымъ она располагаетъ: въ любой нашей школѣ учащіеся, не получая насущно важныхъ для каждаго знаній, затрачиваютъ огромное количество силъ и времени на заучиваніе предметовъ, не имѣющихъ почти никакой научной цѣнности, не говоря уже о такихъ предметахъ, которые прямо несовмѣстимы съ научной постановкой школы. Все это общеизвѣстные факты, для устранения которыхъ всѣмъ школьнымъ программамъ должна быть произведена генеральная и самая строгая ревизія съ точки зрѣнія науки. При построеніи программъ новой свободной школы единственнымъ критеріемъ должны быть признаны основы и требованія науки, и только тогда получаютъ, наконецъ, правильное разрѣшеніе долгіе, горячіе споры о реальномъ и гуманитарномъ типѣ общеобразовательной школы. Въ основѣ всего общечеловѣческаго знанія лежитъ

точное естествознаніе, и оно же должно быть сдѣлано фундаментомъ общеобразовательной школы.

Въ современной образовательной системѣ, естествознаніе въ широкомъ его смыслѣ, съ одной стороны, и гуманитарныя или общественныя науки—съ другой, являются, въ общемъ, какъ бы совершенно самостоятельными и очень мало зависимыми другъ отъ друга областями, лишенными одной общей почвы. Въ результатѣ получается, что не только рядовые «гуманитарно» образованные люди, но даже и ученые оказываются круглыми невѣждами въ естествознаніи и, благодаря этому, цѣлыми десятилѣтіями твердятъ въ своей области зады, которые давнымъ давно были бы выброшены за бортъ при свѣтѣ точнаго знанія. И едва ли не самую удручающую картину представляетъ въ этомъ отношеніи область педагогики: большинство дипломированныхъ ученыхъ педагоговъ, психологовъ и философовъ все еще оставляютъ совершенно въ сторонѣ тѣ великія и глубокія познанія о человѣкѣ, которыя даются новѣйшей біологіей. При настоящемъ состояніи точнаго естественно-научнаго знанія невозможно назвать ни одной отрасли общественнаго и гуманитарныхъ наукъ, для которой оно не являлось бы необходимой точкой отправленія. Давно назрѣла уже пора рѣшительнаго признанія, что дѣйствительное образование безъ знанія естественныхъ наукъ немыслимо, и для того, чтобы все зданіе школьнаго образованія не оказалось построеннымъ на пескѣ, оно должно быть воздвигнуто на этомъ, единственно надежномъ фундаментѣ.

Разсматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, приходится, между прочимъ, признать, что, какъ это ни странно, но въ настоящее время мы вовсе не имѣемъ высшей общеобразовательной школы, и созданіе ея является ближайшей задачей новой организаціи общественнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, такой высшей общеобразовательной школой считается обыкновенно университетъ и, взятый въ его цѣломъ, онъ, въ общемъ, дѣйствительно ею является. Но вѣдь для каждаго студента университета, какъ цѣлаго, не существуетъ; онъ знаетъ только часть его—тотъ или другой факультетъ. Фактически, такимъ образомъ, современный университетъ является совокупностью нѣсколькихъ высшихъ спеціальныхъ школъ, и внутренній строй университета опредѣляется вовсе не требованіями высшего общаго образованія, а частными требованіями каждой изъ этихъ спеціальныхъ школъ. Юноша, который пожелалъ бы поступить въ университетъ для того, чтобы получить общее высшее образованіе, оказался бы въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи;

онъ самъ долженъ былъ бы создавать для себя планъ этого общаго образованія, и едва ли современный университетъ можетъ дать ему въ этомъ отношеніи то, чего можно было бы отъ него ожидать. Въ настоящее время этотъ важный дефектъ въ общей системѣ общественнаго образованія стремятся пополнить, такъ называемые, «народные университеты», являющіеся созданиемъ частной инициативы. Слѣдуетъ учесть глубокое социальное значеніе этого явленія и сдѣлать изъ него неизбѣжный выводъ: необходимо создать высшую университетскую общеобразовательную школу, въ качествѣ самостоятельнаго, планомѣрно разработаннаго цѣлаго, и прохожденіе ея положить въ основу всѣхъ безъ исключенія высшихъ спеціальныхъ школъ, какъ составляющихъ современный университетъ, такъ и организованныхъ независимо отъ университета, и открыть ее также для самостоятельнаго прохожденія курса.

Созданіе этого необходимаго высшаго звена въ системѣ общественнаго образованія должно имѣть огромное значеніе не только для широкаго распространенія общаго образованія и для обезпеченія странѣ нормальнаго развитія науки, но и для правильной постановки всѣхъ отраслей высшаго спеціальнаго и технического образованія. Въ частности, это должно имѣть чрезвычайно серьезное вліяніе на развитіе у насъ педагогической науки и на обезпеченіе нашему педагогическому персоналу той ширины и глубины научнаго образованія, въ которой онъ теперь такъ сильно нуждается.

Б. Школа и «политика».

Одной изъ ходячихъ фразъ является въ настоящее время утвержденіе, что «въ школѣ не должно быть мѣста никакой политики». Очень часто и съ большой охотой повторяется она учебной администраціей, которая основываетъ на этой «истинѣ» цѣлый рядъ спеціальныхъ ограниченій, установленныхъ ею для учащихся и учащихся въ школахъ. Стоитъ однако только вдуматься въ современное положеніе нашей школы, чтобы эта фраза получила чрезвычайно характерный для ея авторовъ смыслъ. Объективное изученіе этого положенія твердо устанавливаетъ фактъ, что современная школа въ гораздо большей степени является орудіемъ для достиженія своекорыстныхъ цѣлей правящаго меньшинства, чѣмъ образовательнымъ учрежденіемъ, построеннымъ сообразно съ требованіями педагогической науки и социальной справедливости. Такимъ образомъ, современная школа цѣликомъ подчинена «поли-

тикѣ» господствующихъ классовъ, принуждена проводить эту политику въ среду своихъ питомцевъ, а ея программы сплошь пропитаны той же политикой. При такихъ условіяхъ, приведенная выше фраза совершенно несоотвѣтствуетъ ея дѣйствительному значенію и на самомъ дѣлѣ должна быть замѣнена другой—что «въ школѣ не должно быть мѣста никакой политикѣ, кромѣ политики господствующаго правительства». Оставляя однако въ сторонѣ иамѣренно туманныя, фарисейскія разсужденія и обращаясь къ сущности вопроса объ отношеніи между школой и «политикой», не трудно получить ясное и простое его разрѣшеніе.

✓Въ школѣ, дѣйствительно, не должно быть мѣста ничему, кромѣ науки и искусства, принципы и интересы которыхъ должны опредѣлять весь строй школы, отъ самыхъ главныхъ ея основъ, до мельчайшихъ подробностей. Такъ какъ наука и искусство едины, не подчинены никакому правительству и никакимъ политическимъ партіямъ, то въ этомъ смыслѣ въ школѣ разумѣется нѣтъ мѣста никакой «политикѣ», ни правительственной, ни анти-правительственной и никакой другой. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что школу съ ея населеніемъ желательно и можно обособить отъ сферы современной политики, такъ сказать совершенно нейтрализовать ее въ политическомъ отношеніи. Важность этого остраго для современнаго социально-политическаго строя вопроса требуетъ, чтобы онъ былъ поставленъ съ полной прямою и въ этомъ отношеніи его необходимо рассмотретьъ въ трехъ отношеніяхъ.

Прежде всего, изъ школьныхъ программъ не можетъ быть исключено изученіе человѣка и социально-политическаго строя человѣчества въ его исторіи, современномъ положеніи и мѣстныхъ характерныхъ особенностяхъ. А этотъ строй, какъ общеизвѣстно, во многихъ отношеніяхъ таковъ, что одно только всестороннее, объективное, научное изученіе его равносильно полному и безопаданному осужденію существующаго. Отъ такого изученія школа, разумѣется, не только не можетъ отказаться, но оно составляетъ ея прямую обязанность. Понятно, что выполненіе школой этой обязанности, освѣщая человѣческія отношенія свѣтомъ научнаго знанія, должно имѣть, наряду съ отвлеченнымъ образовательнымъ, также и огромное практическое значеніе въ политической жизни страны. Но этотъ конечный результатъ будетъ достигнутъ нетолько путемъ, не противорѣчающимъ принципу, что «въ школѣ не должно быть мѣста никакой политикѣ», но, напротивъ, какъ разъ благодаря дѣйствительному и честному осуществленію его въ школьной жизни.

Выполненіе школьныхъ программъ лежитъ на педагогическомъ персоналѣ и въ высшей степени важно, отвѣтственное положеніе его требуетъ, чтобы каждый учитель руководствовался въ своей школьной работѣ исключительно тѣми требованіями научности и объективности, которымъ должна служить общественная школа, избѣгая какого-бы то ни было искусственнаго, односторонняго вліянія на умственное и социальное развитіе учащихся. Его девизомъ должно быть: широкое, всестороннее освѣщеніе жизни и безусловное уваженіе свободы самоопредѣленія учащейся молодежи. Этотъ девизъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ самой сущности педагогической профессіи и строгая вѣрность ему должна быть признана однимъ изъ основныхъ принциповъ профессиональной педагогической этики. Для того же, чтобы онъ дѣйствительно вошелъ въ плоть и кровь учительскаго міра, прежде всего необходимо оградить полную свободу и человѣческое достоинство самихъ учителей, какъ это уже формулировано выше. Во всякомъ случаѣ, для этого отнюдь не требуется того, чтобы учитель обязанъ былъ скрывать отъ учащихся свои личныя, въ томъ числѣ и партійныя, убѣжденія, а также устраняться отъ активнаго участія въ политической жизни своей страны. За порогомъ класса онъ долженъ быть такимъ же полноправнымъ гражданиномъ, какъ всѣ остальные. Точно также, совершенно противоестественно было бы требовать отъ учителя, чтобы онъ не могъ бесѣдовать съ учащимися внѣ школы, наравнѣ со всѣми остальными окружающими, на какія ему угодно темы. Повторяемъ, что огражденіе свободы учащихся въ этомъ отношеніи отъ искусственнаго давленія со стороны учащаго — не дѣло внѣшнихъ принудительныхъ и ограничительныхъ нормъ, а исключительно дѣло профессиональной этики. Однако нельзя не предвидѣть заранѣе, что и въ этомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи школьныхъ программъ, самое высокое развитіе педагогической этики въ указанномъ смыслѣ не только не устранило бы, но, напротивъ, чрезвычайно усилило бы фактическое значеніе учительства въ политической жизни страны. Находить это завоеванное безукоризненно честнымъ путемъ значеніе ненормальнымъ или неправомѣрнымъ могутъ только тѣ, интересы которыхъ завѣдомо несомѣстимы съ интересами такой, близкой къ народнымъ массамъ, широко образованной и высоко уважающей человѣческое достоинство cadaго, арміей профессиональныхъ работниковъ, какой должно быть учительство.

Что касается учащихся, то ихъ общественныя потребности и интересъ къ социальнымъ вопросамъ должны находить себѣ полное

и свободное удовлетвореніе въ даваемомъ школой образованіи, въ школьной товарищеской жизни и въ различныхъ организаціяхъ молодежи. Активное участіе ихъ въ текущей политической жизни страны, по существу, разумѣется явленіе «ненормальное», но въ настоящее время оно съ неизбѣжностью вызывается глубокими ненормальностями существующаго соціально-политическаго строя вообще и такими же глубокими ненормальностями въ строѣ самой школы. Разумная и дѣйствительная борьба съ этимъ, столь ненавистнымъ правящей бюрократіи, «зломъ» лежитъ не въ репрессіяхъ и ограниченіяхъ, направленныхъ противъ школы, учащихся и учащихся, а исключительно въ устраненіи тѣхъ ненормальностей, которыя его вызываютъ. При наличности общихъ глубокихъ ненормальностей, это «зло» должно быть призвано не только явленіемъ неизбѣжнымъ, но и здоровымъ, отвѣтственность же за вызываемыя имъ тяжелыя жертвы, падающія на молодыя поколѣнія страны и глубоко отражающіяся на всемъ народѣ, лежитъ конечно не на школѣ и учащихся. Она должна быть цѣликомъ перенесена на факторы, гнетущіе здоровое развитіе общественной жизни. Въ нормально поставленной общественной школѣ не можетъ быть мѣста никакимъ принудительнымъ, внѣшнимъ мѣрамъ, направленнымъ къ насильственному устраненію учащихся отъ участія въ злободневной политической борьбѣ и вообще къ ограниченію свободы ихъ личности.

В. Совмѣстное обученіе.

Общій режимъ политическаго неравенства, полового, сословнаго и классоваго господства, отражается, разумѣется, и на школьномъ строѣ, стремясь создать его по образу и подобию своему. Въ недавнее еще время, въ глазахъ представителей этого режима, общественныя учебныя заведенія являлись не болѣе, какъ заведеніями для фабрикаціи чиновниковъ и разныхъ специалистовъ; объ образованіи женской половины населенія тогда, разумѣется, не было и рѣчи. Затѣмъ, женское образованіе хотя и стало развиваться подѣ влияніемъ обще-культурной эволюціи, но и до сихъ поръ еще въ области высшаго и спеціальнаго образованія имѣются налицо многочисленныя пережитки прежняго взгляда. Женщина еще не завоевала у насъ даже признанія за нею простаго *права* получать образованіе всѣхъ безъ исключенія существующихъ видовъ и степеней. Что касается средняго и низшаго образованія, то общее безправное и приниженное положеніе

женщинъ отражается на развитіи этого образованія среди женскаго населенія самымъ очевиднымъ образомъ. Однимъ изъ такихъ отраженій являются памятные еще всѣмъ планы всеобщаго начальнаго образованія съ исключеніемъ дѣвочекъ изъ общаго счета дѣтей школьнаго возраста или принятіемъ въ расчетъ лишь небольшой части ихъ. Къ той же категоріи явленій должно быть отнесено, въ сущности, и созданное старымъ режимомъ возрастное ограниченіе допускаемаго въ низшихъ школахъ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Впрочемъ, существованіе этого ограниченія, главнымъ образомъ, объясняется господствующимъ невѣжествомъ и искусственнымъ отношеніемъ къ половымъ вопросамъ, которымъ вызываюся лицемерныя заботы о поддержаніи половой нравственности путемъ чисто внѣшнихъ мѣръ «предупрежденія и пресѣченія».

Если даже и признавать, что соединеніе въ одной и той же школѣ такихъ естественныхъ природныхъ группъ, какими являются оба пола, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ опасности для нравственнаго развитія молодежи, то и тогда всякій, привыкшій цѣнить не внѣшнюю, показную сторону, а самую сущность предмета, долженъ отнестись къ требованію раздѣльнаго образованія половъ совершенно отрицательно. Оттого, что предполагаемая безнравственные наклонности будутъ скрыты отъ школы, еще не слѣдуетъ, что онѣ исчезнутъ вообще. Нормально поставленная свободная общественная школа должна употреблять всѣ средства, чтобы какъ дурныя, такъ и хорошія, какъ нравственныя, такъ и безнравственныя особенности учащейся молодежи были ей извѣстны: только при этомъ условіи возможна будетъ планомѣрная, разумная борьба школы со всѣмъ, что съ точки зрѣнія здоровой эволюціи человѣчества является ненормальнымъ. Но невозможно упускать изъ вида, что самая опасность, якобы угрожающая половой нравственности учащихся отъ совмѣстнаго обученія, по меньшей мѣрѣ проблематична и не доказана. Въ жизни природы не существуетъ никакихъ искусственныхъ перегородокъ между обоими полами, и уже одинъ этотъ фактъ долженъ имѣть рѣшающее значеніе для школы. Только тогда, когда мужская и женская молодежь будетъ продолжать въ стѣнахъ школы такое же свободное товарищеское общеніе, въ какомъ жила до школы и будетъ жить послѣ ея окончанія, совмѣстными усиліями школы и самихъ учащихся изъ области половыхъ отношеній будетъ изгнано все болѣзненное, искусственное и скрытное, что окутываетъ ихъ теперь, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ невѣжества и глубокихъ ненормальностей современнаго соціально-поли-

тического строя. Только при совмѣстномъ обученіи общественная школа будетъ имѣть возможность широко использовать въ своихъ цѣляхъ такія могущественныя средства развитія, какъ взаимное соревнованіе и взаимное сотрудничество надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ молодежи обоихъ половъ, въ столь многихъ отношеніяхъ являющейся какъ-бы естественнымъ дополненіемъ другъ друга.

Для положительнаго рѣшенія вопроса о совмѣстномъ обученіи чрезвычайно большое значеніе имѣютъ и такія прямыя, блестящія показанія опыта, какой даютъ намъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ оно давно уже получило самое широкое распространеніе. Нельзя не отмѣтить чрезвычайной характерности самаго факта, что колыбелью совмѣстнаго обученія является именно эта великая страна, культура и бытъ которой созданы выходцами изъ старыхъ государствъ Европы на основахъ широкаго демократизма, въ атмосферѣ свободы отъ цѣлой тучи ненормальныхъ традицій, болѣе или менѣе окутывающихъ до сихъ поръ жизнь всѣхъ европейскихъ народовъ.

√ Что касается Россіи, то какъ только ея общественное мнѣніе получило въ послѣдніе годы возможность сравнительно свободно проявляться, у насъ возникъ цѣлый рядъ новыхъ среднихъ школъ частнаго почина, организованныхъ на началахъ совмѣстнаго обученія. Тѣ же начала давно уже получили у насъ всеобщее признаніе по отношенію къ высшимъ школамъ, и имѣющійся опытъ въ этой области блестяще подтверждаетъ вѣрность и жизненность этого голоса общественнаго мнѣнія. Однако, съ новѣйшимъ усиленіемъ реакціи, этому опыту положенъ насильственный конецъ. Въ области низшаго образованія существующія для совмѣстнаго обученія возрастныя ограниченія никогда не находили признанія ни въ широкихъ кругахъ нашего образованнаго общества, ни въ народныхъ массахъ.

Принципъ совмѣстнаго обученія не только съ необходимостью вытекаетъ изъ тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ должна быть построена организація общественнаго образованія, но обуславливается и общимъ соціально-политическимъ принципомъ полного равенства всѣхъ гражданъ страны, безъ различія пола: равенство правъ съ необходимостью требуетъ также полного равенства и въ средствахъ общественнаго образованія, которое можетъ быть достигнуто только при совмѣстномъ обученіи. Я уже не говорю о томъ, что организація общественнаго образованія на основахъ совмѣстнаго обученія представляетъ огромныя преимущества въ техническомъ, финансовомъ отношеніяхъ, чрезвычайно упрощаетъ и удешевляетъ все дѣло.

Невозможно, однако, упускать изъ вида, что въ настоящее время принципъ совмѣстнаго обученія, хотя и пользуется у насъ чрезвычайно широкой популярностью, однако, еще не завоевалъ себѣ всеобщаго признанія и вызываетъ возраженія въ такой средѣ общества и педагоговъ, которая искренно предана интересамъ образованія. Поэтому, несмотря на всю педагогическую и социальную важность этого принципа, едва ли цѣлесообразно было бы требовать включенія его въ государственный органическій законъ по народному образованію. Такое или иное рѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено мѣстному школьному законодательству.

Г. Привилегіи школы и образованія.

Одной изъ характерныхъ особенностей существующей школьной системы является цѣлый рядъ «правъ и преимуществъ», присвоенныхъ школѣ, какъ учрежденію, учащимъ и учащимся въ школѣ и окончивающимъ ея курсъ. Опѣнивая всѣ эти «права и преимущества», съ общественно-педагогической точки зрѣнія, легко замѣтить, что они далеко не одинаковы по существу и, естественно распадаются на нѣсколько группъ.

Къ первой группѣ относятся различныя привилегіи чисто финансоваго характера: освобожденіе школьныхъ зданій отъ налоговъ и повинностей; освобожденіе жертвуемыхъ на образовательныя цѣли имуществъ отъ наслѣдственныхъ пошлинъ; установленіе для школъ бесплатной почтовой пересылки корреспонденціи; освобожденіе отъ гербового сбора различныхъ прошеній и бумагъ, касающихся учрежденія школъ, испытаній на учительскія званія и нѣк. др. Всѣ эти привилегіи являются поправками къ дѣйствующей финансовой системѣ, принятыми въ интересахъ увеличенія финансовыхъ ресурсовъ народнаго образованія. Пока сама система общественныхъ финансовъ не будетъ перестроена на совершенно новыхъ основаніяхъ, отвѣчающихъ идеаламъ социальной справедливости и цѣлесообразности, до той поры и школьныя привилегіи финансоваго характера будутъ сохранять свое значеніе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ даже должны быть значительно расширены.

Непосредственно къ первой примыкаетъ и вторая группа школьныхъ привилегій, также носящая финансовый характеръ, но имѣющая своей цѣлью расширеніе образовательныхъ функций школы или облегченіе учащимся способовъ пользоваться школьнымъ обученіемъ.

Сюда относятся льготные желѣзнодорожные тарифы для поѣздовъ учащихся и учащихся въ образовательныя экскурсіи, для поѣзда учащихся въ школы и обратно, для поѣзда учащихся въ санаторіи и лѣтнія колоніи. Эти привилегіи такъ же, какъ и первыя, ни съ какой точки зрѣнія не возбуждаютъ сомнѣнія въ своей цѣлесообразности и не только должны быть сохранены, но нуждаются въ значительномъ расширеніи. Важнѣйшимъ изъ нихъ должно быть признано уничтоженіе ограниченія, которое установлено при пользованіи льготнымъ тарифомъ для образовательныхъ экскурсій учащимися въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ то время, какъ учащіеся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ могутъ пользоваться этимъ тарифомъ на какихъ угодно разстояніяхъ, учащіеся въ низшихъ школахъ могутъ пользоваться имъ только на разстояніяхъ до 300 верстъ. Такимъ образомъ, для учащихся дѣтей народныхъ массъ, и безъ того уже до крайности обдѣленныхъ образовательными средствами, создано еще одно ограниченіе, явно носящее характеръ соціальной несправедливости и не могущее найти себѣ никакого принципиальнаго обоснованія.

Третью группу школьныхъ привилегій составляютъ предоставляемыя учащимъ льготы по отбыванію воинской повинности, установленныя съ цѣлью обезпечить школы педагогическимъ персоналомъ. Содержа учащихся народныхъ школъ въ черномъ тѣлѣ и чрезвычайно низко оплачивая ихъ отвѣтственный трудъ, господствующій строй видитъ въ этихъ льготахъ средство создать лишнюю приманку для избранія, хотя бы на время, педагогической профессіи. Но подобное средство искусственнаго привлеченія лицъ въ ряды учителей не выдерживаетъ критики. Школа является въ высшей степени важнымъ общественнымъ учрежденіемъ и работать въ ней должны только тѣ, кто чувствуетъ призваніе къ педагогической дѣятельности и обладаетъ всѣми необходимыми для нея условіями, а не тѣ, для кого школа—только наименьшее изъ представляющихся имъ на выборъ золъ. Понятно, что учительскій трудъ долженъ получать вознагражденіе, размѣры котораго вполнѣ достаточны, соотвѣтствуютъ общимъ условіямъ жизни въ странѣ и не нуждаются въ дополнительныхъ приманкахъ, не имѣющихъ ничего общаго со школой и ея интересами. Такимъ образомъ, указанныя льготы, являясь, въ сущности, компенсаціей при недостаточной оплатѣ учительскаго труда, вызываютъ появленіе на учительскихъ мѣстахъ чуждыхъ этому призванію лицъ, и какъ безусловно вредныя съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ школы, должны быть отмѣнены.

Четвертую, самую обширную и важную въ принципіальномъ отношеніи группу, составляютъ различныя привилегіи образованія: связанныя съ окончаніемъ учебныхъ заведеній права на сокращенный срокъ военной службы, на полученіе чиновъ и званій, на государственную службу. Эти привилегіи составляютъ въ настоящее время неотъемлемую часть школьной системы и оказываютъ чрезвычайно глубокое вліяніе на весь школьный строй. Соціальная природа этихъ привилегій двояка. Съ одной стороны, онѣ являются пережиткомъ того взгляда на общественное образованіе, когда оно цѣнилось не само по себѣ, а исключительно какъ средство подготовки правительственныхъ агентовъ. Съ другой, въ нихъ ярко сказывается классовый характеръ высшихъ ступеней образованія, фактически доступныхъ, главнымъ образомъ, дѣтямъ господствующихъ, состоятельныхъ классовъ. Широко пользуясь общественнымъ образованіемъ, представители послѣднихъ стремятся самое знаніе превратить въ товаръ и сдѣлать его средствомъ для своего соціального господства.

Въ такой системѣ общественнаго образованія, которая построена на принципахъ научности, свободы и соціальной справедливости, школа и даваемая ею знанія не должны служить никакимъ побочнымъ цѣлямъ и не могутъ быть источниками никакихъ привилегій.

Единственной и исключительной задачей общественной школы должно быть распространеніе знанія и при настоящемъ уровнѣ человѣческой культуры значеніе этой задачи такъ неизмѣримо велико, что она должна быть осуществляема совершенно свободно, внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было другихъ цѣлей. Только тогда будетъ гарантировано наилучшее удовлетвореніе и всѣхъ другихъ потребностей общечеловѣческаго. Напротивъ, если допустить вліяніе на общеобразовательную школу той или другой изъ этихъ отдѣльных потребностей, какъ бы безспорно важна она сама по себѣ ни была, это неизбежно должно повести за собой односторонность въ постановкѣ школы и нанести ей болѣе или менѣе существенный ущербъ.

Кромѣ научнаго, свободнаго знанія общественная школа не должна давать своимъ питомцамъ ничего. Прохожденіе ея курса не должно давать безусловно никакихъ, закрѣпленныхъ законодательной регламентаціей правъ и никакихъ соціальныхъ привилегій. Для того же, чтобы школы, дѣйствительно, были обеспечены столь важныя для нея въ этомъ отношеніи чистота и свобода, должна быть принята система спеціального стажа и спеціальныхъ испытаній для занятія должностей, требующихъ тѣхъ или другихъ знаній и навы-

ковъ. Эти испытанія должны быть поставлены совершенно независимо отъ системы общественныхъ школъ; организацію ихъ необходимо всецѣло предоставить тѣмъ учрежденіямъ или вѣдомствамъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся тѣ или иныя должности.

XVII.

Итоги.

Выводы, къ которымъ мы приходимъ, разсмотрѣвъ главные основанія общественной организаціи народнаго образованія, могутъ быть сформулированы въ рядѣ слѣдующихъ тезисовъ: 1).

I. Въ основу общественной организаціи народнаго образованія долженъ быть положенъ принципъ, что знаніе есть продуктъ общечеловѣческаго творчества и распространеніе его въ массѣ населенія должно быть не частнымъ дѣломъ каждой отдѣльной личности, а общественной обязанностью, которая должна осуществляться органами общественнаго управленія, на общественныя средства.

II. Мѣсто государства въ общественной организаціи народнаго образованія должно быть опредѣлено органическимъ государственнымъ закономъ по народному образованію, содержаніе котораго исчерпывается двумя основными задачами. Онъ долженъ: 1) гарантировать всѣмъ гражданамъ, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, равное право на образованіе и 2) установить для всей территоріи государства тотъ минимумъ образованія,—какъ въ смыслѣ количественнаго развитія общественныхъ образовательныхъ учреждений, такъ и въ отношеніи ихъ образовательнаго уровня,—полученіе котораго должно быть обезпечено каждому гражданину. Непосредственное завѣдываніе народнымъ образованіемъ должно

1) Еслибы эти тезисы подверглись обсужденію въ какихъ либо общественныхъ или кружковыхъ собраніяхъ, то авторъ былъ бы глубоко признателенъ за доставленіе въ его распоряженіе результатовъ такихъ обсужденій. Съ глубокой благодарностью приметъ авторъ и всякія мнѣнія по этимъ вопросамъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, а также всѣ статьи и отзывы о выпускаемой книгѣ въ періодической печати, въ особенности провинціальной.

быть изъято изъ области государственнаго хозяйства и передано органамъ мѣстнаго самоуправленія.

Права, признанныя за гражданами органическимъ закономъ, должны быть охраняемы судомъ и не нуждаются въ какой-либо другой специальной охранѣ со стороны государства. Мѣстная правительственная школьная администрація должна быть упразднена. Государство должно сохранить единый центральный административный органъ по народному образованію, который не долженъ обладать никакой принудительной властью ни надъ мѣстными самоуправленіями, ни надъ школьной администраціей этихъ самоуправленій, ни надъ ихъ образовательными учрежденіями. Назначеніе этого органа состоитъ: 1) въ завѣдываніи государственными образовательными учрежденіями—государственными книгохранилищами, музеями, учеными и специальными учрежденіями и т. д.; 2) въ изученіи положенія образованія въ Россіи и другихъ странахъ, 3) въ подготовкѣ матеріаловъ для развитія государственнаго законодательства по народному образованію; 4) въ объединеніи дѣятельности по народному образованію мѣстныхъ самоуправленій путемъ организаціи съѣздовъ, изданія специальной литературы и т. д.

III. Нормы государственнаго органическаго закона по народному образованію обязательны для мѣстныхъ самоуправленій, но должны носить такой общій и внѣшній характеръ, который оставляетъ полный просторъ организаціонной творческой работѣ на мѣстахъ. Мѣстные самоуправления должны быть полноправными и вполне самостоятельными хозяевами всего школьнаго дѣла, во всѣхъ его отрасляхъ и развѣтвленіяхъ: дошкольнаго, начальнаго, средняго и высшаго, общеобразовательнаго, профессиональнаго и специальнаго и т. д. Основной единицей мѣстнаго самоуправления по завѣдыванію народнымъ образованіемъ должно быть признано губернское земство; оно должно обладать правомъ изданія законовъ по школьному дѣлу, обязательныхъ для остальныхъ органовъ мѣстнаго самоуправления на территоріи губерніи. Для правильнаго развитія общественной организаціи народнаго образованія, общій законъ о мѣстномъ самоуправленіи долженъ обезпечивать всѣмъ органамъ этого самоуправления, начиная съ общинъ и кончая губернскими земствами, широкую свободу заключенія между собой всевозможныхъ формъ добровольныхъ объединеній: организацій, союзовъ, съѣздовъ и т. д.

IV. Необходимымъ условіемъ самостоятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія въ завѣдываніи народнымъ образованіемъ является сосредоточеніе въ ихъ рукахъ всей финансовой стороны дѣла. Система государственныхъ субсидій на народное образованіе не оправдывается финансовыми соображеніями и при современныхъ политическихъ условіяхъ неизбѣжно повлечетъ за собой нарушеніе самостоятельности мѣстныхъ самоуправленій. Необходимость крупныхъ общественныхъ затратъ на дѣло народнаго образованія и непосильность ихъ для современныхъ земствъ и городовъ дѣлаютъ безусловно необходимой общую широкую реформу финансовъ государства и мѣстныхъ самоуправленій. Въ области финансовъ народнаго образованія, государство должно взять на себя лишь нѣкоторыя второстепенныя функціи: 1) обезпеченіе общественныхъ школъ земельными участками и лѣсомъ изъ государственныхъ владѣній; 2) реализацію займовъ мѣстныхъ самоуправленій на нужды школьнаго строительства; 3) выдачу пособій изъ государственныхъ средствъ на нужды народнаго образованія въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ.

V. Органическій государственный законъ по народному образованію долженъ признать за каждымъ гражданиномъ право, независимо отъ какихъ бы то ни было дипломовъ или ценза, и безъ всякаго разрѣшенія, явочнымъ порядкомъ открывать какія угодно учебныя заведенія. Свободное осуществленіе гражданами этого права должно быть гарантировано исключительно судебной отвѣтственностью за возможные нарушенія ими частныхъ или общественныхъ интересовъ. Частныя учебныя заведенія должны подлежать вѣдѣнію органовъ мѣстнаго самоуправленія, компетенція которыхъ въ этой области исчерпывается тремя основными функціями: 1) законодательнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія должно принадлежать право опредѣлять формальную сторону явочнаго порядка открытія частныхъ учебныхъ заведеній; 2) уполномоченные на то агенты органовъ мѣстнаго самоуправленія должны имѣть право свободнаго входа во всѣ частныя учебныя заведенія въ часы учебныхъ занятій, но безъ права вмѣшиваться въ эти занятія и дѣлать какія-либо официальные замѣчанія; 3) представителямъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, наравнѣ со всѣми гражданами, должно принадлежать право привлекать къ суду содержателей и учащихъ частныхъ учебныхъ заведеній за допускаемые ими нарушенія государственнаго или мѣстнаго, школьнаго или общаго законодательства.

VI. Въ интересахъ націонализаціи народнаго образованія, законъ о мѣстномъ самоуправленіи долженъ открыть органамъ мѣстнаго самоуправления возможность, по взаимному соглашенію, измѣнять свои территоріальныя границы. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ характеръ расселенія, численность національностей и желанія самого населенія будутъ это допускать, органы мѣстнаго самоуправления должны строить свою школьную администрацію и свои школьные округа на національной основѣ. Въ случаяхъ, когда это будетъ невозможно, органы мѣстнаго самоуправления должны отпускать на образовательныя нужды національнаго меньшинства, въ распоряженіе его выборныхъ представителей, соотвѣтствующую численности этого меньшинства, часть своего общаго бюджета на народное образованіе.

VII. Органическій государственный законъ по народному образованію долженъ гарантировать учащихъ отъ связанныхъ съ ихъ профессіей ограниченій въ какихъ бы то ни было личныхъ или политическихъ правахъ, признанныхъ основными законами государства за всѣми его гражданами. Въ частности, этотъ законъ долженъ гарантировать учащимъ полную свободу собраній и союзовъ. Учащіе должны быть поставлены въ такое служебно-правовое положеніе, при которомъ они являлись бы не безправными, слѣпыми исполнителями законовъ и распоряженій, а отвѣтственными общественными работниками, пользующимися необходимой самостоятельностью въ примѣненіи законодательныхъ нормъ въ жизни, имѣющими возможность свободно и полно развивать свою творческую инициативу и принимать активное участіе въ дальнѣйшей разработкѣ школьнаго законодательства. Въ общей системѣ общественной организаціи народнаго образованія, профессионально-организованному учительству должны быть гарантированы слѣдующія основныя формы активнаго въ ней участія: 1) выборнымъ представителямъ учащихся должно быть обезпечено участіе, съ рѣшающимъ голосомъ, въ органахъ школьной администраціи; 2) въ учебной сторонѣ школы органамъ общественнаго управленія должно принадлежать только утвержденіе основныхъ типовъ школъ, основъ школьныхъ программъ и продолжительности учебнаго курса; выработка же детальнаго содержанія школьнаго курса должна быть предоставлена самому учительству, въ лицѣ его выборныхъ представителей и при участіи представителей науки; 3) въ общихъ предѣлахъ программы, опредѣленной для данной ступени школьнаго обученія, преподавателю должна быть предоставлена свобода разрѣшать поставленную ему задачу такими

приемами, какіе отвѣчаютъ его личнымъ взглядамъ, способностямъ и условіямъ работы. Государственный органическій законъ долженъ уничтожить какую бы то ни было специальную цензуру для школьныхъ учебниковъ, учебныхъ пособій и книгъ для чтенія учащихся.

VIII. Въ основу школьнаго строя должно быть положено признаніе за учащимися общихъ правъ, обеспеченныхъ основными законами государства за всѣми его гражданами: неприкосновенности личности, свободы слова, собраній и организацій. Въ общей школьной организаціи, учащіеся должны быть признаны важнымъ активнымъ факторомъ. Участіе ихъ въ жизненномъ строителствѣ школы должно быть обеспечено въ двухъ главныхъ формахъ: 1) выборнымъ представителямъ юношества, учащагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній должно быть предоставлено участіе въ коллегіальныхъ органахъ школьной администраціи; 2) во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ выборнымъ представителямъ учащихся должно быть предоставлено участіе въ школьныхъ совѣтахъ.

IX. Родителямъ учащихся, или ихъ представителямъ, должна быть предоставлена возможность принимать активное участіе въ жизни тѣхъ общественныхъ школъ, гдѣ учатся ихъ дѣти, но признаніе необходимости живой связи между школой и семьей не должно нарушать основной принципіальный взглядъ на общественную школу, какъ на общественное учрежденіе и ограничивать отвѣтственную самостоятельность учащихся въ педагогическихъ вопросахъ. Въ школьное законодательство необходимо ввести только самыя общія положенія объ участіи представителей семьи въ школьной жизни, оставляющія широкій просторъ для свободной творческой работы въ этой области какъ со стороны учительства, такъ и со стороны семьи.

X. Система мѣстной школьной администраціи должна состоять изъ органовъ двухъ основныхъ типовъ: коллегіальныхъ выборныхъ школьныхъ комитетовъ и единоличныхъ специалистовъ по дѣлу образованія — школьныхъ инспекторовъ. Въ компетенцію школьныхъ комитетовъ должно входить, главнымъ образомъ, рѣшеніе общихъ вопросовъ, связанныхъ съ функціонированіемъ общественной организаціи народнаго образованія, а также составленіе отчетовъ и разработка проектовъ для представленія на рѣшеніе законодательныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. На школьныхъ инспекторахъ

должна лежать текущая работа по завѣдыванію образовательными учреждениями.

Въ составъ школьныхъ комитетовъ должны входить: 1) представители населенія, образовательныя потребности котораго комитетъ обслуживаетъ, выбираемые или соотвѣтствующимъ законодательнымъ органомъ мѣстнаго самоуправления (земскимъ собраніемъ, городской думой), или путемъ прямыхъ выборовъ отъ всего населенія; 2) выборные представители учащихся даннаго района; 3) школьные инспектора даннаго района и 4) школьные врачи даннаго района, или ихъ выборные представители.

Школьные инспекторы должны быть освобождены отъ функцій полицейскаго характера. Они должны выбираться или путемъ прямыхъ выборовъ населеніемъ, или законодательными органами мѣстнаго самоуправления. Въ послѣднемъ случаѣ, школьнымъ комитетамъ и мѣстному учительству должно принадлежать право представлять на должность школьныхъ инспекторовъ своихъ кандидатовъ.

XI. За всѣми общественными учебными заведеніями должны быть признаны права школьной автономіи. Въ каждой школѣ должны быть два коллегіальныхъ органа: педагогическій совѣтъ и школьный совѣтъ.

Педагогическій совѣтъ состоитъ изъ всего педагогическаго персонала школы. Въ компетенцію его входятъ спеціально педагогическіе и профессиональные вопросы, въ которыхъ учительскому персоналу должна быть обезпечена полная самостоятельность. Педагогическому совѣту должно принадлежать: распредѣленіе между учащими обязанностей по школѣ, регулированіе всей учебно-воспитательной ея стороны и избраніе кандидатовъ на открывающіяся въ школѣ учительскія мѣста.

Въ составъ школьнаго совѣта входятъ: 1) весь педагогическій персоналъ школы; 2) выборные представители мѣстнаго органа самоуправления; 3) выборные представители родителей учащихся въ школѣ дѣтей; 4) выборные представители учащихся въ школѣ; 5) выборные представители отъ существующихъ при школѣ просвѣтительныхъ и другихъ организацій; 6) школьный врачъ. Школьный совѣтъ долженъ имѣть своего выборнаго предсѣдателя. Въ компетенцію школьнаго совѣта должны входить внѣ вопросы школьной жизни, какъ хозяйственные, такъ и образовательно—воспитательные, но участіе школьнаго совѣта въ области этихъ послѣднихъ не должно нарушать свободы профессиональной дѣятельности учащихся.

XII. Преподаваніе религіи должно быть признано частнымъ дѣломъ и исключено государственнымъ органическимъ закономъ по народному образованію изъ курса всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеній.

XIII. Органической государственный законъ по народному образованію долженъ обезпечить каждому гражданину возможность получать образованіе въ общественныхъ школахъ всѣхъ степеней и категорій на своемъ родномъ языкѣ.

Преподаваніе въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ государственнаго языка не должно носить обязательнаго характера.

XIV. Система общественной организаціи образованія должна покоиться на принципѣ полного равенства гражданъ, какъ въ смыслѣ права на образованіе, такъ и въ смыслѣ возможности фактически осуществлять это право. Для такого равенства необходимо:

1) чтобы государственный органической законъ по народному образованію обезпечилъ всѣмъ гражданамъ, безъ различія пола, сословій и вѣроисповѣданій, одинаковыя права: во-первыхъ, на поступленіе во всѣ общественныя учебныя заведенія въ качествѣ учащихся и, во-вторыхъ, на приложеніе въ нихъ своего труда въ качествѣ педагоговъ;

2) чтобы государственнымъ органическимъ закономъ по народному образованію была установлена полная бесплатность образованія во всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ профессиональныхъ и специальныхъ;

3) чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ учащіеся бесплатно снабжались на общественный счетъ необходимыми для ученія учебниками, пособіями и учебными принадлежностями;

4) чтобы каждый былъ обезпеченъ необходимыми средствами къ жизни на время обученія. Ближайшимъ образомъ необходимы: а) снабженіе неимущихъ учащихся на общественный счетъ теплой одеждой и обувью, дающими возможность посѣщать школу и въ холодное время года и б) устройство въ школахъ горячихъ завтраковъ на общественный счетъ;

5) чтобы государственный органической законъ по народному образованію гарантировалъ всѣмъ дѣтямъ свободу школьнаго возраста въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ установленной системой общественного образованія; свобода школьнаго возраста должна быть

одинаково охраняема во всѣхъ безъ исключенія видахъ наемнаго труда—на фабрикахъ и заводахъ, въ торговлѣ, ремесленной промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ, при наймѣ для личныхъ услугъ и т. д.;

б) чтобы государственный органическій законъ по народному образованію гарантировалъ каждому гражданину, желающему учиться или учить своихъ дѣтей, возможность осуществить это желаніе. На органы мѣстнаго самоуправленія должна быть поѣтому возложена обязанность открыть и содержать столько общественныхъ учебныхъ заведеній различныхъ степеней, сколько необходимо для удовлетворенія всѣхъ, желающихъ ими пользоваться. Въ области же общаго элементарнаго образованія государственный органическій законъ по народному образованію долженъ установить всеобщность образованія и признать, что органы мѣстнаго самоуправленія обязаны, въ точно опредѣленный срокъ, открыть такое количество общественныхъ школъ, дающихъ установленный для всего государства минимумъ образованія, и такъ распредѣлить эти школы территориально, чтобы всѣ находящіеся въ школьномъ возрастѣ дѣти населенія, живущаго на опредѣленной территоріи, могли безъ всякихъ внѣшнихъ препятствій посѣщать ихъ.

Органамъ мѣстнаго самоуправленія должно быть предоставлено право, по собственной инициативѣ, вводить на своихъ территоріяхъ обязательность образованія и опредѣлять ея основы.

XV. Образовательныя учрежденія, входящія въ систему общественной организаціи образованія, сводятся къ слѣдующимъ основнымъ формамъ:

1) Участіе общества въ воспитаніи молодого поколѣнія должно начинаться съ самаго ранняго дѣтства. Первымъ звеномъ системы общественнаго образованія должны быть дѣтскіе дома, соотвѣтствующіе современнымъ дѣтскимъ садамъ и яслямъ и назначенные для дошкольнаго образованія.

2) Ядромъ всей системы общественнаго образованія должна быть единая общеобразовательная школа. Ея задачу составляетъ передача молодымъ поколѣніямъ тѣхъ основъ знанія, которыя необходимы каждому, желающему сознательно жить человѣку, какую бы профессію онъ себѣ не избралъ, или какой бы частной отрасли знанія онъ не пожелалъ себя посвятить. Общеобразовательная школа должна подраздѣляться на нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней, каждая изъ которыхъ должна представлять самостоятельную школу

и давать болѣе или менѣе законченный кругъ знаній. Для гарантіи гражданамъ на всей территоріи государства свободы полученія общаго образованія на всѣхъ его ступеняхъ, государственный органическій законъ по народному образованію долженъ: а) опредѣлить основные для всей страны ступени и типы общеобразовательной школы, установивъ для каждой изъ нихъ основы ея учебныхъ программъ и минимальную продолжительность всего курса, и б) установить принципъ единства общеобразовательной школы, въ смыслѣ свободнаго отъ какихъ бы то ни было испытаній перехода учащихся, окончившихъ школы низшихъ ступеней, въ школы слѣдующихъ высшихъ ступеней.

3) Въ общую систему общественнаго образованія должно быть включено профессиональное и специальное образованіе. Организанія профессиональныхъ и специальныхъ общественныхъ учебныхъ заведеній должна опираться на систему общеобразовательныхъ школъ и давать профессиональную или специальную подготовку только уже окончившимъ ту или другую ступень общеобразовательной школы.

4) Для педагогическаго персонала всѣхъ ступеней общеобразовательной школы должно быть признано обязательнымъ окончаніе курса высшей общеобразовательной школы. Для специально-педагогической подготовки этого персонала, для лицъ, получившихъ общее высшее образованіе, должны быть учреждены или особыя педагогическія школы, или педагогическіе факультеты при университетахъ.

Для поднятія общаго образованія настоящаго состава народныхъ учителей, необходимо открыть при всѣхъ университетахъ трехмѣсячный лѣтній учительскій семестръ съ общеобразовательными курсами, построенными по типу народныхъ университетовъ.

5) Въ общую систему общественнаго образованія должны входить специальныя учебно-воспитательныя заведенія для различныхъ категорій ненормальныхъ дѣтей.

6) Должно быть принято на общественный счетъ содержаніе дѣтей бездомныхъ и лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, а также всѣхъ дѣтей, заявившихъ желаніе перейти на такое содержаніе. Всѣ дѣти, содержащіяся на общественный счетъ, должны получать образованіе въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ общаго типа. Основные принципы общественнаго содержанія дѣтей должны быть установлены государственнымъ органическимъ закономъ по народному образованію.

XVI. Постановка общеобразовательной школы должна определяться четырьмя основными задачами: а) школа должна снабдить молодое поколѣніе техническими средствами образованія, обеспечивающими каждому возможность пользоваться сокровищницей общечеловѣческаго знанія (элементы грамотности);

б) школа должна способствовать молодежи въ развитіи способности къ самостоятельной умственной работѣ и въ приобрѣтеніи правильныхъ методовъ такой работы;

в) школа должна сообщать молодымъ поколѣніямъ главныя основанія научнаго знанія, углубляя и развертывая ихъ все шире, по мѣрѣ прохожденія учащимися послѣдовательныхъ ступеней общеобразовательной школы;

наконецъ, г) школа должна дать учащимся понятіе о всей огромной области общечеловѣческаго знанія, чтобы каждый молодой гражданинъ, избирая себѣ ту или другую профессію, имѣлъ вѣрное представленіе о мѣстѣ, которое занимаютъ связанныя съ этой профессіей знанія въ общей системѣ.

Въ основу учебныхъ программъ общеобразовательной школы на всѣхъ ея ступеняхъ должно быть положено точное естествовѣдѣніе.

XVII. Необходимо создать высшую, университетскую, общеобразовательную школу въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, въ качествѣ самостоятельнаго, планомерно-организованнаго цѣлаго. Прохожденіе курса этой школы должно быть положено въ основу всѣхъ высшихъ специальныхъ школъ, какъ составляющихъ современный университетъ, такъ и организованныхъ независимо отъ университета.

XVIII. Совмѣстное обученіе должно быть признано нормальнымъ типомъ школы на всѣхъ ея ступеняхъ и во всѣхъ ея видахъ.

XIX. Единственной и исключительной задачей общественной школы должно быть признано распространеніе знаній. Школа и сообщаемыя ею знанія не должны служить никакимъ побочнымъ цѣлямъ и не должны являться источникомъ никакихъ, закрѣпленныхъ законодательной регламентаціей, правъ и никакихъ социальныхъ привилегій.

Льготы, предоставляемыя въ настоящее время учащимъ по отбыванію воинской повинности, должны быть отмѣнены, какъ не соответствующія основнымъ принципамъ нормальной организаціи школы и вредныя для ея дѣйствительныхъ интересовъ.

Всѣ существующія въ настоящее время привилегіи, связанныя съ окончаніемъ курса учебныхъ заведеній (права на сокращенный срокъ военной сружбы, на получение чиновъ и званій, на государственную службу и т. д.), также должны быть полностью отмѣнены. Для занятія общественныхъ должностей, требующихъ специальныхъ знаній, должна быть введена система специального стажа и специальныхъ испытаній, организованная совершенно независимо отъ системы общественныхъ школъ.

Изъ существующихъ видовъ школьныхъ привилегій должны быть сохранены и расширены только льготы, имѣющія цѣлью увеличеніе финансовыхъ ресурсовъ народнаго образованія, а также содѣйствующія расширенію образовательныхъ функций школы, или облегчающія учащимся способы пользоваться школьнымъ обученіемъ.

XVIII.

Общія условія школьной реформы.

Въ предшествующемъ изложеніи неоднократно уже отмѣчалась неразрывная связь, существующая между положеніемъ школы и общимъ соціально-политическимъ строемъ. Углубляясь въ далекія историческія перспективы этой связи, мы видимъ, что знаніе и образованіе, распространенію которыхъ служитъ современная школа, явились главнымъ орудіемъ человѣчества въ его долгой исторической борьбѣ за существованіе, доставившей ему въ концѣ концовъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ населяющихъ землю животныхъ. Какъ извѣстно, эта борьба ведется въ двухъ основныхъ формахъ: въ формѣ, обычно связываемой съ понятіемъ борьбы за существованіе, «войны каждаго противъ всѣхъ» и въ формѣ взаимопомощи въ достиженіи общихъ, одинаково выгодныхъ для всѣхъ индивидуумовъ даннаго вида цѣлей. Въ послѣднемъ счетѣ, значеніе знанія въ историческихъ судьбахъ человѣчества сводится главнымъ образомъ ко второй изъ этихъ формъ. Въ строгомъ согласіи съ этимъ знаменательнымъ фактомъ, принципы школы и образованія, выработанные передовыми педагогами, находятся въ полной гармоніи только съ величайшими, отдаленнѣйшими соціальными идеалами человѣчества. Ихъ полное практическое осуществленіе въ жизни мыслимо только при такомъ же полномъ осуществленіи идеаловъ равенства, свободы, соціальной справедливости и соціального единенія людей. Пока о такомъ полномъ осуществленіи идеаловъ приходится еще только мечтать, но и въ условіяхъ современнаго строя, чѣмъ болѣе глубокая школьная реформа имѣется въ виду, тѣмъ болѣе глубокаія измѣненія въ общемъ соціально-политическомъ строѣ она предполагаетъ. Тѣ, уже достаточно назрѣвшіе въ общественномъ сознаніи, принципы школьной организаціи, выясненію которыхъ посвящены настоящіе очерки, также требуютъ для себя соотвѣтствующа-

щей общей атмосферы общественной жизни. Необходимыми предпосылками для возможности ихъ реализаціи являются тѣ лозунги, которые выдвинуты уже въ качествѣ очередныхъ, назрѣвшихъ задачъ нашимъ освободительнымъ движеніемъ: введеніе всеобщаго избирательнаго права, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія; гарантіи основныхъ правъ личности—свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ; широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія.

При болѣе или менѣе полномъ осуществленіи этихъ лозунговъ, исполнѣ возможно немедленное же проведеніе во всемъ ея объемѣ и намѣченной школьной реформы, которая въ такомъ случаѣ будетъ имѣть нормальную, здоровую среду для своего приложенія. При отсутствіи же того или другого существеннаго элемента политической или личной свободы, соприкасающимся съ этимъ элементомъ сторонамъ школьной реформы, въ случаѣ ихъ осуществленія, грозитъ неминуемое извращеніе. Достаточно привести здѣсь хотя бы слѣдующія иллюстраціи подобныхъ полныхъ извращеній нѣкоторыхъ принциповъ реформы въ случаѣ примѣненія ихъ, на примѣръ, въ условіяхъ нашего современнаго строя. Необходимость огромныхъ общественныхъ затратъ на возможно скорое осуществленіе въ Россіи всеобщаго начальнаго образованія—дѣло, на первый взглядъ, совершенно безспорное, не возбуждающее никакихъ принципиальныхъ сомнѣній. Стоитъ однако же вдуматься во всѣ детали этого дѣла, чтобы сейчасъ же натолкнуться на чрезвычайно существенныя принципиальныя возраженія противъ простаго рѣшенія вопроса, коренящіяся въ тѣхъ общихъ условіяхъ, при которыхъ его приходится разрѣшать. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время только одинъ великорусскій народъ имѣетъ въ Россіи свою національную школу, всѣ же остальные, населяющія ее національности такой школы не имѣютъ; официальные общественныя школы, лишенные роднаго языка, представляются для многихъ изъ нихъ не только чуждыми, но даже враждебными учрежденіями. Рядомъ съ ними создаются или частныя учебныя заведенія, или даже тайныя школы, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ и лежитъ теперь центръ тяжести національной школьной системы цѣлаго ряда народностей Россіи. Но на эти школы не идетъ почти ничего ни изъ государственныхъ средствъ, ни изъ средствъ мѣстныхъ самоуправленій. Такимъ образомъ, въ случаѣ немедленнаго осуществленія всеобщаго обученія, со всѣхъ національностей Россіи путемъ принудительнаго обложенія собирались бы огромныя средства на такія школы, часть

которыхъ удовлетворяетъ національнымъ потребностямъ однихъ великоруссовъ, а другая существуетъ только въ угоду ложной и вредной, насильственно ввѣдряемой школьной системы и совершенно не соотвѣтствуетъ интересамъ того населенія, которое онѣ обслуживаютъ. Ясно, что при подобныхъ условіяхъ даже такое дѣло, какъ осуществленіе всеобщаго образованія, сопровождалось бы грубымъ нарушеніемъ и соціальной справедливости и элементарныхъ принциповъ педагогики по отношенію ко многимъ милліонамъ населенія Россіи.

Другимъ примѣромъ подобнаго же извращенія явилось бы осуществленіе обязательности обученія при современномъ строѣ, когда далеко не для всего населенія обеспечена національная школа и чрезвычайно недостаточно обеспечена свобода совѣсти.

Число подобныхъ примѣровъ легко можно было бы увеличить, но и безъ того ясно, что школьные вопросы не допускаютъ узкой, обособленной отъ остальной жизни, постановки и затрогиваютъ самую сущность современнаго строя. Поэтому борьба за нормальную, свободную школу не можетъ не быть въ то же время борьбой за свободу, соціальную справедливость и великіе соціальные идеалы будущаго вообще. Искренній и послѣдовательный другъ образованія долженъ быть въ то же время честнымъ и мужественнымъ гражданиномъ своей родины.

Заключеніе. Къ вопросу о „безпочвенныхъ мечтаніяхъ“ и „практическихъ планахъ“.

Заканчивая свои очерки, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ по поводу той оцѣнки изложенныхъ въ ней принциповъ школьной реформы, которую не трудно предвидѣть со стороны нѣкоторыхъ круговъ. Безъ сомнѣнія, найдутся лица, для которыхъ, планы, подобныя этому, да еще предлагаемые въ такую тяжелую эпоху реакціи, какъ переживаемая теперь Россіей,—не болѣе, какъ «безпочвенныя мечтанія», не имѣющія никакихъ шансовъ на то, чтобы «пройти», на примѣръ, въ современномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ третьей государственной думѣ и въ современныхъ земствахъ и потому лишены всякаго «практическаго», «реальнаго» значенія. «Пройдетъ» или «не пройдетъ» изложенный планъ въ томъ или другомъ изъ названныхъ учрежденій—по этому поводу я спорить не стану, но подобныя упреки можно дѣлать только тому, кто взялся бы за сочиненіе реформы, «пріемлемой» для опредѣленнаго учрежденія и потерпѣлъ бы въ этомъ неудачу. Приступая къ своей работѣ я поставилъ себѣ совершенно иную цѣль и «реальны» или «не реальны» ея результаты необходимо судить по тому, насколько мнѣ удалось ея достигнуть.

Въ повседневной жизни нерѣдко приходится встрѣчаться съ удивительнымъ явленіемъ чрезвычайно близорукой переоцѣнки той послѣдней, чисто формальной стадіи законодательства, которая съ естественной неизбѣжностью только завершаетъ собой чрезвычайно сложный процессъ жизненнаго творчества въ той или другой области соціальной жизни. Настоящее творчество, въ которомъ вырабатываются новыя начала этой жизни, происходитъ вовсе не въ законодательныхъ учрежденіяхъ, а во время одинокихъ размышленій надъ соціальными вопросами, въ задушевныхъ пріятельскихъ бесѣдахъ и горячихъ кружковыхъ спорахъ по этимъ вопросамъ, на съѣздахъ и собраніяхъ, въ печати... Каждая, вновь зародившаяся

мысль, или погибаетъ, какъ нежизнеспособная, на той или другой стадіи своего возникновенія и развитія, или получаетъ болѣе или менѣе широкое признаніе и въ такомъ случаѣ немедленно же, самыми сложными и разнообразными путями, становится реальнымъ, дѣйствующимъ факторомъ общественной жизни. Мысль, получившая признаніе большинства, въ концѣ концовъ, рано или поздно, проникаетъ и въ дѣйствующее законодательство. Но для этого процесса обыкновенно требуется такъ много времени и совершается онъ съ такими осложнениями, что нерѣдко та или другая мысль воплощается въ форму дѣйствующаго закона уже тогда, когда она отжила свое время и на смѣну ей жизнь выработала уже новыя идеи. Сплошь и рядомъ также, въ законодательствѣ, благодаря несправедливостямъ и ненормальностямъ соціально-политическаго строя, долго дѣйствуютъ идеи, идущія прямо въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ творчествомъ жизни и въ такихъ случаяхъ жизнеспособныя мысли творять свою работу въ обходъ или вопреки законодательству, отвѣчающему не общему благу, а своекорыстнымъ интересамъ господствующаго меньшинства.

Размышляя надъ этими, неизмѣримо сложными, явленіями, нетрудно замѣтить, что одной изъ главныхъ причинъ, затрудняющихъ быстрое проникновеніе въ жизнь новыхъ идей и обуславливаемыхъ ими соціальныхъ мѣропріятій, является огромная сила личной и особенно общественной инертности, а также выработанный суровымъ жизненнымъ опытомъ глубокой скептицизмъ массъ въ «практической исполнимости» тѣхъ великихъ идеаловъ, которые такъ далеки отъ окружающей ихъ жизни. Между тѣмъ именно эти идеалы и ничто другое выводятъ человѣчество къ новому лучшему будущему; именно они и въ личной и въ общественной жизни имѣютъ самое непосредственное реальное значеніе и одно широкое пониманіе этого значенія способно уже во много разъ ускорить для всѣхъ очевидную окончательную побѣду ихъ. Исторія человѣчества представляетъ намъ не мало яркихъ примѣровъ того, какъ условны ходячія представленія объ «исполнимости» и «неисполнимости» отдѣльныхъ соціальныхъ задачъ, ведущихъ къ этой полной побѣдѣ и какую огромную силу представляетъ въ этомъ отношеніи смѣлое рѣшительное отстаиваніе всѣми ея сторонниками той или другой очередной общественной проблемы.

Великія соціальныя идеи, въ общемъ, проходятъ въ жизни черезъ двѣ главныя фазы развитія. Теоретическая наука, не считающаяся ни съ какими существующими условіями общественной жизни

и не знающая никакихъ узкихъ соображеній о «практичности» или «непрактичности» своихъ построеній, обыкновенно формулируетъ руководящія идеи жизни задолго до того какъ эволюція соціально-политическаго строя создастъ условія, необходимыя для сколько-нибудь полного ихъ практическаго осуществленія, причемъ видную дѣятельную роль въ созданіи такихъ условій играютъ тѣ же научныя идеи путемъ постепеннаго, неуклоннаго просачиванія въ сознаніе общества. Какъ только создаются основные элементы этихъ условій, идеи облекаются въ плоть и кровь стройной системы, осуществленіе которой имѣетъ уже въ существующемъ строѣ необходимыя корни и можетъ уже получить реальное бытіе. Но и въ этой фазѣ соціальной идеи, защитникамъ ея предстоитъ еще обыкновенно затратить не мало времени и силъ, чтобы окончательно провести ее въ жизнь. Какъ бы однако трудна и продолжительна ни была эта борьба, однимъ изъ главныхъ залоговъ ея успѣшности является именно наличность принципиально выдержаннаго плана полного осуществленія данной идеи въ жизни. Такой планъ представляетъ огромное значеніе не только въ періоды революціоннаго, великаго подъема творческихъ силъ народа, но, пожалуй, еще болѣе въ будни общественной жизни и въ эпохи мрачной реакціи. Онъ даетъ каждому единственно вѣрный компасъ для надлежащей оцѣнки существующаго, а также для выработки своего отношенія къ тѣмъ частичнымъ проектамъ и мѣрамъ, которыя постоянно возникаютъ во всѣ періоды жизни и практически осуществляются господствующими въ ней силами. Въ то же время, и это самое важное, онъ даетъ широкую возможность, несмотря ни на какія препятствія, и не ожидая никакого законодательнаго признанія, непосредственно работать надъ осуществленіемъ идеи въ жизни. Можетъ быть эта работа, на взглядъ каждаго отдѣльнаго работника, будетъ мелочна и неблагодарна, но при массѣ идейно объединенныхъ работниковъ результаты ея должны быть громадны. Наглядный примѣръ тому представляетъ недавнее прошлое Россіи, когда подъ страшно тяжелымъ гнетомъ шла на нивѣ народнаго образованія такая «мелкая», незамѣтная, разрозненная и даже лишенная общаго принципиальнаго плана работа. Когда, съ первыми проблесками свободы, неизвѣстные другъ другу участники этой работы впервые получили возможность сойтись вмѣстѣ, обмѣняться своими мыслями и сформулировать обща свои, выстрадавныя тяжелымъ жизненнымъ путемъ, руководящія идеи,—они сами были поражены фактомъ своей огромной идейной солидарности, общая же продуктивность ихъ работы пре-

высила нетолько всѣ ихъ ожиданія, но и тѣ опасенія враговъ, которыя диктовали гнетъ стараго режима.

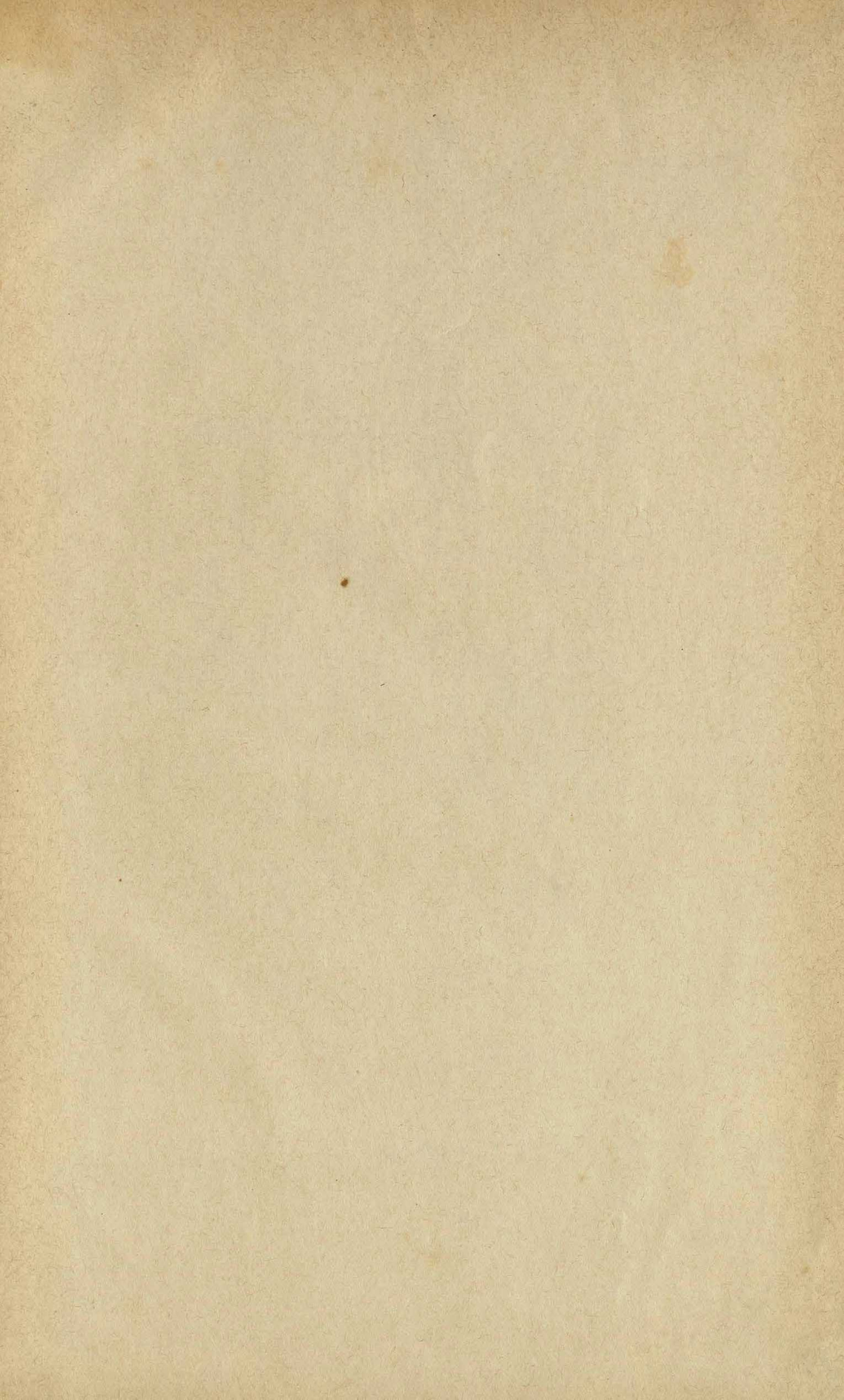
Можетъ быть въ области народнаго образованія Россіи предстоитъ снова пережить подобный же періодъ, но и въ такомъ случаѣ она вступаетъ въ него при условіяхъ, неизмѣримо болѣе благопріятныхъ для окончательнаго торжества великихъ соціальныхъ идеаловъ человѣчества, чѣмъ это было раньше. И прежде всего пережитый страной великій переломъ оставилъ послѣ себя работникамъ образованія одно драгоцѣнное наслѣдство. Онъ обнаружилъ, что въ Россіи есть уже на лицо жизненныя условія, необходимыя для выраженія великихъ идей общественнаго образованія въ принципиально выдержанномъ планѣ школьной реформы, заключающемъ вполне реальныя мѣропріятія и опредѣляющемъ основныя вѣхи для борьбы за ихъ осуществленіе. Онъ открылъ друзьямъ народнаго образованія возможность въ общихъ чертахъ намѣтить всѣ основныя черты этого плана. Наиболѣе полное выраженіе дано ему организованнымъ народнымъ учительствомъ страны, а въ государственную думу второго созыва членами думы, принадлежащими къ лѣвымъ ея фракціямъ, внесены соотвѣтствующія этимъ началамъ «Проектъ временныхъ правилъ по народному образованію» (подписанъ 99 депутатами) и «Проектъ основныхъ положеній государственнаго органическаго закона по народному образованію» (подписанъ 74 депутатами). Въ общемъ, этотъ планъ близко совпадаетъ съ принципами, обоснованію которыхъ посвящены настоящіе очерки. Эти принципы, можетъ быть еще далеки отъ того, чтобы полностью воплотиться въ дѣйствующія законодательныя нормы, но они, несомнѣнно, составляютъ уже *дѣйствующія нормы жизни*; во имя ихъ работаютъ уже многія тысячи народныхъ учителей и самыми разными путями они пробиваютъ себѣ дорогу въ жизни. Къ сожалѣнію, наступившая тяжелая реакція снова разобщила массу идейныхъ работниковъ народнаго образованія, снова имъ приходится работать въ одиночку, не чувствуя плеча товарища и не зная числа своихъ идейныхъ товарищей. Самые принципы этой идейной работы оказались намѣченными только въ самыхъ общихъ чертахъ, безъ полнаго систематическаго развитія, безъ обсужденія въ высшей степени важныхъ и сложныхъ отдѣльныхъ сторонъ школьнаго дѣла. А между тѣмъ, на цѣлый рядъ вопросовъ жизнь требуетъ немедленнаго отвѣта. Вполнѣ яснаго и опредѣленнаго къ себѣ отношенія требуетъ также не малое число тѣхъ, «практически-пріемлемыхъ» для господствующихъ силъ, школь-

ныхъ проектовъ и проэктиковъ, которые выдвигаются теперь и правительственными и нѣкоторыми общественными кругами. Среди нихъ находится, между прочимъ, въ высшей степени важное дѣло введенія всеобщаго начального образованія. Мнѣ кажется поэтому, что съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ народнаго образованія, очереднымъ и практически-важнымъ дѣломъ является детальная, всесторонняя разработка общаго принципіальнаго плана школьной реформы, намѣченнаго въ разгаръ освободительнаго движенія. И въ эту именно сторону, на мой взглядъ, должны быть направлены силы всѣхъ тѣхъ наличныхъ общественныхъ организацій, прикосновенныхъ къ вопросамъ образованія, которыя имѣютъ къ этому возможность. Изготовленіе же «практическихъ» плановъ разнаго рода, пріемлемыхъ господствующими силами, всего цѣлесообразнѣе представить тѣмъ учрежденіямъ, къ задачамъ которыхъ это непосредственно относится: государственной думѣ, земскимъ собраніямъ, городскимъ думамъ. Въ средѣ этихъ учрежденій вполнѣ понятны и разнаго рода компромиссы, и умолчанія, и урѣзки, но они непонятны въ средѣ общественныхъ учрежденій: здѣсь компромиссы со своими собственными принципами, не имѣя никакого практическаго значенія, въ дѣйствительности приводятъ только къ дальнѣйшему пониженію и безъ того уже низкаго уровня законодательной дѣятельности.

Вотъ тѣ соображенія и та цѣль, которыя руководили мною, когда я рѣшился въ настоящихъ очеркахъ сдѣлать попытку дать схему основныхъ принциповъ школьной реформы, наиболѣе отвѣчающей условіямъ современной Россіи. Не мнѣ судить, насколько удачна эта попытка. Думаю, что она во всякомъ случаѣ будетъ не бесполезной хотя бы уже тѣмъ, что подчеркиваетъ огромную сложность задачи и даетъ опредѣленную формулировку цѣлому ряду важнѣйшихъ вопросовъ школьной реформы. Мнѣ отлично извѣстны серьезные недочеты моихъ очерковъ, но я буду вполнѣ удовлетворенъ, если они возбуждаютъ и хоть сколько нибудь облегчатъ широкое общественное обсужденіе принциповъ и плана школьной реформы. Для ея успѣха такая широкая коллективная работа является первѣйшей необходимостью и замѣнить эту работу не подѣ силу никакимъ отдѣльнымъ личностямъ

2011096323